НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН ИМ. А. ТАХО-ГОДИ
1925·2025

ТАХО-ГОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025

Музей. Традиции, инновации, перспективы

(к 100-летию Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи)

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции

Махачкала, 2026

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
им. А. ТАХО-ГОДИ

Тахо-Годиевские чтения – 2025

«МУЗЕЙ. ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ»

(к 100-летию Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи)

ББК 79.1 (2Р-6Д)
УДК 068 (470.67)
М-89

Утверждено к печати Научно-методическим советом Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи
Редакционная коллегия:
Магомедов П.О., Халимбекова М.Х., Абдулмажидов Р.С.
Ответственный за выпуск: Гасанова А.М.

Тахо-Годиевские чтения – 2025
Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Музей. Традиции, инновации, перспективы»

М-89 «Музей. Традиции, инновации, перспективы». Тахо-Годиевские чтения – 2025. (к 100-летию Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи) – Махачкала: ИЦ «Мастер» (ИП Дидковская Н.В.), 2026 – 206 с. (Министерство культуры Республики Дагестан. ГБУ «Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи»).

В сборнике представлены научные статьи и сообщения специалистов по актуальным вопросам музееведения, краеведения, этнографии, формирования фондового собрания, сохранения исторической памяти, культурно-исторического и природного наследия и др. Тахо-Годиевские чтения состоялись 8-10 октября 2025 года в рамках празднования 100-летнего юбилея Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи.

Материалы публикуются в соответствии с файлами-оригиналами, представленными авторами.

ББК 79.1 (2Р-6Д)
УДК 068 (470.67)
М-89

© ГБУ «Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи», 2026 г.
© Авторы статей, 2026 г.
© ИЦ «Мастер», 2026 г.

Магомедов Пахрудин Омарович
Генеральный директор Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи

Уважаемые коллеги!

Я рад приветствовать всех участников Тахо-Годиевских чтений, которые проходят в рамках большого комплекса республиканских мероприятий, посвященных 100-летнему юбилею Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи – старейшего и крупнейшего музейного объединения Северного Кавказа.

Хочу выразить благодарность своим коллегам, руководителям, представителям ведущих федеральных и региональных музейных центров страны за то, что нашли время и возможность приехать в Дагестан, принять участие в работе нашей конференции и юбилейных торжествах!

Мы очень рады, что в этой аудитории с нами сегодня потомки выдающихся представителей русской интеллигенции, ученых, художников, которые стояли у истоков создания музея и внесли свой неоценимый вклад в формирование его фондов: внучка Дмитрия Михайловича Павлова, первого директора музея (Мария Геннадиевна Павлова), внук академика живописи Евгения Евгеньевича Лансере (Павлинов Павел Сергеевич). Спасибо, что приехали и сегодня вы вместе с нами здесь!

Уважаемые коллеги, истоки зарождения нашего музея относятся к концу 19 века и связаны с именами Ивана Сергеевича Костемеревского и Евгения Ивановича Козубского, ставших инициаторами и организаторами музейного дела в Дагестане. Мы не перестаем отдавать дань уважения этим удивительным людям, просветителям, энтузиастам, меценатам, оказавшим огромное влияние на развитие культуры Дагестана.

Национальный музей сегодня носит имя Алибека Тахо-Годи, общественного и государственного деятеля, ученого и мыслителя, первого наркома просвещения Дагестана, который внес выдающийся вклад в становление краеведения и музейного дела в горном краю, создание музея и его открытие в 1925 году.

Благодаря его усилиям была собрана уникальная коллекция, которая является основой сегодняшних музейных фондов. Из ведущих музеев страны были переданы в те годы дагестанскому музею ценнейшие экспонаты: произведения живописи и скульптуры, керамика, изделия

декоративно-прикладного искусства, ковры, старинное оружие, экспонаты кавказской тематики и т. д. Были организованы первые научные экспедиции по Дагестану для формирования фондов музея.

В честь основателя музея в 2023 году был открыт и действует Мемориальный зал Алибека Тахо-Годи. Это стало возможным благодаря усилиям Азы Алибековны Тахо-Годи, дочери Алибека Алибековича и его внучки Елены Аркадьевны, которые передали в музей дорогие семейные реликвии и всячески помогали в реализации этого проекта.

К сожалению, в сентябре этого года не стало Азы Алибековны, выражаем еще раз соболезнования. В нашем распоряжении имеется уникальное интервью с Азой Алибековной, сделанное в начале 2025 года депутатом Государственной Думы Российской Федерации Нурбагандом Магомедовичем Нурбагандовым. Хочу представить вашему вниманию короткий сюжет из этого интервью.

Уважаемые коллеги! Сегодня музей сохраняя преемственность лучших традиций и практик на своем вековом пути, старается двигаться дальше, отвечать на вызовы современности, видеть и воплощать проекты, привлекательные для самой разной музейной аудитории.

К юбилею музея реализован большой комплекс мероприятий, включая создание новых экспозиций и выставок, проведение семинаров, конкурсов, лекториев, организацию фестивалей, издание каталогов и многое другое. Возрождена практика научно-экспедиционных выездов, заложенная при основании музея в 1924–1925 г. Летом этого года состоялась успешная экспедиция в несколько районов Высокогорного Дагестана, которая собрала значительные материалы, пополнившие собрание музея.

Мы гордимся уникальными коллекциями подлинных артефактов, которыми располагает наш музей. В консолидированных фондах объединения содержится около 190 тысяч экспонатов: произведения живописи и скульптуры, предметы традиционных ремесел и декоративно – прикладного искусства, этнографическая коллекция, древние рукописи, уникальные артефакты из археологических раскопок, собрание холодного и огнестрельного оружия, ювелирных изделий и т. д.

Внимание к памятнику, подлинному предмету – это наш приоритет. При этом – с учетом требований времени и интересов аудитории, залы головного музея и его филиалов оснащаются современными цифровы-

ми технологиями, интерактивными и мультимедийными элементами.

В Год 80-летия Победы и юбилея музея проведена полная реконструкция и оснащение современным оборудованием Музея боевой Славы в Махачкале. Наша благодарность Главе Дагестана Меликову С. А., который оказал всемерную поддержку в реализации проекта.

Уважаемые коллеги! Программа сегодняшней конференции «Музей. Традиции, инновации, перспективы» очень насыщенная. Уверен, что состоится содержательное и конструктивное обсуждение актуальных вопросов музейного дела, традиционных и новых подходов, перспектив межмузейного взаимодействия.

Обращаю внимание, что программа чтений здесь же, в Национальном музее, перейдет в праздничную вечернюю программу с интерактивной экскурсией по залам музея, концертной программой, дефиле национальных костюмов, выставкой – мастер-классом народных художественных промыслов Дагестана, национальной кухней.

Хочу пожелать участникам чтений успешной и плодотворной работы, уверен, что результаты обсуждения станут хорошей отправной точкой для развития новых, интересных и эффективных музейных проектов.

Нашим гостям, которые приехали из самых разных регионов страны новых интересных открытий и находок, добрых и ярких впечатлений от пребывания на земле многонационального Дагестана!

Курбанов Мухтар Аммаевич
Первый заместитель министра культуры Республики Дагестан

Добрый день уважаемые гости Республики Дагестан, друзья, коллеги!

Я приветствую всех участников Тахо-Годиевских чтений, посвященных 100-летию Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, представителей музейного сообщества, ученых, историков, искусствоведов, приехавших из самых разных уголков страны: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ростова, Смоленска, Пятигорска, Минска, Республики Алтай, Республики Хакассия, республик Северного Кавказа. Рад видеть в этой аудитории руководителей музейных учреждений Дагестана и филиалов Национального музея.

Хочу пожелать участникам и организаторам успешной и плодотворной работы!

Сегодняшние чтения проводятся в рамках большого комплекса мероприятий в соответствии с Указом Главы Республики Дагестан (от 02.04.2024 № 27) «О праздновании 100-летия Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи».

Отрадно, что весь этот год культурная жизнь республики была насыщена яркими выставочными, фестивальными, культурно-просветительскими, исследовательскими, научно-экспедиционными музейными событиями и проектами. Созданы новые экспозиции, обновляются здания и залы филиалов музея. Одним из ключевых событий общественно-политической жизни республики в Год 80-летия Великой Победы и юбилея музея стало открытие после масштабной реконструкции Музея боевой Славы в Махачкале.

Сегодня Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи является самым крупным учреждением культуры на Северном Кавказе, включающим 33 филиала в городах и селах республики и 5 обособленных отделов в Махачкале.

Начав свою историю в далеком 1913 году, пережив непростые годы революции, гражданской войны, обретя государственный статус в 1925 году, пройдя испытания Отечественной войны, 90-тые годы, музей продолжает развиваться, старается шагать в ногу со временем, сохраняя и актуализируя культурно-историческое наследие и традиционные ценности народов нашей страны и республики.

В 2016 году музею было предоставлено одно из самых красивых исторических зданий старой Махачкалы (объект культурного наследия регионального значения).

В консолидированных фондах объединения содержится около 190 тысяч экспонатов: произведения живописи и скульптуры, предметы традиционных ремесел и декоративно – прикладного искусства, этнографическая коллекция, древние рукописи, уникальные артефакты из археологических раскопок, собрание холодного и огнестрельного оружия, ювелирных изделий и т. д.

Уважаемые коллеги! Юбилей старейшего и крупнейшего на Северном Кавказе музейного объединения – это серьезный повод для всестороннего анализа и обсуждения накопленного опыта, осмысления традиционных форм и новых подходов актуализации культурно-исторического наследия.

Уверен, что на площадке Тахо-Годиевских чтений, ставших уже традиционными, состоится содержательное и конструктивное обсуждение актуальных вопросов музейного дела, перспектив развития межмузейного взаимодействия, обмен лучшими практиками и опытом работы.

Мы надеемся, что Тахо-Годиевские чтения станут значимой площадкой для развития исследовательской деятельности, направленной на отражение самобытной культуры народов Кавказа и Дагестана музейными средствами, представленности ее в музейных пространствах, укрепление межрегионального сотрудничества и единого культурного пространства России.

Видим необходимость такой площадки для приобщения филиалов музейного объединения к лучшим музейным практикам.

Уважаемые коллеги! Тема научно-практической конференции: «Музей. Традиции, инновации, перспективы». В нашей аудитории эксперты высокого уровня: представители федеральных, региональных, муниципальных музеев, научного сообщества и это дает уверенность в том, что форум будет успешным и выполнит свою миссию.

Еще раз хочу пожелать всем участникам чтений плодотворной работы, уверен, что результаты обсуждения станут хорошей отправной точкой для развития новых, интересных и эффективных музейных проектов, позволяющих не только сохранять и воспроизводить традиционные духовно-нравственные ценности, но и делать их доступными для самой разной музейной аудитории.

Абдулмажидов Рамазан Султанович
Руководитель Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

Дорогие коллеги!

Национальный музей Дагестана им. А. Тахо-Годи отмечает знаменательную юбилейную дату – 100-летие со дня своего основания. Коллектив Института истории археологии и этнографии ДФИЦ РАН сердечно поздравляет руководство и сотрудников главного дагестанского музея, и желает дальнейшего плодотворного труда в деле сохранения и популяризации богатейшего историко-культурного наследия Дагестана.

Наш Институт был образован примерно в это же время – в октябре 2024 г. мы отметили юбилей проведением крупной международной научной конференции. Отрадно, что и наши коллеги из главного дагестанского музея, в честь приближающегося славного юбилея, решили провести Тахо-Годиевские чтения «Музей в контексте истории и современности». Полагаю, что подобные мероприятия, на которых будут обсуждаться достижения и проблемы, с которыми сталкиваются музейные работники, станут уникальной возможностью для обмена опытом и новыми идеями.

Хотелось бы пожелать успешной и плодотворной работы Тахо-Годиевским чтениям и выразить надежду, что они будут проводиться на регулярной основе, объединяя отечественных специалистов, занимающихся изучением и сохранением историко-культурного наследия родного края. Со своей стороны, можем заверить, что наш Институт будет принимать в данном научном форуме самое активное участие.

Особенно приятно, что в деле изучения истории и культуры Дагестана отмечена роль Алибека Алибековича Тахо-Годи – выдающегося дагестанского общественно-политического деятеля, который причастен и к основанию нашего Института. Несмотря на все трудности, с которыми столкнулась только образованная Дагестанская автономная советская социалистическая республика, он вместе с рядом других ее руководителей добились учреждения этих организаций гуманитарного профиля. В настоящее время трудно переоценить роль и значение Института истории и Национального музея Дагестана в деле изучения и сохране-

ния культурного наследия, развития образования и формирования общественного сознания.

Наш Институт тесно взаимодействует с Национальным музеем, и мы намерены только усиливать наше сотрудничество. К примеру, в 2023 г. мы совместно провели международную научную конференцию, посвященную 300-летию Каспийского похода Петра I. Удалось собрать на одной площадке признанных специалистов по петровской эпохе, изданы материалы конференции. Участники мероприятия высоко оценили уровень данного научного форума.

Кроме того, Институт готовит экспертные заключения по отдельным экспонатам, а также активно сотрудничает с филиалами Музея, расположенными в отдаленных районах Республики. К примеру, установлено тесное взаимодействие с филиалами Музея в с. Гимры и с. Цулда, идет последовательное изучение уникальных манускриптов на восточных языках, хранящихся в этих учреждениях.

Дорогие коллеги! За долгие годы своего существования Национальный музей Дагестана превратился в действительно крупнейшее в регионе хранилище памятников историко-культурного наследия. Расположенное в одном из старейших зданий Махачкалы, он является центром притяжения для дагестанцев разных поколений и гостей нашей Республики, которые получают возможность ознакомиться с богатством и многообразием истории и культуры Дагестана. Еще раз поздравляю весь коллектив музея, желаю ему процветания, неиссякаемого потока гостей и новых интересных экспозиций!

Формозова (Бонч-Осмоловская) Елизавета Александровна
Заведующая кафедрой микробиологии биологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, дочь известного ученого-зоолога Формозова Александра Николаевича[1]

Дорогие друзья, здравствуйте! Большое спасибо за приглашение принять участие в вашей конференции. Я поздравляю вас с юбилеем и желаю всего самого доброго и прекрасного в вашей будущей работе.

Я хочу немного рассказать о моем отце, Александре Николаевиче Формозове. Отец родился в конце XIX в. в 1899 г. А мы с братом были его детьми от второго брака уже после военного времени. Он был человеком уже старше 60 лет, поэтому с нами очень много занимался и много рассказывал о своей жизни и о своих путешествиях. Рассказы о Дагестане сопровождали нас все наше детство.

Помню прекрасный рассказ, который повторялся много раз, как папа для коллекции московского университета должен был собрать шкурки в виде тушек маленьких каких-то зверьков и вот он настрелял этих зверьков и отделял от них шкурки, а в этот момент на него смотрела маленькая дагестанская девочка. Она побежала домой и принесла ему кусок мяса, потому что решила, что этот незнакомый человек собирается питаться этими зверьками.

Мой брат издал прекрасную книгу о путешествиях отца с его рисунками (А. Н. Формозов «От Двины до Мургаба. Пути и тропы художника-анималиста»), там очень много замечательных рисунков о Дагестане. Это экспедиция 1924 года. Наш отец участвовал в Гражданской войне, был 18 летним студентом. Его призвали в Красную Армию. Он попал в плен к белым и потом уже после войны поступил в Московский университет, тогда поехал в свою первую экспедицию в Дагестан. Прекрасные рисунки самых разных зверей, которых он там видел, чудесные пейзажи, очень красивые растения, все это хранится у нас дома. И вот теперь есть такая книга!

1 Формозов Александр Николаевич (1899–1973 гг.) – известный ученый-зоолог, профессор, доктор биологических наук, художник-анималист. В 1924–1925 гг. будучи студентом Московского государственного университета, участвовал в первых зоологических экспедициях по Дагестану по сбору материалов для комплектования естественнонаучной коллекции Дагестанского музея.

Я знаю, что у вас в музее есть папины рисунки. И огромная вам благодарность за сохранение памяти о нем. Вы делаете замечательное дело. Поддерживаю этот музей! Это прекрасно! И я вам желаю всего самого лучшего! Спасибо!

МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ, КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПАТРИОТИЗМА И ПУТИ ИХ ПОСТРОЕНИЯ

С. Р. Гамзатова
Дагестанский музей изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой, г. Махачкала

MUSEUM PROJECTS AS A MEANS OF EDUCATION OF HISTORICAL MEMORY AND PATRIOTISM AND WAYS OF THEIR BUILDING

S. R. Gamzatova
Dagestan Museum of Fine Arts named after. P. S. Gamzatova, Makhachkala

Аннотация: задачи сохранения исторической памяти и патриотического воспитания выполняет музейное сообщество посредством музейных проектов. Дагестанский музей изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой ведет выставочную деятельность, создавая исторические, художественные и литературные экспозиции на различных площадках нашей страны.

Abstract: the museum community fulfills the tasks of preserving historical memory and fostering patriotism through museum projects. The P. S. Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts conducts exhibition activities, creating historical, artistic, and literary displays at various venues across the country.

Ключевые слова: музейные проекты, патриотизм, историческая память, воспитание.

Key words: museum projects, patriotism, historical memory, education.

Одна из важнейших задач музея – сохранение и передача новым поколениям исторической памяти, пропаганда национальной культуры. Как писал А. С. Пушкин

«Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу.
Любовь к родному пепелищу.
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека
Залог величия его…»

Именно в этом понимании музеи обладают огромным ресурсом, ибо владеют живыми свидетельствами того, что Пушкин назвал «родным пепелищем» и историей, хранящей память предков.

Выставочные проекты, публикации, проведение новых исследований – всё это пути к реализации этих задач.

ДМИИ им. П. С. Гамзатовой проводит очень большую работу по изучению и популяризации дагестанской культуры. Это и специализированные выставки по отдельным видам дагестанского декоративно-прикладного народного искусства: дагестанской вышивке, дагестанским коврам, балхарской керамике, объединенные выставки по дагестанскому декоративно-прикладному искусству. С большим успехом в 2024 году прошла выставка «Дагестанское оружие» в Тульском государственном музее оружия. Также ДМИИ им. П. С. Гамзатовой представляет различные персональные и тематические выставки произведений изобразительного искусства Дагестана. Поводом для нашей большой гордости является тот факт, что по многим проектам были проведены исследовательские работы и изданы альбомы.

Подняв тему «выставочные проекты как средство воспитания патриотизма и исторической памяти», хочу отметить несколько наиболее значительных и масштабных проектов ДМИИ им. П. С. Гамзатовой и остановиться на том, как они были осуществлены.

Прежде всего, хочу вспомнить большой совместный проект Дагестанского музея изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой, Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи и Дербентского государственного историко-архитектурного и археологического музея заповедника, который состоялся в 2014 году в Государственном историческом музее (Москва) «Россия. Дагестан. Дербент-2000». Само название выставки говорит о масштабных задачах, которые ставились перед кураторами выставки. Особую значимость выставке придавал тот факт, что ее планировал посетить Президент РФ В. В. Путин.

Концепция проекта разрабатывалась музеями совместно при личном участии Министра культуры Республики Дагестан Бутаевой З. А. и са-

мом активном содействии специалистов МК РД. Было решено разделить пространство зала на шесть больших зон. Первая часть представляла собой небольшой раздел с представленными в нем археологическими экспонатами и каменными якорями, обнаруженными в морских водах Дербента.

Следующий раздел представлял собой старинную дагестанскую саклю, позволяющую судить о средневековом облике дагестанского дома. Далее шел раздел, представлявший связи Дагестана и России. Эту экспозицию открывала картина Ф. Рубо «Вступление императора Петра I Великого в Тарки 13 июня 1722 г.», там же находились предметы, связанные с культурой Дагестана. Особо значимый для нас экспонат – пресс для переплетения рукописных книг (к. XIX в.), сделанный в Дагестане, и образцы старинных рукописных книг.

Следующая экспозиция представляла Дербентский базар, на котором были выставлены манекены, одетые в национальные костюмы различных народов Дагестана, и различные предметы декоративно-прикладного искусства, которые могли быть на дагестанском рынке к.XIX-н.XX вв. предметами торга. Вместе с тем, они демонстрировали ту материальную культуру, которая была распространена в обиходе дагестанцев и предметы, которые охотно покупали заезжие торговцы.

Далее мы представили раздел, посвященный совместному военно-историческому прошлому Дагестана и России, когда дагестанцы и русские после Кавказской войны воевали против общего врага. Ярким примером начала такой совместной борьбы с общим врагом стали события Русско-японской войны 1904–1905 гг. Вспомним, что эта борьба против общего врага продолжается по сей день, когда одиннадцать дагестанцев – участников СВО стали героями России. Возвращаясь к истории Русско-японской войны, отметим, что 31 января 1904 г. российский император Николай II обратился к кавказским горцам с призывом идти на войну с Японией. В связи с обращением был выработан проект создания Кавказской конной бригады, состоящей из Терско-Кубанского и 2-го Дагестанского конных полков. В полк зачислялись добровольцы, которых в те годы именовали «охотниками», из числа кавказских горцев, не несущих воинской повинности, и частично из действующего Дагестанского конного полка и других российских частей.

С первых же дней войны полк прославился своими делами, активно

Выставка «Россия. Дагестан. Дербент-2000», ГИМ, г. Москва

участвовал в многочисленных боевых действиях. Как писал исследователь Рудольф Иванов: «В истории Русско-японской войны действия дагестанцев представлялись отважными и героическими. Не было ни единого случая, когда полк не выполнил поставленную задачу или выполнил ее некачественно». Музей представил картины В. В. Мазуровского «Выход войск в горы. Второй Дагестанский полк под командой хана Нахичеванского» и «Всадник Дагестанского конного полка». Также в этом разделе демонстрировалось оружие дагестанских мастеров из собрания Государственного исторического музея. На выставке были представлены изделия дагестанских ювелиров к. XIX и XX вв. и уникальный экспонат – огромный ковер размером 6,30х4 м. ручной работы с изображением древнего Дербента, выполненный дербентскими мастерицами по мотивам гравюры русского живописца и военного топографа Гаврило Сергеева, побывавшего в Дербенте в 1796 году. Ковер был специально заказан к празднованию 2000-летия Дербента. На его создание ушло два года. Также были представлены живописные работы, посвященные

Выставка «Россия. Дагестан. Дербент-2000», ГИМ, г. Москва

Дагестану. Выставка имела большой резонанс. Первым ее зрителем стал Президент Российской Федерации В. В. Путин, который положительно оценил наш опыт. Мне посчастливилось представить ему этот проект. Данный проект интересен тем, как с помощью разных подходов: и традиционного представления предметов в витринах, и создания отдельных зон удалось осветить такую многогранную и значимую тему.

Далее хочу сказать об очень значимом для всех любителей творчества Расула Гамзатова и для меня лично проекте «Мой Дагестан. Наш Расул», состоявшемся в сентябре 2023 года в Государственном музее современной истории России. Передо мной, как куратором стала сложная задача, рассказать в одном проекте о столь многогранной и значительной личности, какой был Расул Гамзатов.

Выставка была составной частью цикла масштабных мероприятий, проводимых республикой к юбилею любимого поэта.

Мы отталкивались от хронологического принципа, выделив ряд разделов, имеющих основополагающее значение в жизни Р. Гамзатова: Дагестан, личность его отца Г. Цадасы, учеба в Литературном институте, семья, творчество, общественная деятельность. Творчество поэта было представлено в художественных иллюстрациях к его произведениям, сделанными многими видными российскими художниками: Ю. Космыниным, М. Магомедовым, Ю. Николаевым, Ю. Бурджеляном, А. Ливановым и др. Очень интересно то, что творчество Расула Гамзатова вдохновляло не только художников, работавших в жанре изобразительного искусства, но и художников – ювелиров. Ведь Дагестан – республика с большими традициями декоративно – прикладного искусства. Были представлены ювелирные оклады книг и не посредственно ювелирные изделия, посвященных Расулу Гамзатову, выполненные известными дагестанскими художниками – ювелирами: народным художником РФ М. Джамалудиновым, заслуженным художником РСФСР М. Кулиевым, заслуженным деятелем прикладного искусства Дагестана Г-М. Багатыровым, народным художником России и Республики Дагестан Р. Алихановым, О. Батыралиевым, заслуженным художником РД Л. Изабакаровой. Особое место в этом списке занимает заслуженный художник РФ, народный художник РД и Грузинской ССР М. Магомедова, с которой Расула Гамзатова связывали дружеские и очень уважительные отношения. Она была одной из тех немногих женщин, которым Расул Гамзатов

посвятил стихотворение, восхищаясь в первую очередь их талантом.

Два отдельных раздела были посвящены очень важным произведениям Расула Гамзатова – песне «Журавли» и поэме «Горянка». Песня «Журавли» занимает особое место не только в творчестве поэта, но и в мировой культуре. Она переведена и исполняется на многих языках мира и сейчас, объединяя людей разных политических взглядов. Образ журавлей лег в основу свыше 200 памятников, посвященных павшим на войне, установленных в нашей стране и двух за пределами России – в Америке и в Словении. Безусловно, только тема журавлей могла бы стать темой отдельной выставки. Другим важным произведением Расула Гамзатова стала поэма «Горянка. На основе этого произведения был поставлен в 1968 году балет в Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова и в 1975 году киностудией «Мосфильм» был снят одноименный художественный фильм.

Хочу поблагодарить наших коллег, сотрудников Государственного центрального музея современной истории России, которые приняли самое активное участие в формировании выставки, представив очень интересные экспонаты, среди которых особо хочу отметить афиши к спектаклю «Горянка», который был показан в Москве во время декады дагестанского искусства и литературы в 1960 году и фотографии к спектаклю «Горянка» в постановке Туркменского театра драмы имени Молланепеса в Ашхабаде в 1964–1965 годах.

Следующий раздел представлял личные вещи Расула Гамзатова в широком смысле этого слова. Были представлены фотографии, демонстрирующие его большую общественную и литературную деятельность, сделанные в разное время – на съездах партии, в заграничных командировках, на личных встречах, документы, а также подарки поэту и непосредственно его личные вещи.

Особый раздел – это книги с дарственными надписями Расулу Гамзатову различных выдающихся советских писателей и поэтов, демонстрирующие его огромные литературные связи с деятелями литературы из разных республик бывшего СССР. Это книги русских, грузинских, азербайджанских, армянских, украинских, белорусских писателей и поэтов. Среди них особое место занимают подаренные Расулу Гамзатову книги с автографами С. Маршака и К. Симонова.

И завершает выставку большой раздел с названием «Память». Что же

Выставка «Мой Дагестан. Наш Расул», ГЦМСИР, г. Москва

оставил нам поэт, кроме его книг. Как было воплощено его имя в материальном смысле этого слова. Как оказалось, в очень во многом. В четырех странах после смерти Расула Гамзатова были установлены ему памятники: в поселке Нагаркот в Непале (2018), в столице Египта Каире (2021), в городе Ялова в Турции, в столице Южной Осетии г. Цхинвал (2022), в Тегеранском университете им. Шахида Бехешти, Иран (2023).

Почтой России была выпущена марка к 100-летию Расула Гамзатова и Банком России – серебряная монета. Именем Расула Гамзатова названы центральный проспект в столице Дагестана, Национальная библиотека Республики Дагестан, Гунибская ГЭС, Дагестанский государственный педагогический университет, Буйнакский педагогический колледж, пограничный сторожевой корабль Каспийской флотилии, самолет авиакомпании «Аэрофлот», государственная республиканская литературная премия, республиканская стипендия для студентов и аспирантов, и, конечно, важнейшим событием стала установка Расулу Гамзатову памятника на Яузском бульваре в Москве, на открытии которого выступил Президент Российской Федерации В. В. Путин. По итогам выставки

«Мой Дагестан. Наш Расул» ДМИИ им. П. С. Гамзатовой в 2023 году был создан альбом с одноименным названием.

Этот выставочный проект объединил очень разнообразные и на первый взгляд несочетаемые предметы, но все они оказались объединены личностью великого дагестанского поэта, любовь к творчеству которого оказалась не подвластно времени и сегодня объединяет людей разных национальностей.

«ПРИНЦЕССА УКОКА»: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ЭКСПОНИРОВАНИЯ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Р. М. Еркинова
Национальный музей
Республики Алтай имени А. В. Анохина,
г. Горно-Алтайск

ISSUES ON PRESEERVATION AND EXHIBITION OF THE «UKOK PRINCESS» AT THE MUSEUM SPACE

R. M. Yerkinova
The National Museum of the Altai Republic
named after A. V. Anokhin ,
Gorno-Altaysk

Аннотация: в докладе освещены основные этапы экспонирования мумии женщины пазырыкской культуры V- Ш вв. до н. э. в Национальном музее Республики Алтай имени А. В. Анохина: рассматривается история открытия и тридцатилетнего изучения данного артефакта; делается обзор его экспонирования от момента передачи мумии Институтом археологии и этнографии СО РАН музею на временное хранение до современности. Основное внимание уделено проблемам сохранения данных биологических останков и формирования отдельной экспозиции «Плато Укок», использованию новейших компьютерных технологий для визуализации образа «принцессы Укока».

Abstract: this paper highlights the main stages of exhibiting the mummy of a woman of the Pazyryk culture (from the 5th to 3rd centuries BC) at the National museum of the Altai Republic.The report considers the history of discovery process and describes what kind of research was conducted on the artifact during thirty years. This work also provides an overview of its display from the moment the mummy was transferred to the museum by the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences for temporary storage to the present day. The main focus is made on preserving biological remains and creating a separate exhibition, as well as using the latest computer technologies to visualize the image of the «Princess of Ukok».

Ключевые слова: Алтай, плато Укок, мумия, Н. В. Полосьмак, саркофаг, режим хранения и экспонирования, компьютерная графика.

Keywords: Altai, Ukok Plateau, mummy, Natalya Polosmak, sarcophagus, storage, exhibition conditions, computer graphics.

В силу своей уникальности «Принцесса Укока» – мумифицированные останки молодой женщины пазырыкской культуры (V-Ш вв. до н. э.), открытые новосибирскими археологами из Института археологии и этнографии СО РАН в 1993 г. на высокогорном плато Укок, расположенном на южной окраине Республики Алтай, на границе с Китаем, Монголией и Восточным Казахстаном,– может быть названа главным предметом археологической части фондов Национального музея Республики Алтай. В сознании местного сообщества и многочисленных посетителей из всех регионов РФ и ближнего и дальнего зарубежья (по данным СМИ и соцсетей) она символизирует музей и отражает его специфику именно как Национального, аккумулируя вокруг себя в музейной экспозиции значительный пласт информации об историческом прошлом региона.

С древнейших времен плато Укок, расположенное на высоте около 2500 м над уровнем моря, считалось священным местом у коренных жителей Алтая. В их мифопоэтических представлениях на горных хребтах (Алтай сыны) находится первый из слоев Неба. Отсюда души шаманов-камов, омывшись в Молочном озере, начинают свой путь к Творцу, чтобы испрашивать благополучия, здоровья, обильного потомства людям и животным, защиту от бед, исцеление от болезней [3, с. 161]. Труднодоступность плато и его близость к Небу позволяли местным племенам тысячелетиями хоронить здесь своих предков и не тревожить их покой. Топоним Укок восходит к древнетюркскому слову ukak (погребальные носилки; сундук) или к монгольскому ухэг (удлиненный шкаф, ящик; массивная гора или крупная возвышенность с плоским верхом в форме сундука). В алтайском языке слово ӱкпек обозначает крытые землей постройки, а также наземные захоронения шаманов в срубах из жердей.

На плоскогорье Укок зафиксировано 406 археологических памятников, включающих более 1000 объектов начиная с каменного века и до этнографического времени: курганы, петроглифы, ритуальные комплексы. Именно там были найдены наиболее известные в мире скифские мумии,

в частности, мумия «принцессы Укока»; об этом открытии писали практически все мировые СМИ (но лучше, чем автор открытия, об этом никто написать не смог [4]). А в 1998 г. ЮНЕСКО принимает решение о внесении плато Укок в список объектов всемирного наследия в составе объекта «Алтай – Золотые горы». С 2005 г. оно является особо охраняемым природным парком «Зона покоя Укок». В 2005 г. археологи В. Молодин и автор открытия Н. Полосьмак удостоены Государственной премии РФ за открытия и исследования уникальных комплексов пазырыкской культуры VI–III веков до нашей эры на территории Горного Алтая.

Вот уже более 30 лет «принцесса» Укока – неофициальное название биологического объекта (хотя по отношению к человеческим останкам такое название неэтично) является не только историко-культурным феноменом, но и феноменом политическим. Вряд ли в 1990-е годы новосибирские ученые могли предположить, что сделанное ими открытие найдет отклик не только у специалистов, но и затронет национальные проблемы коренного населения Республики Алтай – алтайцев (см. подробнее [2, с. 134]). О спорах вокруг «принцессы» Укока и о том, кому владеть исторической находкой, можно уже написать большую книгу, но в рамках научного доклада невозможно сказать даже о самых проблемных и наиболее интересных сторонах тридцатилетней истории изучения и экспонирования этого археологического объекта.

На начальном этапе изучение мумии велось в Институте археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Методика консервации, разработанная Научно-исследовательским и учебно-методическим центром биомедицинских технологий (ВИЛАР, г. Москва), позволила сохранить мумию почти в том виде, в котором ее обнаружили. Первоначально мумия была помещена в музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, но общественный резонанс, вызванный этим открытием и вывозом мумии за пределы РА, вынудил ученых вернуть ее в Республику Алтай. По Соглашению о сотрудничестве между Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Министерством культуры от 25 мая 2011 г. «биологический объект» – мумия женщины пазырыкской культуры, названная в народе «принцессой Укока», была передана на временное хранение в Национальный музей Республики Алтай имени А. В. Анохина.

В 2008–2012 гг. на средства ООО «Газпром» была проведена гло-

бальная реконструкция здания музея, было оборудовано специальное помещение с определенным температурно-влажностным режимом, автономной системой безопасности, хранения и доступа к саркофагу «принцессы Укока». На всеобщее обозрение первоначально она не выставлялась: человеческие останки имеют особый статус в музейном пространстве, кроме того, культурные традиции коренного населения региона не допускают их открытого показа. Местное сообщество позитивно восприняло возвращение мумии, в какой-то мере поутихли страсти вокруг «принцессы».

В 2013 г. специалисты ВИЛАРа по приглашению музея провели комплекс медико-биологических работ по оценке состояния мумии и сделали заключение о хорошей сохранности останков и возможности их экспонирования с ограничением продолжительности показа – не более 3-х часов – при соблюдении заданных параметров температуры, влажности (температуры воздуха в диапазоне +16–18°С и относительной влажности воздуха 60±5%). и освещённости, с запретом видео-фотосъёмки с использованием вспышки и дополнительного освещения.

С момента открытия музея после реконструкции сотрудники ежедневно сталкиваются с сотнями посетителей, желающих увидеть сенсационную находку. Следуя традициям и обычаям алтайского народа, музей составил график экспонирования мумии с учетом лунных фаз, он выставляется на сайте [1] и в фойе музея. Ежемесячно на новолуние от четырех до шести раз по 3 часа в день (с 10.00 до 13.00 ч.) матерчатый полог саркофага открывается дежурным сотрудником музея, и мумия демонстрируется посетителям. Надо отметить, что в дни и часы показа «Укокской принцессы» в музее увеличивается поток посетителей. Участились случаи религиозного паломничества к саркофагу, преподнесения специальных даров в виде женских украшений (колец, браслетов, сережек), одежды, обуви, ритуальных тканей, хадаков, художественных работ с портретом принцессы и т. п., что заставило сотрудников музея в 2023 г. к 30-летию находки организовать из собранных предметов выставку «Дары «Принцессе Укока».

В 2015 г. мумия и другие находки из этого кургана (рубаха, юбка, пояс-шнур, чулки, головной убор, гривна; ритуальные предметы, украшения, конское снаряжение) были включены в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации (приказ Министерства

культуры Российской Федерации от 29.07.2015 г. № 2113) и закреплены на праве оперативного управления за ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук».

В том же году по специальному заказу НМ РА из современных композитных материалов с имитацией дерева был изготовлен саркофаг с системой автоматической поддержки температуры и влажности воздуха, мумия помещена в застеклённую нишу, внутри саркофага она находится на поддоне-носилках для удобства переноски.

В 2016, 2019 и 2023 гг. специалисты ВИЛАРа проводили комплексное обследование мумии и в протоколах визуального осмотра отмечали ее безупречное хранение и обслуживание, констатируя: в музее проводится регулярная обработка мумии специальными бальзамами и средствами, ведется систематический мониторинг температурно-влажностного режима. В 2023 г. при визуальном осмотре мумии не выявлено изменений ее состояния, зафиксированного в протоколах осмотра мумии в 2013 и 2019 гг., проведено фотодокументирование топографо-анатомических областей тела мумии.

За последние годы о загадочной женщине с Укока удалось узнать очень много, Трагические подробности её жизни и смерти удалось выявить с помощью томографического исследования мумифицированных останков, которое было проведено спустя два десятилетия после обнаружения. Руки и плечи женщины покрывала искусная татуировка в виде образов реальных и фантастических животных, характерных для изобразительного ряда пазырыкской культуры. Обследование выявило признаки тяжелой патологии, которая, очевидно, и стала причиной летального исхода. В комплексе эти данные позволили ученым сделать вывод о том, что эта тяжелобольная женщина «часто находилась в состоянии измененного сознания. Можно предположить, что в определенном состоянии ее устами могли говорить души умерших предков, духи, боги. Подобные умения и знания, полученные на подсознательном уровне под воздействием, вероятно, галлюциногенов (в нашем случае – конопли), высоко ценились в обществе. Ее экстатические видения, вероятно, позволяли считать ее существом исключительным, избранным, необходимым, действующим во благо обществу. Она могла быть полезна и необходима именно в таком качестве – избранницы духов, поэтому ее и берегли до последнего вздоха» [5].

Однако ее внешний облик был реконструирован лишь недавно. Спустя почти 30 лет после открытия уникального погребения удалось провести трехмерное сканирование черепа «алтайской принцессы» (эту работу выполнил Павел Чистяков, сотрудник лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН). На ЭБ-принтере была распечатана модель черепа, послужившая основой для создания скульптурного портрета женщины. Скульптура, выполненная канд. ист. наук Дмитрием Поздняковым по методике пластической реконструкции лица по черепу, разработанной знаменитым российским антропологом, доктором исторических наук Михаилом Герасимовым, весьма удивила новосибирских ученых. Если ранее реконструированные пазырыкцы были типичными представителями того исторического периода, то облик этой женщины вызвал множество вопросов...Впрочем, объясняют археологи, в то время население могло быть более разнообразного антропологического состава. Теперь мы, наконец, можем увидеть, как выглядела в реальности молодая пазырыкская женщина, уже давно ставшая легендой. По заключению антрополога, д-ра ист. наук Татьяны Чикишевой, она является представительницей древнейшего палеосибирского антропологического типа, происхождение которого, как и его историческая судьба, пока неизвестны. На основе скульптурного портрета музей в сотрудничестве со специалистами создал с помощью компьютерной трехмерной графики анимированную версию-модель «Укокской принцессы». По нашему мнению, она получилась реалистичной. Этот контент после ремонта и подготовки помещения помещен в погребальную яму и выставлен на обозрение посетителей.

В настоящее время перед музеем встали неотложные задачи по проведению комплекса профилактических медико-биологических работ, ребальзамирования мумии для дальнейшего длительного ее сохранения. ВИЛАР согласен подготовить технические требования, перечень оборудования и материалов и провести все необходимые манипуляции. Речь идет о создании специализированной лаборатории для проведения работ по консервации и реставрационных работ, хранения оборудования, растворов и реактивов. В существующих помещениях музея невозможно обеспечить устойчивые параметры гидротермического режима и осуществить еще целый ряд требований ВИЛАР.

Для дальнейшего правильного и качественного хранения, экспониро-

вания и изучения этого уникального памятника древней истории, а также других экспонатов из запасников музея требуется специальное отдельное хранилище археологических предметов. Отметим, что возможность строительства фондохранилища предусмотрена на федеральном уровне в 9 регионах России, в том числе и в Республике Алтай (Поручение Президента РФ от 23 января 2021 г. «Перечень поручений по итогам заседания Совета по культуре и искусству»). В настоящее время определен земельный участок с необходимыми коммуникациями и инфраструктурой для строительства, подготовлена первичная проектно-сметная документация, прорабатываются организационные и финансовые вопросы выполнения проекта.

В 2024 г. во время посещения Национального музея Республики Алтай имени А. В. Анохина министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков озвучил информацию о том, что при поддержке Минобрнауки РФ в музей на постоянное хранение будут переданы все находки из кургана Ак-Алаха-3, раскопанного в 1993 г. доктором исторических наук Натальей Полосьмак на плато Укок.

Для хранения и экспонирования находок данного погребального комплекса после передачи их из Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН потребуется изготовить специальные экспозиционные витрины, позволяющие осуществлять безупречное хранение и демонстрацию различных категорий артефактов из органических материалов.

В перспективе строительство специализированного фондохранилища и расширение экспозиционных площадей для обеспечения комплексного подхода к изучению археологических находок, использование принципиально новых технологий и оборудования позволит перейти на качественно новый уровень их исследования, интерпретации и визуализации и в первую очередь получения новых знаний о «принцессе Укока». Ведь «она появилась, чтобы рассказать что-то важное для нас, и надо только понять, как можно услышать этот рассказ о ней самой, о ее культуре и времени, – говорит Н. Полосьмак. – После более чем двухтысячелетнего забвения Она стала источником вдохновения для писателей, художников, про нее снимают фильмы, модельеры создают коллекции по мотивам ее костюма, десятки людей по всему миру повторяют ее татуировку, вокруг нее возникла новая мифология… По сути – мы подарили Ей

вторую жизнь. Возможно, в этом и был смысл ее «появления» в «замерзшей» могиле на плато Укок… История нуждается в людях. Когда речь идет о тех баснословно далеких временах, от которых не осталось ни названий, ни имен, и нам, за отсутствием чего-то более определенного, приходится оперировать такими понятиями, как «археологическая культура», историческая «общность» и т. п., «появление» конкретного человека «оттуда» становится тем чудом, которое разбивает наше выраженное в профессиональных терминах абстрактное представление, делая эти времена частью непрерывающейся жизни, в которой пока последние – мы, когда-то были они, а скоро будут другие» [6].

Список источников

1. График экспонирования мумии женщины пазырыкской культуры VI–II вв. до н. э., получившей в народе имя «Укокской принцессы»//URL: https://www.musev- anohina.ru/index.php/component/k2/item/403 (дата обращения: 24.09.25).
2. Еркинова Р. М. Из истории Национального музея: как помогла «Принцесса Укока»//Анохинские чтения. Материалы научных конференций посвященных 140-летию со дня рождения А. В. Анохина (2009 г.) и 95-летию со дня образования БУРА «Национальный музей имени А. В. Анохина» (2013 г.). Горно-Алтайск, 2013. С. 132–138.
3. Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной//Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 160–183.
4. Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 334 с.
5. Полосьмак Н.В Жизнь и смерть Алтайской принцессы: путь к небесным пастбищам//Наука из первых рук. 29 сен 2014. Т. 57/58, № 3/4. URL: https://scfh.ru/papers/put-k- nebesnvm-pastbishcham/(дата обращения: 24.09.25).
6. Полосьмак Н. В. Укокский дневник//Наука из первых рук. 4 мая 2017. Т. 74, № 2/3. URL: https://scfh.ru/papers/ukokskiv-dnevnik/(дата обращения: 24.09.25).

ВОСПОМИНАНИЯ НИНЫ ПЕТРОВНЫ ТАХО-ГОДИ ОБ АЛИБЕКЕ ТАХО-ГОДИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Э. М. Далгат
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала

MEMORIES OF NINA PETROVNA TAKHO-GODI ABOUT ALIBEK TAKHO-GODI AS A HISTORICAL SOURCE

E.M. Dalgat
Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala

Аннотация: в статье рассматриваются воспоминания Нины Петровны Тахо-Годи о своем муже Алибеке Тахо-Годи как исторический источник. Представляют интерес сведения о повседневной жизни в даргинском селении Урахи – родине Алибека Тахо-Годи. Ценные сведения содержатся в воспоминаниях о периоде Гражданской войны на Кавказе, где дается характеристика отдельных активных участниках этих событий. Большой интерес для исследователей представляют собой воспоминания Нины Петровны о работе Алибека Тахо-Годи на посту наркома просвещения ДАССР. В статье сделан вывод, что «Воспоминания» являются ценным историческим источником.

Annotation: the article examines Nina Petrovna Takho-Godi's memoirs about her husband Alibek Takho-Godi as a historical source. Information about daily life in the Darginsky village of Urakhi, the birthplace of Alibek Takho-Godi, is of interest. Valuable information is contained in memoirs about the period of the Civil War in the Caucasus, which describes individual active participants in these events. Nina Petrovna's memoirs about Alibek Takhogodi's work as People's Commissar of Education of the DASSR are

of great interest to researchers. The article concludes that “Memoirs” are a valuable historical source.

Ключевые слова: Алибек Тахо-Годи, Дагестан, Гражданская война, Советская власть, соратники, нарком просвещения.

Keywords: Alibek Takho-Godi, Dagestan, Civil War, Soviet government, associates, People’s Commissar of Education.

Воспоминания Нины Петровны Тахо-Годи о своем муже Алибеке Алибековиче Тахо-Годи обнаружены нами в личном архиве Уздият Башировны Далгат, дочери Башира Керимовича Далгат, который воспитал своего осиротевшего племянника Алибека Тахо-Годи. Нина Петровна в своих воспоминаниях дает ценный материал для историков, которые занимаются историей Дагестана конца XIX – первой половины XX вв.

Воспоминания Нины Петровны начинаются с детства Алибека Тахо-Годи, с его семьи. Отец Алибека был седельщиком, изготавливал седла для лошадей. Умер в 26 лет от холеры. В Дагестане были частыми эпидемии, от которых умирало много людей.

Нина Петровна пишет, что мать Алибека – Муминат была талантливой народной сказительницей, хорошо пела. Сам Алибек знал много песен и пел под аккомпанемент чунгура.

Жизнь жителей селения Урахи, да и в других горных селах, была тяжелой. Своего хлеба хватало только до середины зимы.

Нина Петровна пишет о том, что маленького Алибека отвезли во Владикавказ к двоюродному брату отца присяжному поверенному Баширу Керимовичу Далгат. Хочу уточнить, что вначале его отвезли к доктору Магомеду Магомедовичу Далгат – брату бабушки Алибека по отцу – Баху. Он воспитал своего осиротевшего племянника (кровники убили его отца – Абдулкерима) Башира и поручил ему в свою очередь воспитать Алибека. Кровная месть широко распространена в Дагестане.

Представляет интерес информация повседневной жизни о том, как питались горцы селения Урахи, вынужденные фрукты и овощи из Кайтага обменивать на свою нехитрую продукцию, как пишет Нина Петровна. Поэтому маленький Алибек с удовольствием ел во Владикавказе овощи (огурцы самые большие и желтые).

В семье Башира Далгата и его жены Ольги Ивановны Кокуриной воспитанию Алибека уделяли большое внимание.

У Башира была прекрасная библиотека по кавказоведению, которую с удовольствием штудировал юный Алибек.

Хорошо описана учеба Алибека во Владикавказской гимназии, на юридическом факультете Московского университета.

Нина Петровна отмечает, что студенческие годы Алибека, помимо учебы были наполнены большой общественной и революционной деятельностью.

В Москве он познакомился с Уллубием Буйнакским, Магомедом Далгат, Ибрагимом Алиевым и другими дагестанцами.

Интерес представляют воспоминания Нины Петровны о создании Социалистической группы в Дагестане, о сложной обстановке в Дагестане в 1917–1919 годах. Отмечается, что эти в годы положение в Дагестане и в Осетии было очень тяжелым, с переменным успехом шла борьба «красных» с «белыми».

В воспоминаниях подробно описываются события Гражданской войны в Дагестане. Дается характеристика революционных деятелей.

Нина Петровна удивительно хорошо передала напряженную атмосферу того сложного времени, и я думаю, что ее воспоминания будут ценным источником для исследующих повседневную жизнь на Северном Кавказе того периода.

Интересна информация о том, как в конце 1920 г. был сформирован поезд «Красный Дагестан», который должен был доставить в Москву продукты и изделия Дагестана, предназначенные для москвичей. С этим товарным поездом в Москву поехали Д. Коркмасов, М. Хизроев и А. Тахо-Годи для подписания Конституции Дагестанской Автономной Республики. Пишет о том, как их принимал В. И. Ленин.

Нина Петровна вспоминает о работе Алибека Тахо-Годи на посту Народного комиссара просвещения. Эта работа была нелегкой, пишет она, зато по душе. Все надо было создавать на пустом месте, а прежде всего кадры. В Москву и Баку посылались студенты. За границу в Италию были посланы скульптор Оскаров (Оскар Сарыджа) и жудожник Джемалов (Джемал). В Махачкале был организован, – пишет Нина Петровна, – научно-исследовательский институт и при нем обширная библиотека. Она включала 50000 томов редчайших книг по истории, археологии, искусству Кавказа и т. д.

Был создан музей и из центра получены многочисленные экспонаты, в том числе коллекции картин Рубо и Горшельта, других художников.

Было много старинного оружия и ценная коллекция фарфора, ковров и т. д. Из имения князя А. Барятинского в Махачкалу была доставлена богатейшая коллекция князя. Там было седло Шамиля, его оружие. Вообще, много старинного оружия и других предметов. Был молитвенный коврик Хаджи-Мурата и его кумган для омовения.

Нина Петровна пишет о приезде в Дагестан Алексея Толстого, собиравшего материал для романа «Хождение по мукам». Он много беседовал с Алибеком Тахо-Годи, как с участником революции по интересующим его вопросам.

В 20-е годы, когда Алибек Тахо-Годи был наркомом просвещения, началась большая краеведческая работа. В 1924 г. в Махачкале был созван съезд научных работников Дагестана, Осетии, Кабарды, Ингушетии и др. На нем была организована «Ассоциация краеведческих организаций». Ее председателем был избран Алибек Тахо-Годи.

Созданный в 1924 г. А. Тахо-Годи НИИ стал издавать научные труды. Так, было продолжено дореволюционное тифлисское издание «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Были изданы т. 45 и т. 46.

Нина Петровна отмечает, что в 20-е годы XX в. в Дагестане был организован ряд научных экспедиций, для участия в которых привлекались лучшие научные силы из Москвы, такие как профессор Бакланов, Башкиров. В лингвистических экспедициях были профессор Жирков, Яковлев. В этнографической экспедиции принимал участие научный работник этнограф из Москвы – Шилин, зоологической экспедицией руководил профессор Л. Б. Беме.

В эти годы (1927 г.) Алибек Тахо-Годи написал и издал книгу «Революция и контрреволюция в Дагестане», в которой как современник и непосредственный участник, описал события гражданской войны в Дагестане.

Книга написана живым, богатым языком. Во время работы А. Тахо-Годи наркомом просвещения, в Махачкале был организован Русский драматический театр. При нем были созданы национальная и балетная студии.

В Махачкале, – пишет Нина Петровна, – был организован музыкальный техникум, в котором начал свою деятельность композитор Готфрид Гасанов.

При наркоме просвещения А. А. Тахо-Годи, в 20-е годы XX в. в районах Дагестана шла большая культурная работа, создавались школы

с преподаванием на родном языке, для них вырабатывался алфавит и печатались учебники на родном языке, воспитывались новые кадры учителей и проходили переподготовку старые.

Нина Петровна отмечала, что наряду с этой работой шла другая – Алибек Алибекович все эти годы был заместителем Председателя совета народных комиссаров (Предсовнаркома), а в конце 20-х годов по совместительству был еще Прокурором республики.

В воспоминаниях подробно описывается деятельность Алибека Тахо-Годи в Москве, после переезда семьи в 1929 году.

Представляет интерес информация Нины Петровны о том, что Алибеком Тахо-Годи была написана книга «История Дагестана», положительную рецензию на которую написал профессор Г. А. Кокиев, и которая была готова к печати.

Когда 22 июня 1937 г. пришли арестовывать Алибека Тахо-Годи, то забрали весь его архив, в том числе рукопись «Истории Дагестана», а также письма Шамиля на арабском языке, переводом и печатанием которых хотел заняться А. Тахо-Годи.

Когда, после его реабилитации в 1956 г., Нина Петровна сделала запрос в московское КГБ о возврате архива мужа, ей ответили, что он был уничтожен.

Она пишет, со слов Романа Фатуева, что рукопись «Истории Дагестана» в 1935 г. поступила через Н. Самурского в НИИ национальных культур, потом ее следы теряются.

После этого сюжета Нина Петровна вновь возвращается к событиям 17–20 гг. XX в. в Дагестане, пишет о Джмалудине Коркмасове, Махаче Дахадаеве и об их семьях, о внучках имама Шамиля и т. д.

В воспоминаниях Нина Петровна пишет об Алибеке Алибековиче как о прекрасном семьянине, – большое внимание уделявшем воспитанию своих детей, гостеприимном человеке, у которого подолгу гостили родственники, приезжавшие из селения Урахи. Его гостями в Москве были такие известные люди как директор Эрмитажа академик Орбели, писатель Н. Павленко, художник Ростислав Николаевич Барто, академик Б. Лансере и другие.

Таким образом, «Воспоминания» Нины Петровны Тахо-Годи об Алибеке Тахо-Годи являются ценным источником по событиям гражданской войны в Дагестане, по развитию культуры Дагестана в 20-е годы XX в. для исследователей, занимающихся этим периодом истории.

Список источников

1. Аза Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания. М.: Библио ТВ, 2023.
2. Алибек Тахо-Годи – деятель просвещения, ученый, политик//Сборник докладов научной конференции Институтов ИАЭ и ЯЛИ ДНЦ РАН/Сост. сб. Исаев А. А. Махачкала, 2003.
3. Документы и материалы из личного архива семьи Алибека Тахо-Годи.
4. Документы и материалы из архива Национального музея РД им. А. Тахо-Годи.
5. Записи и подстрочные переводы А. А. Тахо-Годи//Научное наследие Л. П. Семенова, 1988. С. 107–110.
6. Тахо-Годи Е. А. Даргинские песни из архива Л. П. Семенова//Научное наследие Л. П. Семенова, 1988. С. 98–106.
7. Тахо-Годи А. А. Воспоминания о моем отце//Алибек Тахо-Годи – деятель просвещения, ученый, политик. Махачкала. 2003.
8. Хасбулатов Х. М. Алибек Тахо-Годи: Жизнь и общественно-политически воззрения. Махачкала, 1965.

ЦЕЛИ ЭОРМ – РЭМ В КОМПЛЕКТОВАНИИ ФОНДА ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В. А. Дмитриев
Российский этнографический музей,
г. Санкт-Петербург

PURPOSES OF EORM – REM IN COMPLETING THE FUND OF ETHNOGRAPHY OF THE PEOPLES OF DAGESTAN

V. A. Dmitriev
Russian Ethnographic Museum,
St. Peterburg

Аннотация: в докладе рассматривается история комплектования Российским этнографическим музеем собрания по этнографии народов Дагестана по периодам существования музея. Отмечается связь комплектования с задачами музея и с установками, которыми руководствовались собиратели коллекций музея.

Abstract: the report examines the history of the acquisition of the collection on the ethnography of the peoples of Dagestan by the Russian Ethnographic Museum according to the periods of the museum's existence. The connection of the acquisition with the tasks of the museum and with the prescriptions that guided the collectors of the museum's collections is noted.

Ключевые слова: Российский этнографический музей (РЭМ), этнография народов Дагестана, собиратели коллекций РЭМ.

Keywords: Russian Ethnographic Museum (REM), ethnography of the peoples of Dagestan, collectors of REM collections.

История собирания вещевых коллекций по культуре народов Дагестана в Российском этнографическом музее (далее, музей) в достаточной степени отражена в публикациях. По этой теме есть печатные работы, одни из которых были написаны сотрудникам самого музея, другие представляют собой взгляд со стороны [1]. Также на сайте Российского этнографического музея опубликованы творческие биографии сотрудников музея, собиравших в Дагестане, этнографические коллекции Виноградовой Н. Ф., Натансон А. Л., Сержпутовского А. К. Со-

болевой Н. П., Торчинской Э Г., а также причастных к исследованию Дагестана деятелей музея, которые получили признание как лидеров отечественного и музейного кавказоведения в масштабах всего кавказского региона, Иностранцева К. А., Миллера А. А., Студенецкой Е. Н.. Написаны также биографии, оставивших в данном плане свой весомый след корреспондентов музея Млокосевич А. Л., Магомедова Саидоглы и др. [2].

Данные публикации освобождают от необходимости и характеризовать собранные коллекции, о составе значительной части которых можно узнать из еще одной публикации, и от необходимости отмечать факты из биографии исследователей собирателей РЭМ. В докладе ставится цель отметить специфику работы в Дагестане собирателей музея как направления кавказоведения, определяемой ставившимися в музее задачами в зависимости от тех подходов, которые отличали музей и работавших для него исследователей в различные годы его работы. Отчасти тему можно определить и так, что значило дагестановедение для музея как одного из кавказоведческих центров России.

Для начала, следует отметить, что в истории музея понятия кавказоведение и востоковедение скорее, совмещались, чем разделялись. Формы их сосуществования неточно совпадали с периодами, обозначавшимися разными названиями музея: Этнографический отдел Русского музея (1895/1902 –-1918–1934), Государственный музей этнографии народов СССР (1934–1948–1992), Российский этнографический музей (1992–1993). В эти периоды организационными формами были:

– руководство всеми востоковедческими исследованиями (территориальным ядром которых были Кавказ, Крым. Юг европейской России с распространением исследований на Турцию и Иран) одним из т. н. хранителей музея, при наличии хранителей, отвечавших за направления этнографии русских, народов европейской части России и также славян, народов Сибири (1902–1925-условно середина 1930-х);

– выделение и организационное обособление исследований по этнографии Кавказа, также Крыма, Турции и Ирана (1925–1928–1938 и далее), Средней Азии и Казахстана, Поволжья;

– организационное объединение сотрудников в отдел Кавказа, Средней Азии и Казахстана при сохранении самостоятельного отдела этнографии Поволжья.

Первым хранителем ЭОРМ был К. А. Иностранцев, он совершил в 1904 г. поездку на Восточный Кавказ, включая Дагестан. Потомственный профессор Петербургского университета, специалист по Сасанидскому Ирану и иранскому средневековому искусству, А. К. Иностранцев работал в музее до 1908 г., после чего уже не занимался этнографическими исследованиями. Экспедиция 1904 г. была результативной, состоялось знакомство с культурой аварцев, андийцев, лакцев, даргинцев и др. народов, маршрут поездки был, возможно, самым длительным за историю музейного кавказоведения, от ногайских степей до Азербайджана, показывая, что и далее будут совершаться такие же длительные поездки. Предполагается, что интерес к землям маршрута был определен также вниманием к иранскому культурному наследию на Восточном Кавказе, а отразившиеся в коллекциях собирателя контакты с представителями местной знати (караногайцы, аварцы, азербайджанцы) были следствием намерения его как организатора музейного востоковедения готовить сеть организации работы на Кавказе с опорой на местные элиты, встроившиеся в имперские структуры России. С нашей точки зрения А. К. Иностранцев был той фигурой, которая наиболее воплощала имперские установки организации Русского музея императора Александра III, частью которого был Этнографический отдел.

В 1908 г. его на должности хранителя музея сменил А. А. Миллер, развивший на российской почве принципы мировой (в то время, западноевропейской) палеоэтнологии, сближавшей задачи археологии и этнографии как науки об архаическом прошлом человечества. В его научной карьере было два периода. Первым периодом был дореволюционный, когда он собирал для музея этнографические коллекции, как в специальных поездках, так и проводя археологические исследования, работая в целом на территории, которую выше назвали ядром музейного востоковедения. В ходе исследования были охвачены земли абхазов, западных адыгов, пограничье Восточной Армении и Азербайджана, уже в большом мультидисциплинарном подходе Западной Армении. Началом деятельности были работы по культуре абхазов, а на Восточном Кавказе в окрестностях Кубы по культуре лезгин и горских евреев, а также по татскому и азербайджанскому ковроделию. Тема кавказского ковра исследователя очаровала. Исследований в Дагестане А. А. Миллер не вел в этот период. Вторым периодом, собственно сделавшим

А. А. Миллера одним из лидеров палеоэтнологии в России и одним из самых известных археологов, было время руководства (1923–1932) созданной им Северокавказской экспедиции ГАИМК.

Работы экспедиции были перенесены на территорию Дагестана в 1929 г., когда были получены комплексная характеристика материальной культуры кумыков и характеристика их гончарства. А. А. Миллером исследования, давшие эти результаты, были полностью доверены сотрудникам ГАИМК Л. В. Костикову и К. Г. Данилиной. Данный факт объясняет отсутствие личного интереса крупного ученого и создателя музейного кавказоведения к дагестанской этнографии, т. к. он работал в данном плане через группу исследователей, которым он доверял полностью, но их участие в музейном кавказоведении воспринимается сейчас как эпизод их научной жизни. Так же он организовал и изучение грузинской этнографии и в несколько меньшей степени этнографии армян и иранцев.

Одной из важнейших фигур начала XX века был сотрудник музея, специалист по этнографии белорусов А. К. Сержпутовский. Он был направлен в западный высокогорный Дагестан, где провел исследования (1910–1912), давшие не только богатые коллекции комплексного содержания, но и отмечавшие этническое своеобразие малочисленных народов этой зоны, андийцев, багулалов, бежтинцев, ботлихцев, гинухцев, дидойцев, каратинцев; исследовались и аварские селения. Собранные материалы стали базой для ряда дальнейших исследовательских направлений, например, темы изучения архаического бытового искусства, разнообразия функций утвари. Последним по времени посланником музея в Дагестан был скульптор-прикладник К. З. Кавторадзе, продолживший работы А. А. Миллера по горским евреям в Дербенте.

Другой принцип отношения собирателей с музеем был характерен для работы А. Л. Млокосевич, являвшейся корреспондентом музея, бывшей в какой-то мере представителем кавказских «европейцев», внимательных к окружавшей природной и культурной среде. Проживая в Лагодехи (Закаталы), населенном пункте, важном для имперского влияния на Кавказе, и отдавая силы по семейной традиции местному заповеднику, она совершила с 1908 по 1920-й г. ряд поездок (коллекции для музея собирались в 1908–1911 гг., как бы образуя цепочку с работами А. К. Сержпутовского), комплектуя (коллекции, этнографических, ар-

хеологических, зоологических источников. Ее интересы были сходны с интересами А. А. Миллера, но были еще шире, не только в отношении природоведения, но и музейного дела, т. к. она служила и музеям Петербурга и Москвы, но также и Кавказскому музею в Тифлисе. Ценность собрания А. Л. Млокосевич определяется поступлением в музей уникальных комплексов одежды аварцев и бежтинцев.

Живой интерес вызывают отношения с музеем, коренного кавказца, кубачинца, прирожденного художника и природного ценителя, и знатока народного искусства Саида Магомедова (Саид Магомед-оглы), систематически, в 1913–1915 в массовом порядке, реже в 1926–1928 и в 1940 гг. присылавшего, можно полагать по собственной инициативе, предметы культуры, даргинцев, кубачинцев и др. народов, благодаря чему в музее образовалась удивительная коллекция т. н. кайтагских вышивок. При этом, можно полагать, что его связь с музеем была частью обращения в целом к музейной сети обеих столиц Империи. И этом как-то возникает предположение о том, что таким образом своеобразно проецировалась на деятельность столичных учреждений традиция оформления кубачинских «домашних» музеев.

В 1920–1930-е гг., если не считать экспедиции СКЭ 1929 г., проведенной в рамках работ ГАИМК, музей не вел активных исследований этнографии Дагестана. Некоторого отдельного упоминания заслуживает поступление в 1927 г. коллекции кавказского парадного оружия, которую А. А. Миллер по не совсем объясненным основаниям определил лакской по этническим признакам. Также заслуживают упоминания поступления во второй половине 1940-х гг. от одного из самых известных кавказоведов середины XX в. Е. М. Шиллинга, хотя большинство предметов отраженного в музее интереса исследователя к амулетам народов Кавказа оказались в результате в петербургском Музее религии.

Вовремя РЭМ, начавшееся с 1934 г. внутри музея, закончился процесс организационного выделения кавказоведения с образованием в 1938 г. отдела Кавказа и выделения в нем перед Отечественной войной двух секторов, этнографии народов Северного Кавказа (экспедиции к кабардинцам, черкесам-бесленеевцам, осетинам, карачаевцам, балкарцам и чеченцам) и Закавказья (экспедиции, охватившие почти все этнографические группы грузин). В экспедициях на Северный Кавказ сложился творческий тандем заведующего отделом Кавказа Е. Н. Студе-

нецкой и сотрудника отдела Л. Ф. Виноградовой. Уже в послевоенный период работы Л. Ф. Виноградовой были сориентированы на изучение дагестанской этнографии, но экспедиции ее состоялись в 1956–1958 гг. Поездки дали характеристики текущей современности с яркими признаками декоративно-прикладного искусства (в т. ч. современный женский костюм и образцы унцукульского промысла насечки по дереву, балхарской керамики, лезгинских ковров, узорных циновок и современной медной посуды). Понятно, что эти приобретения имели целевой характер, вызванный требованиями показать в музее выразительную этнографическую современность.

К началу 1960-х гг. в отделе и в музее в целом сложилась, хотя и не вполне с четкими определениями программа изучения двух направлений этнографической реальности, т. н. традиционной этнографии (предметов по производству, относящихся ко времени до 1940-х гг.) и т. н. этнографии современности) т. е. предметов недавнего производства. Эту программу можно считать целевой установкой деятельности ГМЭ, первые установки которой стали вырабатываться в к. 1930 гг. и стали доминантными в 1970–1980 гг., когда к деятельности музея были властями предъявлены особые требования по отражению советского образа жизни. Что касается именно советских черт культуры, то полевая этнография фиксировала их достаточно ограниченно, но отмеченный дуализм традиции и современности отмечала результативно. Для отдела эта программа была одной стороной постановки собственных задач. Вторая была – задачей распространения полевых работ на весь спектр этнических культур и местностей кавказского региона. Эта задача в то время признавалась выполнимой и крайне желательной.

В аспекте исследования этнографии Дагестана исследования двуединства традиционной и современно стадий эволюции этнической материальной культуры и распространения сборов коллекций на максимально возможное количество этнических единиц, пожалуй, получили наибольшую реализацию, но с учетом возможностей науки и музея. Полевыми исследованиям в Дагестане с начала 1960 гг. по конец 1980 занимались Н. П. Соболева (в 1962 и 1969 гг. совместно с А. Л. Натансон, в 1975 г. с привлечением Э. С. Яглинской) и Э. Г. Торчинская (с 1969 по 1977 гг., в 1985 г. совместно с Е. Б. Кочетовой). При этом, следует учесть, что для Э. Г. Торчинской изучение дагестанской этнографии было частью иссле-

дования этнической культуры азербайджанцев, а Н. П. Соболева совмещала в отделе работу по этнографии Дагестана и по этнографии грузин и абхазов. Собранные в Дагестане во второй половине XX в. коллекции были комплексными по целевой установке, если не считать особым направлением интерес к теме народного искусства, но в отличие от коллекций начала XX в. данная характеристика была уже комплексностью сохранения этнических традиций.

Период РЭМ в истории музея, начавшись с резкого сокращения собирательской деятельности в 1990–2000 гг., лишь только в последние годы дает возможность проектирования перспектив изучения в музее этнографии дагестанских народов. Новые реалии требуют и новых подходов.

Список источников

1. Соболева Н. П. История собирания дагестанских коллекций в Государственном музее этнографии народов СССР//Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1977; Торчинская Э. Г. Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана в собрании Государственного музея этнографии народов СССР//Проблемы сохранения и развития художественных традиций в народно-прикладном искусстве Дагестана: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: [б. и.], 1989. – С. 18–19; Дандамаева З. Э. О формировании коллекции Российского этнографического музея по культуре народов Дагестана//Современная научная мысль. 2020. – № 4. – С. 99 –107.
2. Информационный ресурс: http: ethnomuseum.ru›collections/collectors/

«ЭКСПЕДИЦИЯ 100»: О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН ИМ. А. ТАХО-ГОДИ В 2025 ГОДУ

М. Х. Халимбекова
Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, г. Махачкала

«EXPEDITION 100»: ON SOME RESULTS OF FIELD RESEARCHES OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF DAGHESTAN NAMED AFTER A. TAKHO-GODI

M. H. Khalimbekova
National Museum of the Republic of Dagestan named after. A. Takho-Godi, Makhachkala

Аннотация: в докладе в свете истории комплектования фондов музея и стоящих в настоящее время перед музеем задач рассматриваются общие итоги коллективной работы участников комплексной научной экспедиции, проведенной Национальным музеем Дагестана им. А. Тахо-Годи в 2025 году, изложены цели, методы, маршруты, содержание полевых исследований. Показаны собранные материалы и предметы, отражающие локальную культурную ситуацию в исследованных районах. В связи с этим дан анализ результатов. Проведен ретроспективный обзор состоявшихся ранее музейных экспедиций.

Abstract: In the light of the history of the museum's collection and the current challenges facing the museum, the report examines the overall results of the collective work of the participants in the comprehensive scientific expedition conducted by the A. Takho-Godi National Museum of Dagestan in 2025, outlining the goals, methods, routes, and content of the field research. The report presents the collected materials and objects that reflect the local cultural situation in the studied areas. In this context, the report provides an

analysis of the results. Additionally, the report offers a retrospective review of previous museum expeditions.

Ключевые слова: комплексная научная музейная экспедиция, памятники культурного наследия, традиционные ремесла, локальная культура, памятники камнерезного искусства, керамика, предметы домашней утвари, резное дерево, этнография, комплектование фондов музея.

Keywords: comprehensive scientific museum expedition, cultural heritage monuments, traditional crafts, local culture, monuments of stone-cutting art, ceramics, household items, carved wood, ethnography, collecting of museum funds.

В 2025 году Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи – одно из крупнейших и старейших музейных объединений на Северном Кавказе, отмечает свой вековой юбилей. История музея началась раньше, но в 1923–1925 гг. Дагестанский музейный комитет, развернувший под руководством наркома просвещения А. Тахо-Годи масштабную деятельность по созданию музея, был организатором научных экспедиций по Дагестану в целях комплектования фондов музея. Собранные в ходе этих экспедиций материалы, наряду с переданными из ведущих музеев страны уникальными предметами, составляют основу сегодняшних музейных фондов.

Как отмечалось в публикациях тех лет (с использованием их стилистики) «параллельно с работой по выявлению дагестанских экспонатов вне Дагестана, музейный комитет вел энергичное собирание экспонатов и в самом Дагестане. Был использован и путь экспедиционных изысканий. Целый ряд экспедиций, изъездивших значительную часть территории Дагестана, вывезли много ценностей, имевших музейное значение. В результате получились очень ценные коллекции, кои могли послужить зародышем соответствующих отделов музея» [1, с. 546].

По итогам художественных экспедиций 1924–25 гг. в фонды музея поступили рисунки, альбомы, этюды художников Евгения Лансере, Муэтдин-Араби Джемала, Дмитрия Капаницына, Евгения Брюнелли» [1, с. 552–553].

«Этнографическая экспедиция 1924 года, состоявшая из 3 отрядов: Кумухский, Даргинский, Самурский, с использованием методов полевой этнографии, целью имела исследование материальной культуры,

экономического и социального быта, фольклора, народного творчества горцев. В Кумухе, Кули, Сумбат были обследованы памятники традиционной архитектуры (с зарисовками и снятием планов), сняты надписи, произведены этнографические сборы, собран материал по фольклору, по современной лакской литературе» [2, с. 435–436].

Этнолого-лингвистические экспедиции 1924 г. с участием профессоров Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова, Н. Б. Бакланова, А. С. Башкирова работали с 29 июня по 4 сентября в Дербентском и Кайтаго-Табасаранском округах в направлениях: этнолого-лингвистическом, искусствоведения и архитектуры и археологическом. Особым вопросом, явилось обследование художественно-кустарной ювелирной и металлообрабатывающей промышленности сел. Кубачей». Экспедицией собрана и вывезена из гор коллекция: 22 каменных плит с рельефами (весом около 63 пуд.) изображающими людей и животных, относящимися к разным эпохам, коллекция предметов быта и местного художественно-кустарного производства. Произведено свыше 200 фотографических съемок, снято до 100 эстампажей. Материалы и коллекции, собранные экспедицией, перевезены в Москву для разработки и изучения; часть их поступила в местный (Дагестанский) Музей [3, с. 227]. Это были первые кубачинские рельефы в собрании нашего музея.

Исходя из этого, мы видим в экспедиционных исследованиях 1923–1925 гг. событие, действительно ставшее основополагающим в истории музея.

Уже действующий с апреля 1925 года музей «совместно с Институтом дагестанской культуры предпринял в 1926 году экспедицию к дидойцам в сел. Кидеро, Гутатль, Зехеди и др.», пополнившую музейное собрание предметами из дерева. В 1935 году фонды музея пополнились кубачинскими каменными рельефами по итогам экспедиций академика И. А. Орбели. Более 100 предметов поступило в коллекцию музея в 1940 г. по итогам этнографической экспедиции Е. М. Шиллинга в Дахадаевский район [5, с. 193–194].

Отдельно надо сказать об археологических исследованиях на территории Дагестана, в развитие которых Дагестанский музей внес значительный вклад. В 1947 году по инициативе Дагестанского музея была проведена археологическая экспедиция ИИМК АН СССР и Государственного Исторического музея под руководством Е. И. Крупнова у сел.

Тарки. С 1948 по 1951 годы эти работы продолжались под руководством К. Ф. Смирнова [6, с. 18–19]. По итогам экспедиций найденные артефакты поступили в музей.

В архивных материалах есть сведения об участии музея в археологической экспедиции ИИЯЛ Дагфилиал АН СССР в 1954 г. под руководством Р. М. Мунчаева в Гунибском, Кулинском, Акушинском и Дербентском районах; в 1955 г. «в разведочных работах по изысканию и исследованию археологических памятников в Акушинском, Хунзахском, Гунибском и Кахибском районах» [7, с.2]; в 1956 г. в Гумбетовском районе [8, с. 4] и целом ряде других.

В 2002 году под руководством сотрудника музея М. Д. Сагитовой проведены археологические разведочные исследования на культовом месте Кидилишавни в Цунтинском районе, в результате которых в музей поступили новые археологические артефакты.

Таким образом, с 50-х годов 20 в. музейное собрание пополняется за счет археологических находок на территории республики.

Однако, специальных научных экспедиций по сбору музейного материала, как показало изучение архивных материалов, после 60-х годов прошлого века не проводилось. Комплектование фондов осуществлялось наряду с археологическими находками, за счет дарений и отдельных приобретений [9, с. 6].

Отсутствие целенаправленного комплектования привело к тому, что образовались лакуны, дисбаланс представленности материалов, предметов, отражающих специфику жизни и быта населения отдельных районов Высокогорного Дагестана. Не хватает важных деталей традиционных этнических костюмов (головных уборов: чохто и покрывала; верхняя одежда), что не позволяет собрать полный традиционный костюмный комплекс отдельных этносов; не в полной мере отражено уникальное многообразие традиционных ремесел: памятников камнерезного искусства, керамики, предметов домашней утвари, и т. д. Ряд артефактов, поступивших в разное время в фонды музея, также требовали дополнительных исследований, научной атрибуции и анализа.

Проблемы отражения в музее этнографических реалий и комплектования музейных фондов усугубляются тем, что в условиях современных трансформаций, усилившихся миграционных процессов произошли кардинальные перемены в сельской местности, образе жизни населе-

ния, традиционном жилище и быте. В числе многих тревожных обстоятельств: около 100 сел в Дагестане заброшены, дома в них разрушаются, в живущих селах также немало заброшенных домов. Нередко уникальные памятники культурного наследия оказываются выброшенными на улицу.

С учетом имеющихся проблем руководством музея было принято решение о возобновлении практики полевых музейных исследований, заложенной при основании музея, и организации комплексной научной экспедиции по сбору разнообразного материала для развития фондового собрания в юбилейном 2025 году – «Экспедиции-100».

Цель экспедиции: изучение, фиксация и сбор памятников истории и культуры Высокогорного Дагестана, пополнение собрания Национального музея, обследование современной локальной культурной ситуации.

Задачи: комплексный сбор этнографического, естественнонаучного материала, исследование предметно-бытовой культуры, локальных особенностей традиционных ремесел и промыслов; изучение «мест памяти», духовного наследия: обычаи, традиции, обряды, местный фольклор; принятие в фонд экспедиции предметов, признанных историко-культурными памятниками; изучение, документирование, подготовка материалов в ходе сбора к введению в научный оборот посредством музейных проектов, дополнительные исследования предметов музейного собрания; возрождение практики полевой научно-исследовательской работы, как неотъемлемой части музейной деятельности, привлечение музейных сотрудников к новому для них опыту в сотрудничестве с высококвалифицированными исследователями из федеральных музеев.

Использовались методы простого и включенного наблюдения, интервьюирования, включая сбор устных воспоминаний и рассказов людей, выявления и фиксации вещественных источников, в т. ч. описание предметов материальной культуры, фотосъемка, видеофиксация, эстампаж, зарисовки, реконструкция, сбор подъёмного материала.

Маршрут был составлен с учетом того, что в выбранных районах нет филиалов музея, в собрании недостаточно материалов и предметов, отражающих специфику жизни и быта местного населения. Кроме того, имеющаяся часть предметов коллекции из указанных районов требовала дополнительного исследования (предметы археологии, этнографии).

Экспедиция проводилась с 19 июня по 6 июля 2025 г., использовался

Старый Кахиб, Шамильский район, июнь 2025 г.

«маршрутный метод» полевого исследования. Главная линия маршрута: МО «Шамильский район» – «Чародинский район» – «Кулинский район» – «Докузпаринский район» – «Рутульский район». Один из участников экспедиции (М. Д. Сагитова) работал по отдельному маршруту, выехав из Шамильского района в МО «Бежтинский участок». База экспедиции находилась в одном населенном пункте района, откуда перемещалась в маршрутные точки – села, наиболее важные для исследования. Таким образом удалось охватить 43 перспективных для полевого исследования села, расположенные в:

– МО «Шамильский район»: Хебда-Кахиб-Гоор; Мусрух-Сомода-Ругельда; Урада-Тидиб-Гента-Тлях; Цекоб-Мачада-Хотода;

– МО «Чародинский район»: Цуриб, Гачада, Утлух, Урух-Сота, Цулда, Гунух, Тлярош, Чвадаб, Гочоб, Мукутль, Магар, Хинуб, Ириб;

– МО «Кулинский район»: Вачи, Кули, Сумбатль, Хосрех, Кая, Вихли;

– МО «Докузпаринский район»: Каракюре, Усухчай, Филя;

– МО «Рутульский район»: Хлют, Лучек, Амсар, Рутул, Шиназ,

В музее с. Цуриб, Чародинский район, июнь 2025 г.

Киче;

– МО «Бежтинский участок»: Бежта, Тлядал.

Исследовательскую работу в составе экспедиции осуществляли сотрудники музея по следующим направлениям: археология Сагитова М. Д. и Кузеева З. З., традиционные ремесла Курбанова А. Б., фото и документы Магомедова А.Ю., керамика и традиционная одежда Дибирова П. Д. Фото- и видеосъемку осуществлял Гаджиев М. Г. Художник-реставратор музея Самарская А. В. выполняла работу по выявлению и полевой атрибуции памятников резного камня и вместе с художником и педагогом Дагестанского художественного училища имени М. А. Джемала Даудовым М. Д. осуществляла зарисовки, этюды памятников, ландшафтов, эстампаж. В работе экспедиции в качестве экспертов по вопросам этнографии участвовали специалисты Российского этнографического музея Гуляева Е. Ю., Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН Капустина Е. Л.; по сбору биоматериала сотрудник Государственного Дарвиновского музея Левченко Т. В. Руководитель экспедиции Халимбекова М. Х.

Интервью с жителем Мусрух Шамильского района Ибрагимом Алиевым

В ходе работы были посещены и осмотрены частные и муниципальные музеи, дома местных жителей, школы, мечети и т. д. Опрошено 153 информанта, сделаны видео и аудиозаписи, записаны рассказы о традиционном жизненном укладе, исторических событиях; предания, легенды, топонимы, информация о социально-бытовой, культурной ситуации и происходящим трансформациям; сведения о свадебных традициях; особенностях бытования ремесел и промыслов; семейные истории об участниках Великой Отечественной войны и т. д.

Собраны местные названия предметов, что особенно важно для музея многонациональной республики. Создана база фотодокументов и зарисовки памятников, хранящихся в частных, муниципальных, школьных музеях обследованных районов.

В результате работы экспедиции удалось собрать уникальную коллекцию предметов: декоративно-прикладного искусства (деревянные изделия, украшенные в технике местной резьбы, керамика, изделия из металла, резной камень, ковровые и тканевые изделия, предметы традиционного костюма); комплекс инструментов сапожника, предметы

для обработки шерсти, переплетения книг; сельскохозяйственные орудия; печатные издания на местных языках.

Всего в ходе экспедиции собрано 380 ед. хранения, в т. ч.: дерево 86 ед., металл 54 ед., ткани 20 ед., керамика 13 ед., ковровые изделия 18 ед., резной камень 7 ед.; драгметаллы 1 ед., печатная продукция 13 ед., археологический материал с Бежтинского участка 168 ед., обнаруженный местными жителями при различных обстоятельствах (в период сильных дождей и селевых потоков) и переданный музею.

Это позволило пополнить музейное собрание уникальными предметами и сведениями, характеризующими локальную культуру исследованных населенных пунктов.

Осуществлены полевые сборы биоматериала (насекомые и растения) в горной местности на высоте от 1500 до 3000 метров над уровнем моря. Обследовано максимально доступное число биотопов: луга горные и поемные, смешанные и лиственные леса и кустарники. Сделано около 5000 фотографий объектов растительного и животного мира, их местообитаний. Из собранного материала выделено 50 насекомых для создания энтомологической коробки для естественнонаучной экспозиции музея.

Из экспедиционного сбора следует выделить приобретения: из с. Урух-Сота Чародинского района и с. Сумбатль Кулинского района войлочные сапоги, образцы которых в фондах музея не представлены; из с. Тидиб – характерный для жительниц Гидатлинского участка «кахибский» женский кожаный пояс с орнаментом из накладных, литых свинцовых элементов (Тохьол рачел); фрагмент Бежтинской пряжки; архаичное сито с кожаным дном (ЦIалкIу), изделия из дерева в технике местной резьбы (лари, мерки «Сахъ»); керамические сосуды местного изготовления (с. Лучек, Амсар, Шиназ) и из с. Хлют Рутульского района кахульской керамики; деревянная обувь на 4-х ножках с завязками из с. Ириб Чародинского района (Цула хатал), полный набор инструментов и образцы изделий известного сапожного мастера Омаргаджиева Магомеда из с. Ириб Чародинского района; предметы камнерезного искусства, тканые сумки «Чонтай» и ленты-ручки для них, из сел Кулинского района и др.

Комплексный характер экспедиции позволил собрать разнообразный материал, что даст возможность использования предметов для реконструкции традиционных компонентов, изучения новаций и трансформаций в культуре народов Дагестана, а наличие в сборах по нескольку

Объект культурного наследия регионального значения «Дом-музей Абдулы Нухулова и Шуайба» XVI в., с. Тидиб Шамильского района

предметов одного ряда (мерки «сахъ», тканые сумки «чонтай» и др.) станет основанием для типологических исследований.

В ходе экспедиции отснято 3586 фотографий в высоком разрешении, создана база фотодокументов характерных ландшафтов, видов сел, исторических мест, жилых, религиозных и культовых зданий, экспонатов, памятников культурного наследия. Сделано более 9500 вспомогательных фотоматериалов.

Осуществлены дополнительные исследования ряда предметов музейного собрания, выяснены обстоятельства происхождения коллекции археологических артефактов, находящихся в Бежтинском филиале музея.

Коллекция музея пополнилась творческими работами художника Магомеда Даудова, созданными в экспедиции, переданными им безвозмездно в дар музею: 4 картины (живопись и графика) и 2 рисунка. Всего же им выполнено более 50 графических и живописных работ, этюдов, набросков пейзажа, архитектурного облика уникальных дагестанских

Даудов М.Д., «с. Гента, Шамильский район», июнь 2025 г.

сел, исторических мест и памятников.

В собрании появились новые работы художника музея Анны Самарской 60 этюдов, зарисовок, 45 эстампов, созданные в экспедиции.

В рамках экспедиции был специально обследован известный в республике объект культурного наследия регионального значения в с. Тидиб Шамильского района «Дом-музей Абдулы Нухулова и Шуайба» XVI в. В этом доме в 1929 году был сделан этюд Е. Лансере «Дом в Тидибе». На объекте участниками экспедиции сделаны зарисовки, этюды, интервью, фото-видеофиксации.

Обследован также «Дом Алихмаевых» в с. Ругельда – объект культурного наследия федерального значения (предположительно XVII в.), сделаны фотосъемка, видеозаписи, интервьюирование.

Владельцы объектов передали в дар музею уникальные экспонаты (женский пояс, резной камень, мерки «Сахъ», сундук, ларь, сито, гребень для расчесывания шерсти и т. д.).

По наблюдениям участников экспедиции, наряду с превалирующей тенденцией оттока, сокращения численности жителей горных сел, возрастания числа заброшенных, разрушающихся домов, общей картины деградации сел, в исследованных селах имеются примеры восстановления родовых и строительства новых домов, в отдельных случаях – с использованием традиционной архитектуры. Происходят перемены в обустройстве домов, предметно-бытовой культуре, внедрение современных приборов, гаджетов, появление оборудованных санузлов, бытовых приспособлений, использование жителями информационно-коммуникационных технологий. В условиях оттока большей части сельчан в города чат-группы в современных мессенджерах используются для привлечения выходцев из сел к событиям в жизни села. Усилилась роль «сельских джамаатов», которые за счет пожертвований сельчан и выходцев из сел осуществляют ремонт дорог, мостов, обустройство общественных помещений для отправления религиозного культа и для празднеств.

При этом, в домах жителей сохраняются и используются в хозяйстве традиционные аутентичные предметы: старинные подносы, кувшины, серпы, деревянные вилы, вьючные седла, перевязи из шерсти для сена, сумки «чонтай» и др. Заготавливается и используется кизяк в качестве топлива и корзины для кизяка. В Шамильском районе, в с. Гента, Хотода на свадебных торжествах, других праздничных событиях жительницы используют в своих нарядах традиционный головной убор – чохто «ГIоркь» с нашитыми на него височными кольцами «КIилкIал». Его шьют на заказ местные мастерицы, а в качестве покрывала «Чаба» жительницы чаще используют современные шарфы, сохраняя традиционный способ его повязывания. Сохранилось использование платьев традиционного покроя и штанов в женском костюме.

Отмечено поддержание в селах общественных пространств, издревле характерных для местных сообществ. В с. Шиназ участники экспедиции наблюдали, отведали, сделали фото и видеозаписи изготовления местными жительницами хлеба и чуду в общественной пекарне.

В с. Сомода практикуется использование примитивного ткацкого станка для изготовления лент-перевязей (для ношения кувшинов, люлек), т. к. по словам жителей: покупные-неудобные. Для участников экспедиции был реконструирован процесс их изготовления.

Традиционность проявляется и в сохранении традиционного гостеприимства, национальной кухни, в незначительной степени продолжении ремесленных традиций (в сельскохозяйственном производстве, изготовлении предметов традиционной одежды и т. д.). Замечено сохранение традиционного погребения, похорон выходцев из сел на «отцовской земле».

В то же время в большинстве исследованных сел традиционные свадьбы сменились проведением мавлидов. Как отмечают респонденты, те, кто хочет веселую свадьбу с музыкой и танцами, едут в город, а хоронить сельчан приезжают в село: «веселиться едут в город, плакать возвращаются в село».

Во многих исследованных селах отмечено появление новых объектов – домашних музеев, усилилась характерная для дагестанских сел тенденция создания домашних музеев.

В селах Келебского участка Шамильского района экспедицией собрана новая для музея информация о способах ношения головных уборов чохто-покрывала местными жительницами, в этих же и других обследованных селах – отличия в способах использования лент-перевязей для кувшинов, колыбелей.

Ценным для музея фактом стало позитивное отношение местных жителей к идее представленности памятников локальной традиционной культуры в Национальном музее: около 60 человек передали в дар музею аутентичные экспонаты.

Программа экспедиции в целом выполнена, цели и задачи реализованы. Возобновлена практика и получен опыт проведения полевого исследования в современных условиях. Восполнены некоторые лакуны, расширена представленность в собрании музея материалов, характеризующих локальные особенности ряда сел Высокогорного Дагестана.

Собранные материалы станут основой для дальнейших научных исследований и введения памятников в научный оборот через реализацию музейных проектов.

Список источников

1. Павлов Д. М. В Дагестанском музее//Бюллетень2 Дагестанского музейного комитета/Махачкала, январь 1926. Цит. по: Доного Х–М. Становление музейного дела в Дагестане. Архивные документы и материалы. Махачкала: АЛЕФ, 2020 – с. 546.
2. Там же с. 552–553.
3. Павлов Д. М. В Дагестанском музее//Бюллетень 1 Дагестанского музейного комитета/Махачкала, январь 1926. Цит. по: Доного Х–М. Становление музейного дела в Дагестане. Архивные документы и материалы. Махачкала: АЛЕФ, 2020 – с. 435–436.
4. Яковлев Н. Ф. О работах этнолого-лингвистической экспедиции 1924 г. //Отчеты работы экспедиции по лингвистике, археологии, искусству, зоологии, ботанике, бальнеологии//Дагестанский сборник. Т. III/Махач-Кала: Буйнакская Типо-литография Даггосиздата им. Е. Г. Гоголева, 1927. – с. 228/под ред. Тахо-Годи А. А., Маллачиханов Б. Г., Павлов Д. М.
5. Твердохлебов А. М. Этнографическая работа Дагестанского краеведческого музея за 25 лет. Ж-л Советская этнография. 1952, № 4. – М.: Издательство «Наука», с. 193–194.
6. Мунчаев Р. М. К истории археологического изучения Дагестана//Материалы по археологии Дагестана. Т. I./под редакцией Атаева Д. М., Гаджиевой С. Ш. и др./Махачкала Дагестанское книжное издательство, 1959. -с. 18–19.
7. ЦГА РД. Ф.Р-458. Оп. 1. Д.26. Л.2. Отчет о работе краеведческого музея ДАССР за 1955 год.
8. ЦГА РД. Ф.Р-458. Оп. 1. Д.31 а. Л.4. Отчет о работе краеведческого музея ДАССР за 1955 год.
9. ЦГА РД. Ф.Р-458. Оп. 1. Д.47. Л.6. Отчет о работе краеведческого музея ДАССР за 1966 год.

ЕВГЕНИЙ ЛАНСЕРЕ В ДАГЕСТАНЕ: ХУДОЖНИК И ПЕДАГОГ

П.С. Павлинов
Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств, г. Москва

EUGENE LANCERAY IN DAGESTAN: ARTIST AND TEACHER

P.S. Pavlinov
Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov at the Russian Academy of Arts, Moscow

Аннотация: материалы статьи посвящены исследованию творческой и педагогической деятельности известного российского художника конца XIX - первой половины XX веков Евгения Евгеньевича Лансере. Проведен краткий обзор деятельности художника во время его пребывания в Дагестане в 1912, 1917-1919, 1925 и 1932 годах. Представлены сведения о знакомстве и сотрудничестве Евгения Евгеньевича с известными дагестанскими деятелями и художниками.

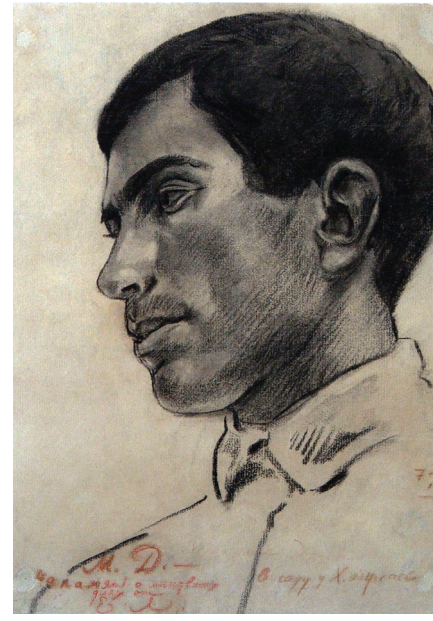
Abstract: the article materials explore the creative and pedagogical work of the famous Russian artist of the late 19th and first half of the 20th centuries, Yugene Lanceray. It provides a brief overview of his activities during his stays in Dagestan in 1912, 1917–1919, 1925, and 1932, alongside details of his acquaintance and collaboration with prominent Dagestani figures and artists.

Ключевые слова: Е.Е. Лансере, художник, педагог, Дагестан.

Keywords: Eugene Lanseray, artist, teacher, Dagestan.

4 сентября 2025 года состоялось 150 лет со дня рождения художника Евгения Евгеньевича Лансере (1875–1946), который прожил в Дагестане несколько лет и в 1925 году совершил крупную экспедицию по горным районам. За последние четверть века было написано много статей, по-

священных художнику (в т.ч. статьи Д.А. Дагировой[1]), проведены значительные выставки его работ в разных городах России (преимущественно стараниями директора Дагестанского музея изобразительных искусств С.Р. Гамзатовой). В 2013–2014 годах в музее-заповеднике «Коломенское» в Москве состоялась выставка «Дагестан глазами Евгения Лансере»[2]. В 2019 году опубликована монография «Евгений Лансере. Кавказ»[3]. Идет работа с новыми материалами и подготовка новой монографии о творчестве живописца в Дагестане.

Е.Е. Лансере. Портрет Муэтдина Джемала. 7 июня 1918 г. Дагестанский музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой

Е.Е. Лансере полюбил своеобразие и высокий уровень культуры народов Дагестана еще во время сбора материалов для иллюстрирования «Хаджи-Мурата» Л.Н. Толстого в 1912-м году. В Санкт-Петербурге он познакомился с Магометом Хизроевым[4]. 30 июля художник впервые попал в Дагестан, он пришел из аула Ведено Терской области в аул Анди. После аулов, расположенных вдоль реки Андийское Койсу, мастер попал в Аварский округ и неделю провел в ауле Хунзах, зарисовывая природу, типажи, дома, предметы быта и элементы обихода, реконструируя портрет Хаджи-Мурата по его внуку. Вероятно, художник встречался с начальником Аварского окру-

1 Дагирова Д.А. Евгений Лансере и Дагестан // Дагирова Д.А. Избранные тексты об искусстве. Сборник статей. Махачкала, 2017. С. 158–194.

2 Издан каталог: Дагестан глазами Евгения Лансере / авторы статей П.С. Павлинов, М.М. Магомедханов. М., 2013; Евгений Лансере в Дагестане. Махачкала, 2022. 2-е изд.

3 Павлинов П.С. Евгений Лансере. Кавказ. Искусство и путешествия. М., 2019.

4 Муж сестры художника Борис Анатольевич Серебряков учился с Хизроевым в Петербургском институте путей сообщения. Сестра Магомета Зульфиджат вышла замуж за младшего сына Хаджи-Мурата, названного в честь отца тем же именем. Поэтому Магомет не только проконсультировал художника, но и помог составить маршрут поездки.

га полковником Б.Н. Брусиловым, который за месяц до этого послал от жителей округа предметы в Дагестанский кустарный музей в Темир-Хан-Шуру[5]. Далее Лансере посетил Гуниб, вдоль реки Аварское Койсу достиг аула Тлядаль и около 15 августа перешел из Гунибского округа в Кахетию.

Во время революционных событий в ноябре 1917-го художник решил спасти семью именно в Дагестане, его пригласил М. Хизроев. Лансере с женой и двумя детьми приехали из своей усадьбы Усть-Крестище в Курской губернии в Темир-Хан-Шуру. Вначале они жили у Хизроевых и в доме Даидбековых на Аварской улице[6], затем на даче Адама Григорьевича Бяловеского на окраине города и на съемной квартире в доме Барташевских на Докторской улице.

В 1918 году, с переездом в Дагестан, произошло знакомство Лансере с членами «социалистической группы», с Алибеком Тахо-Годи, Джелал-эд-Дином Коркмасовым, с Махачом Дахадаевым и его женой Нафисат Ханум (внучкой Шамиля). 30 марта 1918 года Лансере нарисовал портрет жены Алибека Алибековича Нины Семеновны Тахо-Годи (урождённой Семеновой), ныне хранящийся в Екатеринбургском музее изобразительных искусств[7]. Повторение этого портрета, созданное в 1934 году в Москве, три года назад было преподнесено в Национальный музей Дагестана Еленой Аркадьевной Тахо-Годи. Осенью 1918-го Лансере написал маслом портрет Джалалутдина Атаева[8].

В Дагестане Е.Е. Лансере создал сотни пейзажей, натюрмортов, портретов представителей разных народов, зарисовок из жизни. Сотрудничал с Магомедом-Мирзой Мавраевым и Халил-Беком Мусаевым, иллюстрировал литературный и общественно-политический журнал «Танг-Чолпан» (на кумыкском языке – «Утренняя звезда»). В марте 1919 года он ездил в Дербент и за несколько дней успел написать виды го-

5 Становление музейного дела в Дагестане. Архивные документы и материалы. Махачкала, 2020. С. 166–168.

6 Жена Магомета Хизроева была племянницей министра путей сообщения Горской республики Адиль-Гирея Даидбекова.

7 Е.Е. Лансере. Портрет Н.С. Тахо-Годи. 1918. Бумага верже, итальянский карандаш, сангина, белила; 41,6х29,8 см; инв. № 265а.

8 Джалалутдин Атаев (1882–1941) в 1918 году был членом Порт-Петровского военно-революционного комитета, весной этого года он был арестован отрядом Нажмутдина Гоцинского, но вскоре из-за требования рабочих освобожден и ушел в подполье. В 1931–1937 годах Атаев был директором Дагестанского краеведческого музея.

родской стены и два интерьера мечети Джума[9]. В июле на пароходе из Петровска он плавал в поселок Сураханы, а оттуда в Баку.

В сентябре 1919 года художник с женой и детьми переехали в Ростов-на-Дону. Но в дальнейшем мастер не раз приезжал в Дагестан в экспедиции и по другим поводам. Были осуществлены замечательные художественные экспедиции Лансере в 1925-м в Центральный Дагестан, в 1928-м – в станицу Старогладковскую Кизлярского округа (с заездом в ногайские аулы), в 1932-м – в Махачкалу, где он написал портрет Джелал-эд-Дина Коркмасова, и на строившуюся Гергебильскую ГЭС близ Гуниба. В 1929–1931 годах он создал для дагестанского музея большой триптих «Красные партизаны Дагестана спускаются с гор».

С Дагестаном связано несколько нереализованных проектов с участием Е.Е. Лансере – проект «Альбома по истории Дагестана» (1918), для которого художник написал вид с реконструкцией дворца шамхала в Кафыр-Кумухе, проект альбома «Дагестан» по результатам экспедиции Лансере 1925 года с записями собственных впечатлений и статьями по географии, истории, этнографии и зоологии других авторов, с цветными полностраничными и штриховыми иллюстрациями на полях. Этот проект он обсуждал с А.А. Тахо-Годи и директором Дагестанского музея Дмитрием Михайловичем Павловым, в 1926 году художник обсуждал его финансирование с руководством Дагестанского НИИ национальных культур. Уже весной 1934-го он работал над макетом издания, но оно так и не было осуществлено.

На основе своих наработок к «Хаджи-Мурату» и новых впечатлений Е.Е. Лансере с 1918 года разрабатывал идею большой картины «Всадники в горах» («Дагестанцы на конях»). Один из вариантов уже 1923 года, названный «Дагестанские типы. Хаджи возвращается в горы Дагестана», который был создан в 1923 году был взят на выставку русского искусства (The Russian Art Exhibition) в Нью-Йорк и выставлялся с 8 марта по 20 апреля 1924 года вначале в Нью-Йорке, а затем по месяцу на передвижной выставке в Балтиморе (штат Мэриленд), Уотербери (штат Коннектикут) и Колумбусе (штат Огайо)[10]. В апреле 1925 года карти-

9 Хранятся в Дагестанском музее изобразительных искусств имени П.С. Гамзатовой (бумага, темпера; 28,3х32 см; инв. № 857) и в Национальном музее Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи (бумага, темпера; 42х31,4 см; инв. № 3097).

10 Картина изображена в черно-белом варианте на титульной странице журнала «Красная Нива» (1924, № 29, 20 июля).

Е.Е. Лансере. Девушка из селения Бежта. 20 августа 1925 г. Дагестанский музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой

М.-А. Джемал. Девушка из селения Бежта. 20 августа 1925 г. Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи

на была куплена музеем университета Цинциннати (штат Огайо). Уже с января 1925 года он работал над новым большим панно «Дагестанцы в горах», не закончив которое в апреле 1926 года начал разработку нового эскиза с изображением всадников в горах Дагестана.

Особого внимания заслуживает **педагогическая деятельность** Лансере в Дагестане[11]. В начале октября 1918 года он стал штатным препода-

11 Художник занялся преподавательской деятельностью еще в начале 1910-х годов: он преподавал в Школе живописи и рисования Е.С. Зарудной-Кавос (родственницы по линии его матери) и А.М. Языковой в Санкт-Петербурге, а в 1915–1916 годах – в «Новой художественной мастерской» княгини М.Д. Гагариной в Санкт-Петербурге. Но именно в Дагестане Е.Е. Лансере начал уделять преподаванию больше времени, особо обращая внимание на общеэстетическую сторону образования.

Е.Е. Лансере. Портрет Мухутдина Абдулмажидовича Муссалау. 90 лет. 11 августа 1925 г. Дагестанский музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой

М.-А. Джемал. Портрет М.А. Муссалау. 1925 г. Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи

вателем рисования в женской гимназии Темир-Хан-Шуры[12]. Кроме того, художник читал ученицам старших классов гимназии лекции по истории искусств и сделал ряд показательных таблиц по развитию искусства от Древнего Востока до античности. 12–15 января 1919 года здесь прошла первая в послереволюционном Дагестане художественная выставка. Работы представили учащиеся, сам Лансере и молодой художник Халил-Бек Мусаев (Мусаясул, 1896–1949) из Чоха, с которым мастер познакомился еще в мае 1918 года[13]. Двух художников объединяли общие интересы. Оба они были на Кавказском фронте (Е.Е. Лансере зимой 1914/1915 гг., Мусаясул в 1916 – марте 1917 гг.), оба писали много портретов, бытовых зарисовок, вместе работали над оформлением журнала «Танг-Чолпан».

12 Женская гимназия в Темир-Хан-Шуре была основана еще в 1866 году и рассчитана на 200 человек (ныне в здании находится средняя школа № 1). Письмо с извещением Е.Е. Лансере о постановлении педагогического совета гимназии от 4 октября 1918 г. об избрании в штат преподавателей (РГАЛИ. Ф. 1982. Оп. 1. Ед.хр. 11).

13 Мусаев Д.О., Гасанов М.Р. Совместная творческая деятельность академика живописи Е.Е. Лансере и художника Х. Мусаясула в Дагестане // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. №2 (31). С. 9–11.

В январе 1919 года при помощи Мусаева Лансере организовал вечерние рисовальные курсы с еженедельными лекциями по истории искусств[14] – первое самостоятельное художественное учебное заведение в Дагестане, где учились одногодки будущий живописец и график Муэтдин-Араби Джемал (1900–1960) и скульптор Хас-Булат Аскар-Сарыджа (1900–1982). Познакомились они еще в начале 1918 года, быстро подружились и рисовали друг друга. Так, графический портрет Джемала создан Лансере в саду у Халила Мусаева еще 7 июня 1918 года (хранится в Дагестанском музей изобразительных искусств имени П.С. Гамзатовой).

Из-за финансовых трудностей курсы просуществовали чуть больше месяца, но мастер продолжал участвовать в творческой судьбе своих учеников[15]. Джемалу Лансере рекомендовал поступать в бывшую Академию художеств в Петрограде. Но после первого курса, в 1924-м он перевелся в Академию художеств Грузии в мастерскую Евгения Евгеньевича. В конце жизни, в 1959-м он основал в Махачкале художественное училище.

Аскар-Сарыджу Лансере познакомил в 1922 году в Тифлисе со скульптором Я.И. Николадзе. Это знакомство определило дальнейшую судьбу дагестанского мастера. Затем он закончил ленинградский ВХУТЕИН. В своих воспоминаниях скульптор писал: «Мы с Муэдином часто общались с этим замечательным человеком [с Е.Е. Лансере – П.П.]. Все наши творческие беседы с ним оставили неизгладимый след в нашей жизни. Евгений Евгеньевич прекрасно знал Дагестан, жизнь и быт горцев, превосходно разбирался в историческом прошлом нашего народа. С Лансере мы познакомились в период увлечения кубизмом, когда левакам было вольготно, грозили дубинами поломать черепа античных произведений. В эту пору Евгений Евгеньевич оберегал нас от увлечения измами, направляя наше творческое стремление к реалистическому пониманию жизни и людей такими, какими они есть в действительности»[16].

---

14 Реклама с описанием курсов опубликована в газете «Дагестан» 22 ноября 1918 года (№ 10). Е.Е. Лансере прочитал три лекции по доисторическому периоду и искусству Ассирии.

15 Подробнее о влиянии Е.Е. Лансере на Джемала и Аскар-Сарыджу — в докладе Д.А. Дагировой «Светские и советские начала в изобразительном искусстве Дагестана», читанном в Москве на «Морозовских чтениях» 24 ноября 2011 года. URL: https://www.ais-art.ru/2011-01-26-19-02-06/2011-02-02-20-08-12/arkhiv-prezhnikh-let/2008-2012/2011/2577-2011-12-29-08-21-25.html (дата обращения: 09.11.2025).

16 Не просто город: альманах в 2 т. Том 1: Темир-Хан-Шура – Буйнакск / отв. ред. М. Гаджиев. Махачкала, 2024. С. 111–112.

Преподавательская деятельность Лансере значительно ускорила становление профессионального искусства в республике. С этим согласны все исследователи искусства Дагестана XX века[17].

Наиболее явно влияние Е.Е. Лансере на своих учеников видно по работам, созданным летом 1925 года в Гунибском округе. Алибек Алибекович Тахо-Годи предчувствовал, что в скором времени быт горных районов Дагестана начнет меняться и специально пригласил своего друга посетить эти места и запечатлеть их самобытность[18]. В Махачкалу Лансере выехал на поезде из Тифлиса 19 июля вместе с Джемалом, окончившим второй курс Академии художеств Грузии, Аскар-Сарыджей, окончившим второй курс Ленинградского ВХУТЕИНа, и своим сыном, Евгением Евгеньевичем Лансере (1907–1988), ставшим впоследствии художником, архитектором и инженером-электромехаником[19].

Сама экспедиция с насыщенной художественно-этнографической работой проходила около 40 дней, от приезда в аул Гуниб 26 июля до последних портретов, созданных в ауле Чох уже в начале сентября («Шахназарова – ученица Е.Е. Лансере по Темир-Хан-Шуринской гимназии», Дагестанский музей изобразительных искусств).

Сын художника оставил воспоминания об этой поездке, записанные Булачом Гаджиевым в 1981 году: «По приглашению дагестанского правительства в 1925 году мы с отцом приехали в Буйнакск. В Гуниб на лошадях отправились вчетвером – местные художники Джамал, Аскар-Сарыджа, родитель и я. Всем четверым, в том числе и мне, семнадцатилетнему юноше, дали пистолеты. Сказали: опасность. Во время ночле-

17 Магомедов Д.М. Профессиональное искусство Дагестана. Основные закономерности становления и развития. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1972; Воронкина Н.П. Изобразительное искусство Советского Дагестана: страницы истории. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1978; Шамхарданова Л. Дагестанская живопись // Искусство Дагестана. Альбом. М.: Советский художник, 1981. С. 108–113; Гейбатова З.А. Становление и развитие дагестанского изобразительного искусства. 1917–1985. Кандидатская диссертация. Л., 1987; Очерки истории советского искусства Дагестана. 1917–1941 / под ред. Г.Г. Гамзатова. М.: Наука, 1987.

18 О дружбе Е.Е. Лансере с А.А. Тахо-Годи: Павлинов П.С. Евгений Евгеньевич Лансере и Алибек Алибекович Тахо-Годи // Приношение. Азе Алибековне Тахо-Годи от благодарных учеников и коллег к 100-летию со дня рождения. Fuga temporum. Санкт-Петербург, 2023. С. 76–87.

19 Подробнее о Е.Е. Лансере, сыне академика: Павлинов П.С. Прекрасное, подсказанное природой. О художнике и архитекторе Евгении Евгеньевиче Лансере (1907–1988) // Московский журнал. 2008. № 10. С. 32–41.

га кто-нибудь из нас дежурил. Оказалось, напрасно. К нам относились дружелюбно, как дорогих кунаков звали в сакли. <…> Желающих позировать находилось мало, но, если мы просили, то даже женщины откликались. <…> Целый месяц путешествовали. Питались кукурузным хлебом, молоком, медом»[20].

По старому академическому методу преподавания Е.Е. Лансере с учениками работали рядом. Использовали карандаш, уголь, сангину, акварель и темперу. Каждый рисовал или писал свою работу (портрет в национальном костюме, пейзаж, вид аула, интерьер) и у ученика была возможность посмотреть, как работает педагог, а у него, при необходимости, подсказать ученику. На многих примерах видно, что художники одновременно портретировали одного и того же человека с разных ракурсов. Так, 19 августа они добрались до самого дальнего аула их экспедиции Бежта, расположенного на берегах реки Хзанор на высоте около 1600 метров от уровня моря. На следующий день Е.Е. Лансере написал темперой на бумаге портрет девушки с кувшином. Одновременно М.-А. Джемал нарисовал ее с более фронтальной точки зрения.

Скорость и проработанность деталей у учителя и учеников была разной, особенно при использовании темперы. Так, 11 августа в ауле Урода, где путники провели почти неделю, Е.Е. Лансере написал темперой портрет сидящего 90-летнего старика Мухутдина Абдулмажидовича Муссолау с подробным изображением не только лица и рук, но и трости, четок, одежды, с интересной тональной разработкой. М.-А. Джемал успел изобразить только погрудный портрет и использовал более широкие мазки.

В работах с видами аулов Урада, Хотода, Гинта и других также заметно, что ученики сидели рядом с мастером, но работали иногда в других материалах и выделяли интересные им элементы природы или детали архитектуры. Вечером 15 августа они темперой писали вид аула Тидиб от реки Гичиноор. Художники постарались запечатлеть золотистые закатные тоны башен, сложные зеленые травы и сиреневые теней. Позднее этот вид послужил фоном для нескольких жанровых картин Е.Е. Лансере. В марте 1926 года он завершил на холсте картину «Аул Тидиб в Дагестане» с изображением женщин с кувшином, девочки с младенцем за спиной и двух мужчин. Она была представлена на 8-й выставке картин и скульптуры Ассоциации художников революционной России

20 Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шура. Буйнакск, 1992. С. 136.

«Жизнь и быт народов СССР» в мае–августе 1926 года в Москве. А после аналогичной выставки в Ленинграде ее приобрели в собрание Третьяковской галереи и вскоре ее воспроизвели на обложке 22-го номера журнала «Красная Нива».

После возвращения из экспедиции по горным аулам, 4 сентября 1925 года мастер нарисовал портрет Разият, матери Джемала (Дагестанский музей изобразительных искусств).

В январе 1926 года в бюллетене Дагестанского музея была опубликована информативная статья об экспедиции (без подписи): «Летом сего года Дагнаркомпросом и Дагмузеем была организована художественная экспедиция в Аварию. В экспедиции приняли участие академик живописи Е.Е. Лансере и ученик Лансере М.-А. Джамал. Экспедиция работала преимущественно в Гунибском округе, исключительно интересном своими памятниками старины. Тут главным образом внимание было обращено на следующие общества и участки: общество Гида (Гидатль), общество Куяда и Анцухо-Капучинский, Бухнадальский и Карахские участки. Из указанных участков особенный интерес представлял Гидатлинский, где есть такие редкостные старинные аулы, как Тидиб, Гинта, Урада и др. С массой боевых башен (особенность аулов Гидатля), темные, сплоченные и высокие, как замки – эти аулы представляют большой интерес. Из аулов Гидатля особенно замечателен Тидиб своей архитектурой, внешним видом и внутренней жизнью. Экспедиция следовала по следующему маршруту: Буйнакск – Гуниб – Корода – Голотль – Урада – Тидиб – Гинта – Одота – Мосрох – Шубах – Тлядаль – Бежита – Тлядаль – Тлярата – Гундиб – Гочоб – Чох – Гуниб – Буйнакск. Куядинское общество – 4 дня, Гидатлинское 12 дней, Анцухо-Капуча – 7 дней, Бухнадальский участок – 3 дня, Карахский участок – 7 дней. Экспедиция продолжалась 1½ месяца. Произведено до 80 зарисовок и 50 фотоснимков»[21].

Все этюды, созданные Лансере в экспедиции 1925 года, были приобретены Дагестанским музеем[22]. В 1958 году при выделении Дагестанского музея изобразительных искусств они попали в него. Уже в наше время работы этой серии демонстрировались московской публике в

21 Дагестанский музей. Бюллетень. 1926. № 2 (январь). С. 30.

22 Горский краеведческий журнал (Бюллетень Ассоциации Северо-Кавказских горских краеведческих организаций). 1926. № 1. С. 26.

2013–2014 годах в музее-заповеднике «Коломенское» на выставке «Дагестан глазами Евгения Лансере» и весной 2022 года в Государственном музее Востока на выставке «Евгений Лансере в Дагестане» и вызвали неподдельный интерес у московской публики. Работы М. Джемала хранятся в Национальном музее Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи. Произведения Е.Е. Лансере (сына) – в Государственном музее Л.Н. Толстого в Москве и в частных собраниях.

Е.Е. Лансере еще не раз возвращался в Дагестан и видел, как он меняется. Так, 23 января 1932 года он ездил с уже ставшим профессиональным скульптором Аскар-Сарыджой на строившуюся Гергебильскую ГЭС близ Гуниба. Художника поражало передвижение по горам на автомобиле: «Двойственное впечатление – быстроты и легкости преодоления пространств, но поэтому же преувеличение их; т.е. уже кажется, неужели мы столько могли пройти пешком»[23]. 18 и 19 июня 1934 года Е.Е. Лансере видел Дагестан из окон самолетов, когда он делал перелет из Ростова-на-Дону в Тифлис с посадками в Армавире, Минеральных Водах и Махачкале. Последний раз художник проезжал полюбившуюся республику 30 декабря 1943 года, возвращаясь в Москву из последней командировки по Грузии.

В мае 1944-го в Дагестанском краеведческом музее состоялась персональная выставка художника с пейзажами, портретами, видом веранды домика в Кизляре, где проживал Л.Н. Толстой[24]. А в июле 1945 года он получил телеграмму Правительства Дагестанской АССР с приглашением участвовать в ноябре на юбилейной Восьмой сессии Верховного Совета Дагестанской АССР. Из-за работы по росписи вестибюля Казанского вокзала художник был вынужден от поездки отказаться.

Е.Е. Лансере с благодарностью вспоминал Дагестан как регион, приютивший его в 1917–1919 годах, как территорию древней народной культуры и необыкновенных красот, способствовавших развитию его живописного таланта. Как вспоминал его сын, «у Евгения Евгеньевича через всю жизнь прошла любовь к Дагестану… Он всегда тепло говорил о нем, о его людях, дикой природе, которые привлекали его сердце»[25].

---

23 Дневники Е.Е. Лансере. Архив семьи художника.

24 Художественная выставка работ академика Е.Е. Лансере // Дагестанская правда. 1944. № 99 (20 мая). С. 2.

25 Гаджиев Б.И. Темир-Хан-Шура. Буйнакск, 1992. С. 137.

Список иллюстраций:

1. Е.Е. Лансере. Портрет Муэтдина Джемала. 7 июня 1918 г. Дагестанский музей изобразительных искусств имени П.С. Гамзатовой.
2. Е.Е. Лансере. Девушка из селения Бежта. 20 августа 1925 г. Дагестанский музей изобразительных искусств имени П.С. Гамзатовой.
3. М.-А. Джемал. Девушка из селения Бежта. 20 августа 1925 г. Национальный музей Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи.
4. Е.Е. Лансере. Портрет Мухутдина Абдулмажидовича Муссалау. 90 лет. 11 августа 1925 г. Дагестанский музей изобразительных искусств имени П.С. Гамзатовой.
5. М.-А. Джемал. Портрет М.А. Муссалау. 1925. Национальный музей Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи.

СЕМЬЯ ПАВЛОВЫХ

М. Г. Павлова
Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва

THE PAVLOV FAMILY

M. G. Pavlova
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow

Аннотация: с начала XIX века история семьи Павловых известна достаточно хорошо. Сведения, представленные в данной статье, основываются на многочисленных воспоминаниях матери Дмитрия Михайловича – Надежды Дмитриевны Павловой-Ивановой (1846–1935), а также ее дочери, родной сестры Дмитрия Михайловича, Анны Михайловны Павловой (1887–1976). Анна Михайловна не раз рассказывала об этом своему племяннику – Геннадию Геннадиевичу Павлову. Некоторые сведения получены из рассказов и письменных воспоминаний Павлова Геннадия Михайловича.

Abstract: since the beginning of the 19th century, the history of the Pavlov family has been known quite well. The information presented in this article is based on numerous memoirs of Dmitry Mikhailovich's mother, Nadezhda Dmitrievna Pavlova-Ivanova (1846–1935), as well as her daughter, Dmitry Mikhailovich's sister, Anna Mikhailovna Pavlova (1887–1976). Anna Mikhailovna more than once told her nephew, Gennady Gennadievich Pavlov, about this. Some information was obtained from the stories and written memoirs of Gennady Mikhailovich Pavlov.

Ключевые слова: семья, Павловы, Дмитрий Павлов, Болхов, Задонск, Москва, медицинский институт, музей.

Key words: family, Pavlovs, Dmitry Pavlov, Bolkhov, Zadonsk, Moscow, medical institute, museum.

По отцовской линии Дмитрия Михайловича Павлова (1889–1971) предком был Павел из семьи мещан, живший в конце XVIII века города Болхова Орловской губернии. От Павла и пошла фамилия семьи.

По материнской линии, согласно семейной легенде, предком был неграмотный дьячок Фома. Он жил в конце XVIII века и служил в церкви села Верхний Студенец тогда Воронежской Епархии (село находится около г. Донское Липецкой обл.). У Фомы скорее всего фамилии не было. Его сын во время обучения в духовной семинарии получил фамилию Иванов.

Дедом Дмитрия Михайловича был Василий Павлов. Он родился в г. Болхове Орловской губернии ориентировочно в 1806 г. Василий был младшим из трех сыновей. Семья принадлежала к сословию мещан и занималась, по-видимому, мелкой торговлей.

Василий женился на соседке из семьи мещан Татьяне Федоровне Болховитиновой (1810–1886). У них родилось двое детей – Анна (1825 г.) и Михаил (1829 г.). Вскоре Василий был призван в армию, из которой не вернуля (скорее всего, погиб на войне). Его сын Михаил родился в 1829 году, когда отца уже не было в живых.

Как сын погибшего солдата, Михаил в 7 лет получил статус кантониста и был приписан к армии. В возрасте 15 лет (1844 г.) он ушел в армию, где прослужил 26 лет (включая 3 года в качестве кантониста).

Выдав замуж дочь Анну, мать Татьяна осталась одна. На жизнь она зарабатывала поденной работой в семьях горожан г. Болхова. Ее здоровье с возрастом ухудшалось, а средств к существованию не было.

Один раз она работала в семье полковника в отставке. Тот объяснил Татьяне, что Михаил, как единственный сын в семье, должен оставаться дома и кормить родителей. Полковник порекомендовал Татьяне подать прошение на имя Государя-Императора Александра II с просьбой отпустить сына домой.

Первое прошение Татьяна послала почтой. Итогом было назначение ей небольшой пенсии. Со вторым прошением на имя Императора с просьбой отпустить сына из армии летом 1870 г. Татьяна пошла пешком из Болхова в Санкт-Петербург (более 1000 верст), для того, чтобы подать его лично.

В Царском Селе была организована специальная служба, которая принимала людей, приходивших для подачи прошений лично Императору.

Семья Г. М. Павлова на фоне дома в г. Задонске (Павлов Г. М., Павлова В. Н. и их дети Геннадий и Ростислав).
(фотография из семейного архива, ориентировочно 1946 г.)

Татьяну определили на постой, кормили, разрешали видеться с сыном.

Однажды ее поставили на колени у дорожки Царскосельского парка, по которой прогуливался Император. Прошение было у Татьяны на голове. Александр подошел к ней, взял прошение, попросил встать с колен и тут же принял решение просьбу удовлетворить.

Михаил с матерью вернулись в Болхов. Вскоре они поехали помолиться в Задонск в монастырь Тихона Задонского. Город Задонск Михаилу понравился, и он решил там поселиться.

В Задонске в начале 70-х годов XIX века Михаил Павлов купил у мещанина Васильева старый дом в центре города и на его месте построил новый двухэтажный. С этим домом семья Павловых была связана более 100 лет, до 1980 года. Дом сохранился до настоящего времени.

В Задонске Михаил женился на Анне Кирилловне, дочери управляющего имением помещика Панютина в селе Репец. В браке было четве-

Семья Павловых. Михаил Васильевич, Михаил, Дмитрий, Мария– старшая дочь от первого брака М. В. (фотография из семейного архива, ориентировочно 1900 г.)

Семья Павловых: сидят (слева направо) – Надежда Дмитриевна, Мария Яковлевна (жена Михаила), Михаил, Дмитрий, стоят (слева направо) – Евдокия, Анна, Геннадий (фотография из семейного архива, ориентировочно 1910 г.)

ро детей. Трое из них умерло в раннем детстве. До взрослого возраста дожила только старшая дочь Мария Михайловна. Она умерла от туберкулеза в возрасте 33 лет еще при жизни отца (1906 г.). Жена Михаила Анна погибла при пожаре летом 1879 г. (в ее руках вспыхнула емкость с керосином).

Второй раз Михаил Васильевич женился на Надежде Дмитриевне Ивановой, дочери сельского священника отца Дмитрия Иванова из села Верхний Студенец Воронежской и Елецкой Епархии январе 1881 г.

В браке Михаила Васильевича Павлова (1829–1907) и Надежды Дмитриевны Павловой-Ивановой (1846–1935) родилось пятеро детей: Михаил (1882–1967), Дмитрий (1884–1931), Анна (1887–1976), Геннадий (1889–1971) и Евдокия (1891–1977).

Старший сын М. В. Павлова Михаил Михайлович Павлов (1882–

1967) родился в сентябре 1882 г. в г. Задонске. От рождения Михаил был очень слабым ребенком. Его родителям не советовали учить сына, т. к. думали, что он все равно умрет. Но мать Надежда Дмитриевна настояла на том, что сына нужно учить. «Пусть умрет, но умрет грамотным».

После окончания в Задонске духовного училища, а затем с отличием духовной семинарии в Воронеже, Михаил получил право учиться бесплатно за счет Церкви и Духовной Академии. Отец Михаила мечтал, что его сын станет Архиепископом. Но Михаил, вопреки воле отца, поступил на медицинский факультет Юрьевского Университета (сейчас г. Тарту, Эстония), из которого через некоторое время перевелся на медицинский факультет Харьковского Университета.

По окончании медицинского факультета молодой врач должен был некоторое время проработать в селе земским врачом. Еще в период обучения в Университете Михаил во время летних каникул работал земским врачом в селах под Воронежем и Ельцом. Поэтому он практически сразу после завершения учебы был отправлен в Германию в научную командировку (дважды в 1911–1912 гг.).

Научную деятельность Михаил Михайлович начал еще студентом. Его студенческие научные работы дважды в 1908 и 1909 гг. были отмечены золотыми медалями. По возвращении из Германии в начале 1913 г. Михаил защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины на тему: «Изменение крови после удаления поджелудочной железы» по материалам научных исследований, проведенных за границей.

В 1918 г. Михаил Михайлович занял должность профессора Юрьевского, а затем Таврического Университета, а в 1922 г. перешел на работу в Харьковский Университет, на должность заведующего кафедрой патологической физиологии. Являясь учеником Харьковского профессора Репьева – основателя Южной Харьковской научной школы отечественной патофизиологии – Михаил Михайлович фактически стоял у истоков становления этой научной дисциплины в нашей стране. За пять лет работы в лаборатории в Харькове он опубликовал около 50 научных работ. В это время был написан учебник патологической физиологии для студентов медицинских ВУЗов.

В 1930 г. М. М. Павлов занял кафедру патологической физиологии в I Ленинградском медицинском институте. Научные работы М. М. Павло-

Геннадий Михайлович Павлов (1889–1971) (фотография из семейного архива, 50-е годы XX века)

ва были посвящены изучению патологии эндокринной и ретикулоэндотелиальной систем, проблеме лихорадки и т. п.

Во время блокады М. М. Павлов оставался в Ленинграде, где возглавлял инфекционный госпиталь, развернутый на базе I Ленинградского медицинского института. Позже он работал начальником военного госпиталя. Многолетняя работа М. М. Павлова отмечена орденом Ленина.

Средний сын – Дмитрий Михайлович Павлов родился 8 ноября (26 октября) 1894 года в городе Задонске. Дмитрий закончил в Задонске духовное училище. Далее он учился в Воронежской духовной семинарии.

По окончании семинарии Дмитрий Михайлович поступил на медицинский факультет Юрьевского Университета, но проучился там всего 3 семестра. Прервав обучение, он поступил на историко-филологический факультет Харьковского Университета. После окончания Университета, Дмитрий Михайлович приехал на Кавказ, где и работал до конца жизни.

В семье Павловы сведений о Дмитрии Михайловиче Павлове сохранилось очень мало. В связи с тем, что в 1931 г. он был репрессирован и трагически погиб в тюрьме, в советское время детям его брата Геннадия Михайловича о Дмитрии Михайловиче практически ничего не рассказывали. Сохранилось лишь небольшое количество документов семейного архива (несколько печатных работ и фотографии до 1917 года).

Младший сын М. В. Павлова Геннадий Михайлович Павлов (1889–

1971) родился в 30 (17) мая 1889 года в г. Задонске. Он окончил в Задонске церковно-приходскую школу, а затем учился в уездном училище. В сентябре 1907 года после смерти отца он сдал экзамен на звание народного учителя и начал работать в церковно-приходской школе в деревне Голопузовка под Ельцом.

Работая учителем, он самостоятельно подготовился к сдаче экзаменов экстерном за курс реального училища. После окончания реального училища Геннадий Михайлович учился в Киевском коммерческом институте (1913–1916). В 1916–1917 годах он проходил военную службу в Воронеже в гусарском полку. Как лицо, имеющее высшее образование, в чине рядового вольноопределяющегося.

Во время февральской революции 1917 г. солдаты гусарского полка выгнали офицеров, а затем избрали полковой солдатский комитет. Председателем этого комитета был избран Г. М. Павлов. Однако, не желая участвовать в дальнейших революционных событиях, Геннадий Михайлович вернулся в Задонск к матери и сестре. В это время он женился на дочери священника Неониле Евгеньевне Мишиной. Детей в этом браке не было.

Задонским уездным исполнительным комитетом Геннадия Михайловича назначили руководителем финансового отдела ЦИК, поскольку он был единственным в уезде специалистом с высшим экономическим образованием. Позже Геннадий Михайлович говорил, что был «народным комиссаром финансов г. Задонска».

В эти годы Геннадий Михайлович организует в Задонске Краеведческий музей. Согласно его воспоминаниям, поводом для этого послужило то обстоятельство, что на Задонском базаре ему завернули ягоды в лист бумаги, который оказался листом из рукописи Д. И. Менделеева. (Дмитрий Иванович одно лето жил в селе около Задонска у своего знакомого помещика). В Задонский Краеведческий музей целенаправленно собирали экспонаты из разрушающихся помещичьих усадеб и церквей. Часть экспонатов для музея была получена из Москвы из Музея Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина, в который со всей России свозили экспонаты из помещичьих усадьб. Задонский музей упоминается в списке краеведческих музеев России за 1924 год. Музей в Задонске работал до 1939 года. В 1939 году он был закрыт, а экспонаты музея были переданы в Воронеж. Дальнейшая судьба этих экспонатов неизвестна.

Найти документы о Задонском Краеведческом музее того периода также не удалось.

В первые годы после Революции в Задонск привозили вместе с педагогами из Москвы детей-школьников на отдых (точнее для того, чтобы накормить). Геннадий Михайлович оказывал московским педагогам всяческую помощь. Узнав о его желании попасть в Москву с целью поступления на медицинский факультет Московского Университета, московские педагоги организовывали для него вызов для работы в Москве. В Задонский уездный комитет поступила телеграмма за подписью Н. К. Крупской, в которой она просила командировать Г. М. Павлова в Москву в ее распоряжение.

В 1922 году Геннадий Михайлович переезжает в Москву и сразу поступает на медицинский факультет Московского Университета. По окончании медицинского факультета Г. М. Павлов работает в качестве земского врача в селе Озерецкое около ст. Лобня Московской области, затем в клинике факультетской хирургии I Московского медицинского института под руководством Н. Н. Бурденко. Медицинский факультет I МГУ в 1930 году был преобразован в I Московский медицинский институт.

С 30-х гг. XX века Г. М. Павлов начал преподавать нормальную анатомию человека на кафедре I Московского медицинского института (зав. кафедрой проф. Г. Ф. Иванов), а также в Московском городском педагогическом институте и Московском фармацевтическом институте, в котором возглавлял курс нормальной анатомии человека.

В декабре 1941 г. Геннадий Михайлович был направлен в распоряжение Воронежского медицинского института для подготовки врачей в действующую армию. Однако поработать в Воронеже ему так и не удалось – город был оккупирован немецкими войсками. Геннадию Михайловичу разрешили работать в Задонске. Он возглавлял врачебную комиссию по призыву в армию, работал санитарным врачом района. Одновременно по собственной инициативе вместе с женой биологом-гистологом В. Н. Павловой (в то время аспирант кафедры гистологии III Московского медицинского института) организовал в прифронтовой полосе сельскую больницу для оказания медицинской помощи гражданскому населению и, по мере необходимости, военнослужащим. Больница была открыта в помещении бывшей церковно-приходской школы в селе Репец недалеко от г. Задонска.

В октябре 1943 года Г. М. Павлов передал руководство репецкой больницы другому лицу. После окончания ВОВ больница функционировала несколько десятилетий как сельская участковая. После закрытия в ее здании некоторое время находился фельдшерско-акушерский пункт. Дату окончательного закрытия больницы узнать не удалось.

В 1943 году Г. М. Павлов вернулся в Москву, где защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук (за создание учебника «Анатомия и физиология» для медицинских училищ). Книга была издана в июне 1941 года. Она использовалась во время Войны для подготовки среднего медицинского персонала для фронта.

Анна Михайловна Павлова (1887–1976) с племянниками Геннадием, Ростиславом и Наталией. (фотография из семейного архива, конец 50-х годов XX века)

В послевоенные годы Г. М. Павлов преподавал нормальную, а также пластическую анатомию в медицинских, педагогических и художественных вузах и факультетах г. Москвы. В эти годы был написан учебник по нормальной анатомии человека для педагогических вузов, а также совместно с женой В. Н. Павловой учебное пособие по пластической анатомии человека для художественно-промышленных училищ, а затем и художественных вузов.

Старшая сестра в семье Павловых – Анна Михайловна Павлова (1887–1976) родилась в г. Задонске Анна Михайловна закончила Задонскую прогимназию. Работала учителем начальных классов в селах задонского Уезда (Елецкая, Лозовка и др.). В дальнейшем преподавала в школе в г. Задонске.

Анна Михайловна всю жизнь прожила в г. Задонске в доме, постро-

енном ее отцом. Своих детей у нее не было, но она очень помогала своему младшему брату – Геннадию Михайловичу – в воспитании его детей (своих племянников).

Младшая сестра – Евдокия Михайловна Павлова (1991–1979) также родилась и всю жизнь прожила в г. Задонске. У нее не было специального образования. Непродолжительное время она работала машинисткой в Управе г. Задонска. Однако большую часть жизни посвятила семье, воспитанию детей и внуков.

У сыновей Михаила Васильевича Павлова Михаила и Дмитрия и старшей дочери Анны детей не было.

У Евдокии Михайловны в двух браках родилось пятеро детей: дочери Нина (1912–1997), Галина (1913–1999) и Кира (1917–2000) в первом браке и сыновья Игорь (1922–1943) и Дмитрий (1926–1944) во втором. Игорь умер в Задонске во время войны от туберкулеза. Дмитрий погиб в Польше в конце июля 1944 года, ему не было 18-ти лет.

У старшей дочери Е. М. Павловой Нины Михайловны трое детей – Татьяна (1938), Николай (1946–2015) и Галина (1956). У Николая дочь Екатерина, у Галины сын Дмитрий.

У Геннадия Михайловича было трое детей – сыновья Геннадий (1937) и Ростислав (1938–1973) и дочь Наталья (1950–2004). В настоящее время единственным родным племянником Дмитрия Михайловича Павлова и старшим в семье является Павлов Геннадий Геннадиевич – врач, патоморфолог, доктор медицинских наук.

У Геннадия Геннадиевича двое детей – дочь Мария (1968) и сын Владимир (1975), и трое внуков – Элина (1997), Михаил (2015) и Давид (2015). У Ростислава Геннадиевича две дочери – Елена (1961) и Рита (1968). У Натальи Геннадиевны – единственная дочь Вита (1974) и трое внучек – Полина (1992), Екатерина (1997) и Алеся (2007).

«Я ОСТАЮСЬ НА СРОК, ПОТРЕБНЫЙ ДЛЯ РИСОВАНИЯ ДВУХ ДЕСЯТКОВ ВЕЩИЦ ДЛЯ МУЗЕЯ В ДАГЕСТАНЕ». ОЧЕРК О ПРЕБЫВАНИИ В ДАГЕСТАНЕ ХУДОЖНИКА – АНИМАЛИСТА, ВИДНОГО НАТУРАЛИСТА И ЗООЛОГА А. Н. ФОРМОЗОВА

М.-Р. Д. Магомедов
Прикаспийский институт биологических ресурсов Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала

«I AM STAYING FOR THE PERIOD REQUIRED TO DRAW TWO DOZEN ITEMS FOR THE MUSEUM IN DAGESTAN». ESSAY ON THE STAY IN DAGESTAN OF THE ARTIST–ANIMALIST, PROMINENT NATURALIST AND ZOOLOGIST A. N. FORMOZOV

M.-R. D. Magomedov
Pre-Caspian Institute of Biological Resources, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala

Аннотация: очерк посвящен описанию пребывания в Дагестане «великого русского натуралиста» и одного из виднейших российских зоологов, экологов, зоогеографов, художника-анималиста и пропагандиста науки А. Н. Формозова в 1924 и 1925 годах. Он был одним из ведущих ученых, который начал проводить экологические исследования животных в зимнее время – крайне мало изученным сезоном их жизни. Им впервые показана важнейшая роль животных в экосистемах аридных территорий как одного из главных факторов стабильности функционирования сообществ. Природный талант писателя-анималиста и художника позволили А. Н. Формозову создать прекрасные книги с собственными оригинальными иллюстрациями, которые, несомненно, еще многие годы будут верно служить всё новым и новым поколениям начинающих зоологов.

Abstract: the essay describes the stay in Dagestan of the «great Russian naturalist» and one of the most prominent Russian zoologists, ecologists, zoogeographers, animal artists, and science propagandists, A. N. Formozov, in 1924 and 1925. He was one of the leading scientists who began conducting ecological studies of animals during the winter season, which is a poorly studied period of their life. He was the first to demonstrate the crucial role of animals in the ecosystems of arid regions as a key factor in the stability of community functioning. A. N. Formozov's natural talent as an animal writer and artist allowed him to create beautiful books with his own original illustrations, which will undoubtedly serve new generations of aspiring zoologists for many years to come.

Ключевые слова: художник-анималист, натуралист, зоолог, автор популярных книг, горный Дагестан, рисунки природы.

Keywords: animalist artist, naturalist, zoologist, author of popular books, mountainous Dagestan, nature drawings.

Александр Николаевич Формозов принадлежит к той замечательной плеяде зоологов, которая на заре становления советского государства определяла пути и направления развития исследований фауны наземных позвоночных животных нашей Родины.

Формозов Александр Николаевич родился 1 февраля 1989 года в городе Нижний Новгород в семье страстного охотника и любителя природы. С 10 лет учился в мужской гимназии и далее на химическом отделении Варшавского политехнического университета. После службы в Красной Армии, во время гражданской войны, пленения, а затем брошенной деникинской армией, спасенный умиравшего от возвратного тифа, поступил на биологическое отделений Нижегородского университета. И уже в 1922 году, переехав в Москву окончил естественное отделение Московского университета. Практически сразу начал принимать активное участие в экспедициях Академии наук СССР в Монголию и на Дальний Восток. В 30 лет стал доцентом, а в 36 лет избран профессором с зачетом без защиты докторской диссертации. Такое внимание в А. Н. Формозову было связано с тем, что уже с 30-летнего возраста А. Н. Формозов стал одним из виднейших зоологов и экологов Советского Союза. Еще будучи очень молодым человеком (в 25 лет) с 1924 по 1930 г., он успел выпустил десять научно-популярных книг, три из которых были в те же

годы переизданы!

В самой краткой такой форме хочется рассказать об Александре Николаевиче Формозове, всесторонняя оценка идей и достижений которого очень хорошо известны по многочисленным биографическим очеркам и историко-научным публикациям [1–8].

Область научных интересов А. Н. Формозова очень многогранна: прикладная и фундаментальная зоология, охрана природы, фаунистика, биогеография и экология, художник-анималист, популяризатор науки. В Лондоне напечатано в 1978 году руководство американца Уильяма Пруитта "Бореальная экология", где А. Н. Формозов абсолютно справедливо назван «великим русский натуралистом».

Для меня лично (как эколога и зоолога) особенно примечательным было то, что он, во-первых, был одним из ведущих ученых, который распространил полевые экологические исследования на зимнее время, что до него оставалось для экологов крайне мало изученным сезоном их жизни. В этом отношении выдающееся значение имела монография А. Н. Формозова «Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР».

Во-вторых, А. Н. Формозов впервые изучил биоценотическую роль позвоночных животных в экосистемах степных и полупустынных районах – в угодьях Западного Казахстана, Южной Украине, глинистых полупустынь междуречья Волги-Урал, Монголии. Этой проблеме посвящены им целая серия статей в центральных российских журналах, где им показано влияние фауны на формирование почв и жизнедеятельность фитоценоза степей и, что активность позвоночных животных– один из главных факторов стабильности функционирования степного сообщества. В том числе, эта серия включала большую работу о влиянии общественной полевки и некоторых других грызунов на растительность Кизлярского района Дагестанской АССР.

И, в-третьих, имя А. Н. Формозова стояло в первых рядах зоологических и натуралистических знаний для нас школьников и студентов, у которых только начинал возникать интерес к биологии и зоологии. Природный талант писателя-анималиста и художника в сочетании с глубокой осведомленностью о жизни животных позволяли в увлекательной форме вникать в жизнь и повадки отдельных видов животных, почувствовать особенности и красоту различных ландшафтов,

в которых путешествовал или работал автор. Глубокое знание экологии наших зверей и птиц, зоркий глаз полевого эколого-натуралиста и талант художника-анималиста позволили А. Н. Формозову создавать прекрасные книги, которые, несомненно, еще многие годы будут верно служить всё новым и новым поколениям зоологов. Особенностью многочисленных книг автора было в том, что свои рассказы он сопровождал собственными иллюстрациями. Огромное большинство рисунков его книг были выполнены с натуры в местах наблюдений (в том числе и в Дагестане).

Первый раз А. Н. Формозов попал на Кавказ (во Владикавказ) зимой 1923–1924 годов по приглашению однокурсника Льва Борисовича Бёме (впоследствии известный орнитолог), куда он приехал также с однокурсником Владимиром Георгиевичем Гептнером (ставший известным исследователем фауны Средней Азии), где они провели полтора месяца экспедиционных сборов фаунистического материала в горах. И в июле 1924 года они впервые побывали в Дагестане. Здесь, ночуя в аулах Гунибского и Тляратинского районов (Гуниб, Кардиб, Чадаколоб и др.), они все свободное время бродили по горам и продолжали активно собирать материал. Ими уже было собрано 200 птиц, 100 млекопитающих и 100 видов рептилий и амфибий. А. Н. Формозов жаловался в своих дневниках, что по мере изучения необычайно разнообразных стаций края и всплывающие все новые и новые задачи, рисунков было сделано очень мало. Только в Дагестане флора и фауна сменяются с такой бурной поспешностью! – писал он.

В дальнейшем, спустившись в «Петровск» (г. Махачкала) отряд выехал за Дербент на станцию Белиджи, которую они заранее наметили по «десятиверстке» как лежащую среди лесного участка, расположенного «невдалеке» от моря и р. Самур, с дальнейшим намерением двигаться до Ахты включительно. Красочно описан им осенний лес в окрестностях Билиджи (Белиджи) и приведены несколько зарисовок растений и животных. Леса тогда отличались непролазной густотой, а многие деревья достигали поразительной мощности (до 2–3 обхватов). Чрезвычайно многочисленны ягодные кусты и деревья; кизил, терн, ожина (ежевика), дикий виноград…, много лесного ореха и встречается винное дерево (инжир), много диких яблок… одним словом, кабанам приволье. Непролазные чащи кустарников становятся еще непролазнее оттого,

что многочисленные, невероятно колючие, цепкие вьющиеся растения Smilax sp. (Сассапарель или ежевичная лоза) опутывают их.

От Белиджи за двое суток на фургоне, запряженной четверкой, уже вечером 22 августа группа добралась до с. Ахты. Здесь же, от отца хозяина, у которого они остановились, были получены сведения по «Гиэне» или как называли его лезгины «Кысь-кафтар» – «вроде волка, на шее грива, глаза ночью горят; ловит собак, мертвецов выкапывает из могил». Гиены (полосатая гиена), по его словам, были многочисленны во времена кавказской войны, когда трупы убитых привлекали этих зверей к месту военных действий. Они забегали по самурской дороге до аула Ахты. Надо добавить, последний факт добычи гиены в Дагестане пришелся на 1953 г. Мною, автором данного очерка, рано утром в ноябре 1973 г., наблюдалась пара полосатых гиен в пойме реки Самур возле полуразложившегося трупа крупного теленка в 1 км выше селения Кала- Кала Рутульского района.

В дальнейшем была попытка у А. Н. Формозова и В. Г. Гаптнером выехать в с. Куруш, но, у обеих натуралистов в начале дороги случился сильнейший приступ малярии, что вынудило их отказаться от «… надежд, связанных с заоблачными высотами» и поездка была отложена на следующий 1925 г.

Такая поездка в с. Куруш действительно состоялась в 1925 г. и проходила с 16 по 29 июня. Здесь им сделаны много акварельных рисунков самого Куруша и его окрестностей, карандашные рисунки жителей и «лезгинских детей». Выполнены несколько карандашных набросков птиц и грызунов.

Это была вторая поездка А. Н. Формозова в Дагестан, в котором он красочно описал свое прощание с горами. «На вьючных лошадях без седла утром 29 июня мы сползали по мокрым, набухшим от дождей тропинкам. Мы спускались через облачный слой по росистым лугам, пестрым от цветов розовой ромашки, желтых горных лилий, рыцарских шпор, крупных белых зонтичных и колокольчиков без счета и числа – синих, лиловых, сиреневых, голубых, собранных в колоски, в большие пучки и колышущихся по одиночке. Горы отступали на юго-запад… Вековые снега Шахдага и Шалбуздага горели мягким розоватым светом. Вершины словно плыли над голой полупустыней побережья. В дымке медленно оттаяли далекие вершины. Вот они стали прозрачными, еле

видимыми, вот совершенно пропали, как облако, растаявшее при восходе солнца. Прощайте горы!» [8].

Ну и вернемся в самое заглавие очерка. В первой же поездке, согласно одному из писем А. Н. Формозова из Дагестана, где много ярких описаний и важной информации в дополнение к дневникам (в письме В. А. Броцкой от 10.09.1924) он пишет «Я остаюсь на срок, потребный для рисования двух десятков вещиц для Музея. Надеюсь, прибыть в Москву около 25–27. IX». Мною совместно с работником музея были просмотрены картины из хранилищ музея, где были обнаружены три работы А. Н. Формозова: картины «Стрепет», «Охота на бакланов под Петровском» и «Альпийская галка».

Считаю, что эти картины могли-бы быть размещены и несомненно украсили-бы отдел музея, посвященной природе Дагестана.

Список источников

1. Исаков Ю. А. Александр Николаевич Формозов – эколог и зоогеограф (к 60-летию со дня рождения)//Бюл. МОИП. Отд. биол. 1959. 64. № 5. С. 151–160.
2. Гептнер В. Н. К шестидесятилетию Александра Николаевича Формозова//Исследования географии ресурсов животного и растительного мира. М.: 1962. С. 7–11.
3. Насимович А. А. Значение научной и общественной деятельности А. Н. Формозова для развития отечественной экологии и биогеографии (к 70-летию со дня рождения)//Бюл. МОИП. Отд. биол. 1969. 74. № 1. С. 150–155.
4. Насимович А. А. Пионер отечественной экологии//Природа. 1976. № 3. С. 117–121.
5. Воронов А. Г. Взаимоотношения животных и растений в работах А. Н. Формозова и дальнейшее развитие этого направления//Бюл. МОИП. Отд. биол. 1979. 84. № 6. С. 27–34.
6. Матюшкин Е. Н. Александр Николаевич Формозов (1899–1973) – основоположник снеговедческого направления в экологии животных//А. Н. Формозов. Снежный покров в жизни млекопитающих и птиц. М.: 1990. С. 5–12.
7. Формозов А. А. Александр Николаевич Формозов: Жизнь русского натуралиста. М.: КМК, 2006. С. 208 с.
8. А. Н. Формозов. От Двины до Мургаба. Пути и тропы художника-анималиста. М.: ДАРЪ. 2021. 276 с.

ПОЗДНЕМИОЦЕНОВЫЕ УСАТЫЕ КИТЫ (CETACEA, CETOTHERIIDAE) ДАГЕСТАНА

К. К. Тарасенко
Палеонтологический институт им. А. А. Борисяка РАН, г. Москва

LATE MIOCENE BALEEN WHALES (CETACEA, CETOTHERIIDAE) FROM DAGESTAN

K. K. Tarasenko
Borissiak Paleontological Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация: в работе кратко рассматривается разнообразие усатых китов из позднего миоцена Кавказа (Восточный Паратетис), обсуждаются находки посткраниальных элементов небольших усатых китов из Первомайского карьера (Дербент). Дербентский кит во многом отличается от известных родов Cetotheriidae западной части Восточного Паратетиса. Фрагментарность материала из Первомайского карьера не позволяет сравнить важные признаки околоушной области и лицевой части черепа этого кита с другими родами цетотериевых китов. Этот факт в свою очередь обуславливает актуальность проведения новых экспедиционных работ и раскопок в районе Дербента.

Abstract: the work briefly considers the variety of baleen whales from the Late Miocene of the Caucasus (Eastern Paratethys), the finds of postcranial elements of small baleen whales from the Pervomayskii quarry (Derbent) are considered. The Derbent whale is largely different from the well -known birth of Cetotheriidae to the western part of the Eastern Paratethys. The fragmentation of the material from the Pervomayskii quarry does not allow comparing important signs of the peribular region of skull and the front of the skull of this whale with other genera of Cetoterium-like whales. This fact, in turn, determines the relevance of new expeditionary works and excavations in the Derbent area.

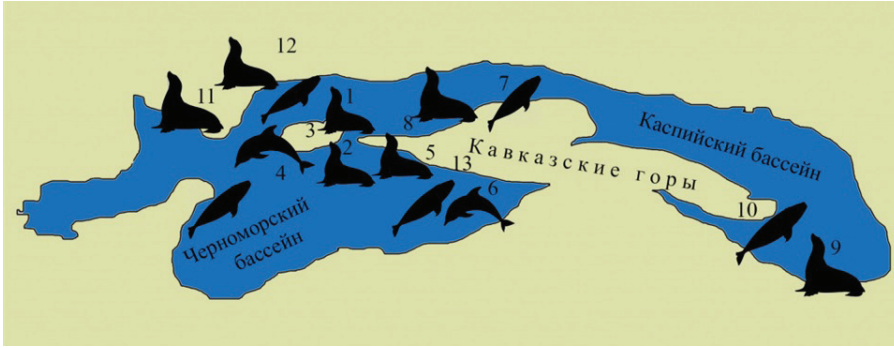
Ключевые слова: усатый кит, Cetotheriidae, поздний миоцен, Дербент, Восточный Паратетис.

Key words: baleen whale, Cetotheriidae, Late Miocene, Derbent, Eastern Paratethys.

Паратетис – большое мелководное внутреннее море, которое занимало большую часть материковой Европы и часть Западной Азии в середине и конце кайнозоя, с позднего палеогена до позднего неогена являясь крупнейшим внутренним морем в истории. Паратетис делился на три водоема: Западный, Центральный и Восточный Паратетис. Восточный Паратетис включал в себя Дакийскую впадину, краевой прогиб Южных Карпат и впадины Чёрного, Каспийского, и Аральского морей. В раннесарматское время Восточный Паратетис представлял собой два крупных водоема Эвкинский и Каспийский, которые соединялись широкими проливами.

Восточный Паратетис в позднем миоцене стал местом интенсивной диверсификации позднемиоценовых китообразных. Из этого региона были описаны по крайней мере четыре рода мелких цетотериевых усатых китов подсемейства цетотериин (Cetotheriinae): Cetotherium Brandt, 1843 из среднего сармата Республики Крым и Николаевской области [12, с. 145; 11, с. 65], Zygiocetus Tarasenko,2014 из среднего сармата Северо-западного Кавказа и Республики Крым [9, с.99–100;10, с.176] и Kurdalagonus Tarasenko et Lopatin, 2012 из верхнего сармата Северо-западного Кавказа [8, с.86], также Brandocetus Goldin et Startsev, 2014 из позднего миоцена Республики Крым [13, с.419]. Большая часть находок позднемиоценовых китов происходит из отложений, сформировавшихся в пределах южной окраины Скифского шельфа (Индоло- Кубанская депрессия); западного и юго-восточного побережий древнего Кавказского полуострова [2, с.101; 4, с. 86; 13]. Из среднего миоцена Восточного Паратетиса также известны Otradnocetus virodovi Mchedlidze, 1984 [3, с.10] и Cetotheriidae indet.. Все эти находки приурочены к Эвкинскому бассейну.

Палеонтологические данные из Каспийского бассейна (современный Прикаспий) отрывочны, многие находки не описаны, а известные отсюда китообразные требуют ревизии. Наиболее известное местонахождение этого региона – Эльдар, богатые сборы палеонтологического материала из которого были осуществлены М. В. Баярунасом в начале XX в. Именно отсюда в коллекциях ПИН РАН храниться еще не описанный

Наиболее известные местонахождения морских млекопитающих в миоцене Восточного Паратетиса: 1– Юркино; 2 –Приморское; 3 – Узунлар; 4 – Тарханкут; 5 – Фортепьянка 2; 6 – Полевое; 7 – Беспутка; 8 – Пеклы; 9 – Эльдар; 10 –Первомайский карьер; 11– Желтокаменка; 12 – Грицев; 13 – Майкоп-2.

целый скелет кита, представляющего большой интерес в решении проблемы систематики усатых китов Прикаспийского региона. Также известен многочисленный посткраниальный материал цетотериевых усатых китов из окрестностей Дербента (Первомайский карьер) [6, с. 148].

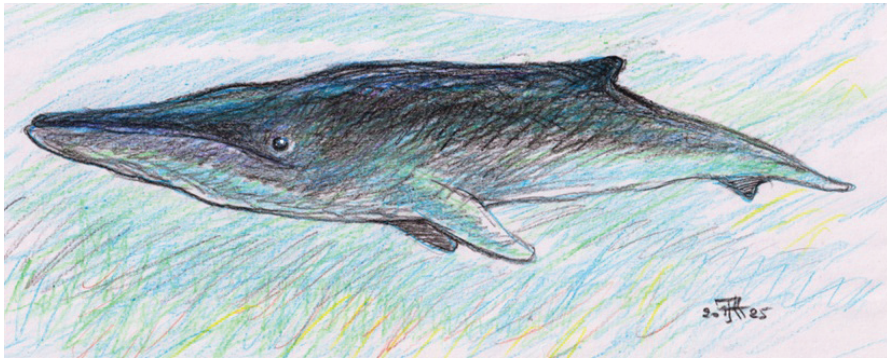
Первое сообщение о находках в Первомайском карьере было сделано в журнале «Природа» в1933 [5, с. 72], где П.И Спасский сообщал о первых находках костей китов летом 1928 г. и новых находках по мере разработки камня в карьере. Специфика работ на карьере, большая часть материала была обнаружена Спасским в блоках породы после взрывных работ [6, с.147], обусловила специфическую сохранность материала: кости в плотном известняке были расколоты или повреждены в той или иной мере. Тем не менее Спасский пишет о костях в сочленении, фрагментах черепов и отдельных разрозненных костях. Он упоминает о фрагментах семи скелетов: двух старых, двух взрослых и трех молодых особей [6, с. 148]. Часть находок из Первомайского карьера была передана в Палеонтологический институт АН СССР, часть в Музей естественной истории имени Гасан-бека Зардаби, также в Национальный музей Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи [7, с.65].

Все находки китов были описаны Спасским, как Cetotherium mayeri Brandt. В настоящее время становится понятно, что дербентский кит отличает строением мастоидного отростка и большей межскуловой шириной от представителей родов Brandocetus, Cetotherium и Kurdalagonus.

Реконструкция скелета дербентского цетотериевого кита в экспозиции Палеонтологического музея им. Ю.А. Орлова ПИН РАН, г. Москва

От Cetotherium и Kurdalagonus дербентский кит также отличается строением и формой височного окна. Присутствующий межтеменной шов на сохранившемся фрагменте черепа дербентского кита схож с таковым у Kurdalagonus и Zygiocetus и не характерен для Cetotherium. Богачев сомневался в количестве поясничных позвонков у дербентского кита [1, с. 64], но на реконструированном скелете в Палеонтологическом музее им. Ю. А. Орлова ПИН РАН можно идентифицировать 6–7 поясничных позвонков, у Cetotherium riabinini – 8 поясничных позвонков, у Zygiocetus nartorum – 5 поясничных позвонков, у Piscobalaena nana – 11, у Otradnocetus virodovi – 12., у C. riabinini – 17, у Z. nartorum – 12, у O. virodovi – 15. Хвостовой отдел кита в Музее естественной истории имени Гасан-бека Зардаби практически полностью реконструирован [1, с.65–66], на реконструированном скелете в Палеонтологическом музее им. Ю. А. Орлова ПИН РАН можно идентифицировать около 10–12 поясничных позвонков. У кита из Аргудана в хвостовом отделе – 11 позвонков, у C. riabinini – 17, у Z. nartorum – 12, у O. virodovi – 15. В целом позвонки дербентского кита значительно крупнее позвонков Brandocetus, Cetotherium и Kurdalagonus.

Реконструкция внешнего вида дербентского цетотериевого кита (рис. Тарасенко К.К.)

Фрагментарность черепного материала, отсутствие ушных костей из Первомайского карьера не позволяет сравнить важные признаки околоушной области и лицевой части черепа дербентского кита с другими родами цетотериевых китов, в том числе позднемиоценовыми Brandocetus, Cetotherium и Kurdalagonus. Дербентский кит является ключевым звеном в понимании эволюции позднемиоценовых усатых китов и эволюции китообразных Каспийского бассейна Восточного Паратетиса. Необходимость новых черепных материалов в свою очередь обуславливает актуальность проведения новых экспедиционных работ и раскопок в районе Дербента.

Список источников

1. Богачев В. В. Реставрация скелета цетотерия//Известия АН АзербССР.1940. № 3. С. 63–66.
2. Зеленков Н. В., Сыромятникова Е. В., Тарасенко К. К. и др. Юго-Восточная Европа как арена эволюции позвоночных в позднем миоцене//Палеонтологический журнал. 2022. № 2. С. 93–108.
3. Мчедлидзе Г. А. Ископаемый кит из миоценовых отложений окрестностей станицы Отрадная. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 63 с.
4. Мчедлидзе Г. А. Ископаемые китообразные Кавказа. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 126 с.
5. Спасский П. И. Местонахождение ископаемых китов около г. Дербент//Природа. 1933. № 11. С.
6. Спасский П. И. Находки костей верхнетретичных млекопитающих в окрест-

ностях Дербента//Известия Азербайджанского филиала АН СССР. 1939. № 1–2. С. 147–152.
7. Спасский П. И. Остатки цетотериев из Северного Кавказа (окрестности города Майкопа)//Изв. АН Азерб. ССР, 1951. № 2. С. 57–65.
8. Тарасенко К. К., Лопатин А. В. Новые роды усатых китов (Cetacea, Mammalia) измиоцена Северного Кавказа и Предкавказья. 1. Kurdalagonus gen. nov. (средний –поздний сармат, Адыгея)//Палеонтологический журнал. 2012. № 5. С. 86–98.
9. Тарасенко К. К. Новые роды усатых китов (Cetacea, Mammalia) из миоцена Северного Кавказа и Предкав-казья: 3. Zygiocetus gen. nov. (средний сармат, Адыгея)//Палеонтол. журн. 2014. No 5. С. 99–109.
10. Тарасенко К. К., Лопатин А. В., Старцев Д. Б. Первая на-ходка позднемиоценовых усатых китов Zygiocetus (Cetotheriidae, Mysticeti) в Крыму (местонахождение Мелек-Чесме, Керченский полуостров)//Докл. Акад. наук.2020. Т. 491. No 1. С. 176–179.
11. Гофштейн І. Д. Про пахіостоз у викопних китів//А. Н. Укр. Р. С. Р. Інститут геологічных наук. Г. І. в.2. 1948. С. 65–75.
12. Brandt J. F. De cetotherio, novo balaenarum familiae genre in Rossia meridionali ante aliquot annos effoso//Bull. Acad. Imp. Sci. St. Petersb. Cl. Phys.-Math. 1843. Ser. 2. T. 1. № 10–12. S. 145–148.
13. Gol'din P. E., Startsev D. B. Brandtocetus, a new genus of Baleen Whales (Cetacea, Cetotheriidae) from the Late Miocene of Crimea, Ukraine//J. Vertebr. Paleontol. 2014.V. 34. P. 419–433.
14. Popov S. V., Rögl F., Rozanov A. Y. (Eds.) Lithological-Pa-leogeographic maps of Paratethys: 10 Maps Late Eoceneto Pliocene//Cour. Forschungsinst. Senckenb. 2004.V. 250. P. 1–46.

МАХАЧКАЛА: ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ИЗ ОПЫТА МУЗЕЙНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ, АКТУАЛИЗАЦИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ НАСЛЕДИЯ

Н. Х. Дибирова
Музей истории города Махачкалы,
г. Махачкала

MAKHACHKALA: INSTRUCTIONS FOR USE FROM THE EXPERIENCE OF MUSEUM DESIGN, ACTUALIZATION AND PRESENTATION OF HERITAGE

N. H. Dibirova
Museum of the History of the City of Makhachkala,
Makhachkala

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы проектной деятельности Музея Махачкалы с 2017 по 2023 гг. На примере трех грантовых проектов (кейсов), раскрыты новые механизмы исследования и форматы предъявления культурно-исторического наследия города. Показан потенциал музея, как институции, способной вовлекать в свою орбиту местное сообщество и «новым языком» рассказывать о феноменах локальной идентичности.

Annotation: the article discusses the issues of the project activity of the Makhachkala Museum from 2017 to 2023. Using the example of three grant projects (cases), new research mechanisms and formats for presenting the cultural and historical heritage of the city are revealed. The potential of the museum as an institution capable of involving the local community in its orbit and telling about the phenomena of local identity in a «new language» is shown.

Ключевые слова: музей, проект, локальная идентичность, наследие, новый формат, потенциал.

Keywords: museum, project, local identity, heritage, new format, potential.

Музей истории города Махачкалы/Музей Махачкалы/открылся в 2007 г. к 150-летнему юбилею столицы. Вопреки традиционной музейной практике, на момент открытия в фондах музея не было ни одного предмета. За прошедшие годы сотрудники музея проделали большую ра-

«Махачкала в перечне» - первый аудиогид по городу, размещенный на платформе izi.travel, 2018 г.

боту по выявлению экспонатов и пополнению коллекций: живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, археологии, почтовой открытки, предметов быта горожан и др.

Сегодня в музейных фондах хранится самое большое собрание работ мастеров дагестанского изобразительного искусства и молодых художников по теме города в хронологии от 1950-х годов до настоящего времени.

С первых же дней в стратегии своего развития музей уделял большое внимание проектированию и участию в грантовых конкурсах. Он неоднократно становился победителем конкурса на грант Главы Республики Дагестан, грантового конкурса Союза музеев России и Благотворительного фонда Владимира Потанина.

В данной статье мы подробнее остановимся на нескольких музейных проектах, реализованных в рамках одного из самых престижных музейных грантовых конкурсов в стране, проводимых Фондом Потанина.

Первым большим успехом музея стал проект «Махачкала в перечне», победивший в 2017 г. в номинации «Страна-музей» программы «Музейный гид». В основу проектной идеи легло одноименное стихотворения известного дагестанского искусствоведа, педагога Сталины Андреевны Бачинской.

Изначально проект предполагал создание системы навигации/установку информационных модулей/по историческим памятникам и архитектурным доминантам города, перечисленным в этом стихотворении. Однако при погружении в проект, во время работы и обсуждения маршрута, стало ясно, что в стихотворении заложены более глубокие и ем-

кие метафоры, создающие смысловой каркас города. А для Махачкалы и ее горожан смысловая реконструкция всего городского пространства гораздо важнее визуализации отдельных его объектов, пусть даже утраченных. В настоящее время культурно-историческое наследие города находится под угрозой исчезновения. За тридцать последних лет население столицы увеличилось в 3 раза! Коренных махачкалинцев почти не осталось, а новые горожане буквально «стирают» старый город из исторической памяти.

Поэтому, на наш взгляд, по силе эмоционального воздействия, эффективнее было разместить в городской среде не просто информационные модули об утраченных архитектурных конструкциях, а арт-объекты о важнейших смысловых доминантах.

Таких объектов получилось шесть: парк, гора, город, море, ветер и музей – как главный хранитель городской памяти. Все модули объединены в маршрут, который дополнен первым в истории Махачкалы аудиогидом на платформе izi.TRAVEL.

На каждом модуле изображен QR-код со ссылкой на аудиогид, состоящий из текстов о городе, написанных специально для проекта известными дагестанскими журналистами. Хочется отметить, что это не сухие рассказы с датами и историческими справками, а скорее впечатления и воспоминания о городе, пропущенные через призму личностных переживаний, искренних чувств.

Маршрут визуально связывает в пространстве города один из старейших парков – «Вейнеровский сад» (ныне Парк культуры и отдыха им. Ленинского комсомола) и Музей Махачкалы, расположенный в относительно молодом микрорайоне.

Основная цель проекта – предъявление в новом формате исторического наследия города, как важного ресурса в формировании стратегии его дальнейшего развития.

Доступность аудиогида, размещённого на платформе izi.TRAVEL, предполагает, что можно самостоятельно пройти этим маршрутом и послушать статьи-рассказы, погрузиться в историю города, узнать про Дом-корабль, приютившийся на пересечении улиц им. У. Буйнакского и В. Эмирова, пройтись по лестнице старика Ивнинга, услышать запахи от тлеющих костров цыган, расположившихся на склоне Анжи-Арки.

Поскольку в основу музейного проекта легло стихотворение о Ма-

Выставка «Фрагмент занавеса №16», проходившая в Музее Махачкалы с 22.09 по 10.11 2020 г.

хачкале, это натолкнуло на мысль о собирании городского поэтического архива, в который вошли стихи о городе, написанные как профессионалами, так и любителями. За год поисков поэтических произведений набралось более 40. В ходе тщательного отбора и бурных споров мы остановились на семи. Именно они и были озвучены и записаны в видеоформате во время акции «Читай-Город». Стихи было предложено почитать представителям разных поколений и профессий. По замыслу художника, режиссера, сценариста и оператора в одном лице Мурада Халилова, съемки чтецов проводились сначала в помещении (спасибо за гостеприимство коллегам из Центра этнической культуры), а затем переместились на улицу, в городское пространство. В роли чтецов выступили: художник и поэт Юрий Августович, журналист Владимир Севриновский, «булгаковед» Муса Гаджиев и участники литературного клуба «Воскресные чтения».

Итогом съемок стал видеоролик «Махачкала в перечне. Читай-город», который можно посмотреть на музейном канале.

Следующая музейная победа случилась в мае 2019 г. Это был уже опыт музейно-театрального сотрудничества в лаборатории THEATRUM 2019 (совместный проект Фонда Потанина и фестиваля «Золотая маска»), проходившей в историко-культурном комплексе «Вятское» Ярославской области.

Главным героем музейного проекта «Фрагмент занавеса № 16» стал выдающийся дагестанский художник, сценограф, новатор Эдуард Моисеевич Путерброт. Важной составляющей проекта была экспериментальная образовательная лаборатория «Музей&Театр», участники которой (студенты художественных училищ и вузов Дагестана, драматурги, режиссеры, художники) вместе с приглашенными кураторами опробовали модель исследования и предъявления наследия на примере творчества Э. Путерброта. Вместе с участниками мы задавались вопросом: «Зачем сегодня нужен музей?», говорили о современном театре и работе с документом в перформативных практиках. Самым важным итогом этой встречи стало рождение новых проектных идей, которые обсуждались и презентовались на лаборатории. Они складывались из очень личных, порой трогательных переживаний участников, их собственных историй и неравнодушия к тому, что происходит в городе.

Параллельно в Музее Махачкалы проходила масштабная выставка театрального занавеса. Ее экспозицию составили театральные занавесы, задники, кулисы (в том числе единственный сохранившийся задник и четыре кулисы, расписанные самим Э. Путербротом в 1993 г.), предоставленные Музеем истории театров Дагестана и дагестанскими национальными театрами, в которых работал Эдуард Моисеевич.

Текстовой составляющей выставки стали фрагменты из неопубликованных дневников Э. Путерброта, которые являются драгоценным материалом для исследования творчества художника и театра.

Фигура Эдуарда Моисеевича Путерброта стала вдохновляющей для музейной команды потому, что его в полной мере можно назвать гением места. Он является представителем известной творческой династии, сыном известных и заслуженных родителей. Его отец Моисей (Вил) Зиновьевич Путерброт был прославленным директором Дагестанской государственной филармонии, мама – специальным корреспондентом ТАСС в Дагестане. Благодаря Путерброту-старшему в 60-е в Дагестан приезжали М. Ростропович, С. Рихтер, Оркестр Олега Лундстрема, М. Кри-

Презентация книги «Махачкала. Очерки по истории и культуре города. От первых археологических находок до начала XXI века» в Музее Махачкалы, 2023 г.

сталинская, Э. Пьеха, Э. Хиль. Радмила Караклаич – югославская звезда эстрады, необычайно популярная в СССР, назвала Моисея Зиновьевича «лучшим импресарио Советского Союза». Александра Терентьевна Путерброт еще в годы Великой Отечественной войны начала собирать материал о дагестанцах, участниках войны, вела переписку с их родными, разыскивала в госпиталях. Опубликовала множество книг, очерков, статей о дагестанцах – героях войны.

Сам Эдуард Моисеевич – выдающийся художник, сценограф (в учебниках по сценографии 70-х гг. как образец приводится эскиз его декорации к пьесе В. Шукшина «Энергичные люди»), культуролог, просветитель, основоположник дагестанского абстрактного искусства (причем без профессионального образования!). Он сотрудничал практически со всеми национальными театрами Дагестана, в разные годы работал главным художником Кумыкского музыкально-драматического театра, Русского драмтеатра, был членом СХ СССР. Неординарность фигуры Э. Путерброта проявилась и в его статьях об искусстве. Он впервые начал писать о закрытых и забытых темах в культуре Дагестана (о русском авангарде 20–30-х гг. в собрании дагестанского музея изобразительных искусств, о Халилбеке Мусаеве, Е. Лансере).

Исследование творческого наследия художника в рамках музейного

Участники арт-резиденции «Махачкала», июнь 2024 г.

Участники исследовательской лаборатории «Идентичность места: ресурсы и ценности», Музей Махачкалы, февраль 2025 г.

проекта и его актуализация, привели к тому, что нам удалось организовать две масштабные персональные выставки Э. Путерброта: первая выставка открылась 5 марта 2021 года в филиале Театрального музея им. А. А. Бахрушина, Доме-музее М. Н. Ермоловой в Москве. Вторая была представлена уже в Махачкале, на площадке музея города.

Если говорить о деятельности музея и его основных функциях, необходимо отметить, что музей – не должен замыкаться только на культурной повестке. Он представляет собой институцию, которая действует еще и в пространстве социальных задач, реагирует на «новые вызовы», предлагая актуальные форматы участия музея в их решении. Для Дагестана в настоящее время таким «вызовом» стал резко возросший туристический интерес к республике. В свете этого нового для республики и ее столицы явления, музей предложил на грантовый конкурс Фонда Потанина масштабный исследовательский проект «Махачкала: инструкция по применению», который и стал победителем конкурса «Музей 4.0».

Основная идея – выявить и визуализировать феномены городской культуры, представляющие ценность не только для местного сообщества, но и туристов. Посредством множества музейных сервисов, мы вместе с экспертами и участниками проекта изучали культурно-историческое наследие и пространство города и постарались ответить на вопрос: «Что посмотреть в Махачкале? Какой новый опыт пережить?»

Именно таким вопросом задается турист, выбирая для себя новую локацию. Но в случае с Махачкалой, к большому сожалению, в поисковике всплывает довольно скучный набор стереотипных «достопримечательностей», не хватает живых современных историй, событий, креативных пространств, способных подчеркнуть местный колорит, особую культуру. По данным минтуризма Дагестана, за прошлый год республику посетило более 1,5 млн. человек. Все они приезжают сначала в Махачкалу (аэропорт, ж/д вокзал), но здесь не задерживаются, а уезжают сразу в горные районы. Поскольку утвердился стереотип, что в Махачкале смотреть нечего.

Поэтому столица остается транзитным городом, а ее «места силы» отсутствуют на картах туристических маршрутов. Такая ситуация связана, на наш взгляд, еще и с тем, что для многих «махачкалинцев» город – «чужой»: численность населения Махачкалы за последние годы

стремительно выросла, но около 70% населения – это горожане в первом поколении, у которых нет воспоминаний о городе. Это во многом и определяет то, что Махачкала воспринимается только как точка на карте, а туристические потоки направляются в горы, родные аулы.

Музею же важно рассказать и показать «наш город» – разный, контрастный, живой, любимый. В своем проекте музей предлагает изучить и актуализировать феномены городской культуры, определяющие ценность места. А их, на самом деле, не так уж и мало: люди (Ф. Нансен, Е. Гвоздев, старик Ивнинг), географические локации (озеро Ак-Гель, гора Тарки-Тау, бархан Сары-Кум), дом-корабль, национальная кухня.

Все продукты, появившиеся в результате проекта, предлагают разную оптику на одну и ту же тему – тему локальной идентичности («махачкалинскости»), тем самым раскрывая ее с разных ракурсов: очерки – это научно-документальная база по городской истории и культуре, в которых представлена достоверная, научно-выверенная информация (локации, объекты, люди); арт-резиденция – интерпретация языком современного искусства ресурсных точек и мест силы; лаборатория/воркшоп – как точка сборки, которая объединяет все эти пласты исследования и предъявляет их в виде сборника идей, благодаря которым музей вовлекается в развитие туристического потенциала города; линейка сувенирной продукции – как завершающий этап исследования городской среды. Она не просто сопровождает проект, а сама по себе становится «инструкцией» – понятной, доступной, визуальной и ещё одним способом познакомиться с городом.

Сам же проект – это новая для музея модель работы с наследием и развитием потенциала места.

КОЛЛЕКЦИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, СОБРАННЫЕ ПО МАРШРУТУ «ЭКСПЕДИЦИИ 100»

Е. Ю. Гуляева
Российский этнографический музей,
г. Санкт-Петербург

THE COLLECTIONS OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY GATHERED ALONG THE ROUTE OF THE «EXTBITION 100»

E.Yu. Guliaeva
The Russian museum of Ethnography,
St. Peterburg

Аннотация: статья посвящена коллекциям Российского этнографического музея из Докузпаринского, Кулинского, Рутульского, Чародинского и Шамильского районов Дагестана. Основой исследования послужили архивные источники и учётные документы музея. В фокусе внимания – предметы и их собиратели: А. Л. Млокосевич, Е. М. Шиллинг, Л. Ф. Виноградова, Н. П. Соболева, А. Л. Натансон и Ф. А. Фиельструп. Представленная информация может быть полезна при изучении новых поступлений, приобретённых Национальным музеем Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи в ходе «Экспедиции 100» (2025). Показано, что коллекции из этих пяти районов являются результатом целенаправленной деятельности музейных этнографов. Автор подчёркивает значение систематических сборов для пополнения коллекций и сохранения этнографического наследия Дагестана.

Abstract: the article examines the collections of the Russian Museum of Ethnography originating from the Dokuzparinsky, Kulinsky, Rutulsky, Charodinsky, and Shamilsky districts of Dagestan. The research is based on archival sources and museum inventory records. The focus is on the objects and their collectors: A. L. Mlokosevich, E. M. Shilling, L. F. Vinogradova, N. P. Soboleva, A. L. Natanson, and F. A. Fielstrup. The information presented may be useful for studying new acquisitions obtained by the National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Takho-Godi during the

“Expedition 100” project (2025). It is shown that the collections from these five areas are the result of the purposeful activities of museum ethnographers. The author emphasizes the importance of systematic collections for replenishing collections and preserving the ethnographic heritage of Dagestan.

Ключевые слова: Российский этнографический музей, Экспедиция 100, Дагестан, этнографические коллекции, музейные экспедиции, собиратели.

Keywords: Russian Museum of Ethnography, Expedition 100, Dagestan, ethnographic collections, museum expeditions, collectors.

В рамках мероприятий, приуроченных к празднованию 100-летнего юбилея, Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи (далее – НМРД) провёл в июне–июле 2025 года «Экспедицию 100», в ходе которой были собраны значительные этнографические коллекции. Маршрут экспедиции определялся с учётом того, откуда ранее не поступали материалы в собрание НМРД. Работа велась в пяти районах Дагестана: Докузпаринском, Кулинском, Рутульском, Чародинском и Шамильском [1].

Цель данной статьи – охарактеризовать этнографические коллекции, поступившие из этих районов в собрание Российского этнографического музея (далее – РЭМ). Во-первых, это позволит в сопоставлении с РЭМ оценить, насколько уникальны сборы «Экспедиции 100» (будут рассмотрены поступления только из тех населенных пунктов, где побывали участники экспедиции этого года). Во-вторых, предоставит коллегам информацию об имеющихся в нашем музее источниках, которые могут быть полезны при изучении новых поступлений. Таким образом, внимание в статье сосредоточено на предметах и их собирателях. Основным материалом служат архивные источники и учётные документы РЭМ.

Чародинский район

Наиболее ранние поступления связаны с с. Магар, находящимся на территорией современного Чародинского района. В 1911 году глиняный светильник (РЭМ 2262–41) и два керамических сосуда «бардах», найденные при «случайных раскопках» (РЭМ 2262–38, РЭМ 2262–39), приобрела Анна Людвиговна Млокосевич (1884-1921) – первая женщина-

собиратель кавказских коллекций музея [2]. Анна была дочерью известного натуралиста и одного из первых исследователей природы Кавказа Людвига Францевича Млокосевича (1830–1909). Он и его дети активно работали в Дагестане по поручению различных организаций, собирая зоологические, энтомологические, ботанические, археологические и этнографические коллекции.

От Этнографического отдела Русского музея (ныне – РЭМ) Анна Людвиговна совершила пять поездок, все они начинались и заканчивались в Лагодехи. Наибольшее внимание в своих путешествиях она уделяла юго-западному Дагестану, однако в 1911 г. целью её экспедиции был Чох – селение центральной части горного Дагестана, куда она добиралась через территории современных Тляратинского, а затем Чародинского (только ущелье р. Тлейсерух) районов, откуда и привезла керамику. Возвращалась Млокосевич в Лагодехи через Гуниб и территорию современного Шамильского района, откуда, однако, поступлений не зафиксировано.

Следующее пополнение коллекции из Чародинского района связано с деятельностью известного кавказоведа Евгения Михайловича Шиллинга (1892–1953) [3]. В 1946 году он передал в музей 30 предметов, значительную часть которых составляли амулеты и атрибуты верований, собранные на территории Дагестана. Из с. Ириб поступили свернутые из веточек колечки, найденные Шиллингом у почитаемого камня (РЭМ 6507–4, РЭМ 6507–5).

Шамильский район

В эту же коллекцию входят собранные в с. Тидиб предметы, изготовленные из дерева «жогъло»: бусина-амулет, которую пришивали к одежде для защиты от сглаза; амулет в форме треугольника, который подвешивали на шею скоту или прикрепляли к глиняной маслобойке с той же целью; а также кусочек самого почитаемого дерева, хранившийся дома как приносящий благополучие (РЭМ 6507–1, РЭМ 6507–2, РЭМ 6507–3).

В селе Кахиб Евгений Михайлович собрал деревянную шумовку, очажную цепь и орнаментированную скалку-штамп, оставляющую на тесте рисунок (РЭМ 6507–7, РЭМ 6507–8, РЭМ 6507–9). Все три предмета имеют изображение креста, а в описи подчёркивается широ-

кое распространение аналогичных вещей в Аварии, Чечне и Ингушетии. Иными словами, Шиллинг целенаправленно искал предметы, в которых проявлялись элементы христианской символики. В целом, данная коллекция отражает систематическую собирательскую деятельность Евгения Михайловича, направленную на изучение и фиксацию предметов, связанных с местными верованиями.

Другим собирателем, работавшим на территории современного Шамильского района, была Людмила Филипповна Виноградова (1904–1985) [4]. Сотрудница отдела Кавказа Государственного музея этнографии (ныне – РЭМ) с 1930-х гг. специализировалась на этнографии осетин и народов Дагестана, куда дважды ездила в экспедиции во второй половине 1950-х годов. В первую поездку – в 1956 году – Виноградова направилась в Кахибский район (ныне – Шамильский), поскольку там, по её словам, «до сих пор сохраняется наиболее архаичная женская одежда и головные уборы, и, как потом оказалось, район богат мелкими ювелирными центрами – мастерами-одиночками» [5, с. 3].

В с. Кахиб Людмила Филипповна приобрела женский пояс (РЭМ 6914–20), аналогичный тому, что был получен НМРД в дар во время «Экспедиции 100». Кроме того, в собрание музея поступил серп (РЭМ 6914–21). В с. Тлях были приобретены изделия местных ювелиров: браслет, подвески, пришивавшиеся к воротнику, и бляха, нашивавшаяся на чепец чохто (РЭМ 6914–16/1,2; РЭМ 6914–17; РЭМ 6914–18). Сам головной убор местного типа Виноградова приобрела в с. Урада (РЭМ 6914–19). Размер его височных украшений указывает, что он предназначался для девочек-подростков или пожилых женщин, поскольку у девушек и женщин зрелого возраста эти элементы были крупнее. Материалы «Экспедиции 100» показывают, что подобные головные уборы отчасти продолжают бытовать и в настоящее время.

В с. Урада исследовательница также приобрела учалтан – предмет для хранения ложек, вилок и соли (РЭМ 6914–22). Это единственный деревянный экспонат РЭМ, собранный на территории Шамильского района. Во время поездки Виноградова сделала несколько снимков в Кахибском районе (РЭМ кол. № 8893).

Докузпаринский район

Единственный предмет из Докузпаринского района – ковер из с. Микрах современной работы, но с традиционными орнаментом и расцветкой (РЭМ 6915–2) тоже был приобретен Людмилой Филипповной в 1956 г. в Дербенте. В самом районе исследований никогда не проводилось.

Кулинский район

Единственным селением Кулинского района, где работали сотрудники музея, было Вихли. В 1962 г. туда направились Нина Петровна Соболева (1921–1995) и Ариадна Людвиговна Натансон (1928–2020). Нина Петровна, начавшая работать в музее в 1949 году, специализировалась на этнографии Грузии и Дагестана [6]. В 1960–1970-е годы она совершила пять экспедиций в Дагестан, в которых её, как правило, сопровождала специалист по этнографии армян Ариадна Людвиговна Натансон, пришедшая в музей в 1950-е годы [7].

В селе Вихли исследовательницы приобрели деревянную вилку (РЭМ 7425–21) и головной убор для грудного ребёнка (РЭМ 7425–37). Кроме того, в Вихли Соболева и Натансон собрали женский костюм (РЭМ 7425–33, РЭМ 7425–34, РЭМ 7425–35, РЭМ 7425–36), характерный для селений Вихли, Сукиях и Цыйша. Интересен комментарий в отчёте о поездке: «Женщины селения продолжают носить красивую национальную одежду. Это расценивается лакцами других селений как свидетельство отсталости: Вихли считается самым отсталым селением в районе. Однако именно женская одежда была причиной того, что мы так стремились попасть в этот труднодоступный горный край» [8, с. 5]. В этом контексте особое значение получает сбор материалов о традиционном костюме, проведённый во время «Экспедиции 100». В Вихли Ариадна Людвиговна и Нина Петровна сделали несколько фотографий (РЭМ кол. № 9175).

Рутульский район

Самые ранние поступления из Рутульского района относятся к 1933 г. У цахур и рутульцев побывал Фёдор Артурович Фиельструп (1889–1933) – этнограф, известный своими полевыми исследованиями в Южной Америке, Крыму и Средней Азии [9]. В 1920–1930-е гг. сотрудник Этнографического отдела Русского музея. Его последняя

экспедиция перед арестом была проведена в Дагестане, где он занимался изучением пастушества. Эту тематику отражают и собранные им вещи. В с. Рутул Фиельструп приобрёл пастушью сумку, верёвку с деревянным блоком (кольцом) и крюком, использовавшуюся при переноске сена в село, а также «вертушку» для скручивания верёвки или аркана (РЭМ 5600–22, РЭМ 5600–52, РЭМ 5600–56). В с. Шиназ он собрал ковровый станочек, применявшийся для обучения детей ковроткачеству в школе, и коврик, сотканный на таком станке (РЭМ 5600–59, РЭМ 5600–60).

В 1979 г. в Рутуле побывала уже упоминавшаяся Нина Петровна Соболева. Особое внимание заслуживает собранная ею местная керамика, изготовленная женщинами без гончарного круга (РЭМ 10059–8, РЭМ 10059–9, РЭМ 10059–10). Кроме того, Соболева приобрела гребень для расчесывания шерсти и различные предметы домашней утвари – деревянные ложки, рог и сковороду (РЭМ 10059–7, РЭМ 10059–11, 10059–12, РЭМ 10059–13, РЭМ 10059–14, РЭМ 10059–15). В селе Шиназ ею были куплены носки (РЭМ 10059–2/1,2; РЭМ 10059–3/1,2). В описи сообщается, что невеста одаривает носками родственников мужа, поэтому в деревнях их изготавливают в большом количестве. Во время свадебного кортежа пару носков вывешивали на палке около кабины шофёра, что связано с более ранним обычаем вешать носки на шею лошади, перевозящей невесту [10, с. 153]. В с. Шиназ и с. Рутул Нина Петровна сделала несколько фотографий (РЭМ кол. № 10092).

Последний предмет, о котором стоит упомянуть,– кувшин из села Лучек, подаренный музею в 1978 году Галиной Александровной Сергеевой – старшим научным сотрудником московской части Института этнографии АН СССР.

В заключение следует подчеркнуть, что вещи, собранные в пяти рассматриваемых районах, представляют собой результат исключительно экспедиционных сборов. В сравнении с другими поступлениями, приходишь к выводу, что от частных лиц в музей, как правило, попадают предметы из известных художественных центров – Кубачи, Балхара и Унцукуля. Иными словами, если бы не экспедиционная деятельность сотрудников музея и коллег этнографов, эти районы вовсе не были бы представлены в музейном собрании. Всё это подчёркивает исключительную значимость систематических экспедиций и планомерных сбо-

ров для пополнения музейных коллекций и сохранения этнографического наследия.

Список источников

1. Халимбекова М. Х. «Экспедиция 100»: о некоторых результатах полевых исследований Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи в 2025 г. //«Музей. Традиции, инновации, перспективы». Тахо-Годиевские чтения – 2025. (к 100-летию Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи). Махачкала: ИЦ «Мастер» (ИП Дидковская Н.В.), 2026. С. 42–55.
2. Гуляева Е. Ю. Млокосевич Анна Людвиговна//Сайт РЭМ. Ресурсы. Собиратели. URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/mlokosevich-anna-lyudvigovna/
3. Нератова Е. И. Шиллинг Евгений Михайлович//Сайт РЭМ. Ресурсы. Собиратели. URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/shilling-evgenij-mihajlovich/
4. Гуляева Е. Ю. Виноградова Людмила Филипповна//Сайт РЭМ. Ресурсы. Собиратели. URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/vinogradova-lyudmila-filippovna/
5. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1218. Виноградова Л. Ф. Отчет о командировке в Дагестан. 1956.
6. Гущян Л. С., Зельницкая Р. Ш. Соболева Нина Петровна//Сайт РЭМ. Ресурсы. Собиратели. URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/sobolevanina-petrovna/
7. Гуляева Е. Ю., Гущян Л. С. Натансон Ариадна Людвиговна //Сайт РЭМ. Ресурсы. Собиратели. URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/natanson-ariadna-lyudvigovna/
8. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д.1435. Натансон А. Л. Отчет о поездке в Дагестанскую АССР. 1962.
9. Попова Л. Ф. Фиельструп Федор Артурович//Сайт РЭМ. Ресурсы. Собиратели. URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/fielstrup-fedor-arturovich/
10. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1935. Соболева Н. П. Отчет о командировке в Дагестанскую АССР. 1979.

МУЗЕЙНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПАВЛОВ (1884–1931) В ПЯТИГОРСКЕ И МАХАЧКАЛЕ: НАХОДКИ, УТОЧНЕНИЯ, НЕПРОЯСНЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

С. Н. Савенко
Пятигорский краеведческий музей,
г. Пятигорск

DMITRY MIKHAILOVICH PAVLOV (1884–1931), A MUZEUM WORKER IN PYATIGORSK AND MAKHACHKALA: FINDINGS, CLARIFICATIONS, ANRESOLVED ISSUES

S. N. Savenko
Pyatigorsk Museum of Local Lore,
Py atigorsk

Аннотация: еще 30 лет назад мы почти ничего не знали о Дмитрии Михайловиче Павлове (1884–1931) – северокавказском ученом-кавказоведе, краеведе широкого профиля, организаторе науки и музейного дела, видном общественном деятеле в сфере сохранения культурного наследия, профессоре, имевшем персональное отношения к созданию и развитию ряда музейных учреждений в Пятигорске, Национального музея Республики Дагестан и еще нескольких музеев Северного Кавказа. Знания о нем – результат исследований ряда авторов Ставрополья и Дагестана последних десятилетий. Остается немало вопросов, касающиеся вех его биографии, особых деловых способностей, важного вклада в музейные собрания и т. д. Попытки восполнения этих пробелов и перспективные задачи дальнейших исследований представлены в данной статье.

Annotation: just 30 years ago, we knew almost nothing about Dmitry Mikhailovich Pavlov (1884–1931)– a North Caucasian scholar specializing in the Caucasus, a broad-based local historian, a scholar and museum organizer, a prominent public figure in the field of cultural heritage preservation, and a professor personally involved in the creation and development of several museum institutions in Pyatigorsk, the National Museum of the Republic of Dagestan, and several other museums in the North Caucasus. Knowledge

about it is the result of research by a number of authors in Stavropol and Dagestan in recent decades. Many questions remain regarding the milestones of his biography, special business abilities, important contributions to museum collections, etc. Attempts to fill these gaps and promising tasks for further research are presented in this article.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Пятигорск, Махачкала, музейное дело, Д. М. Павлов, незаурядная личность, творческий путь, уточнения.

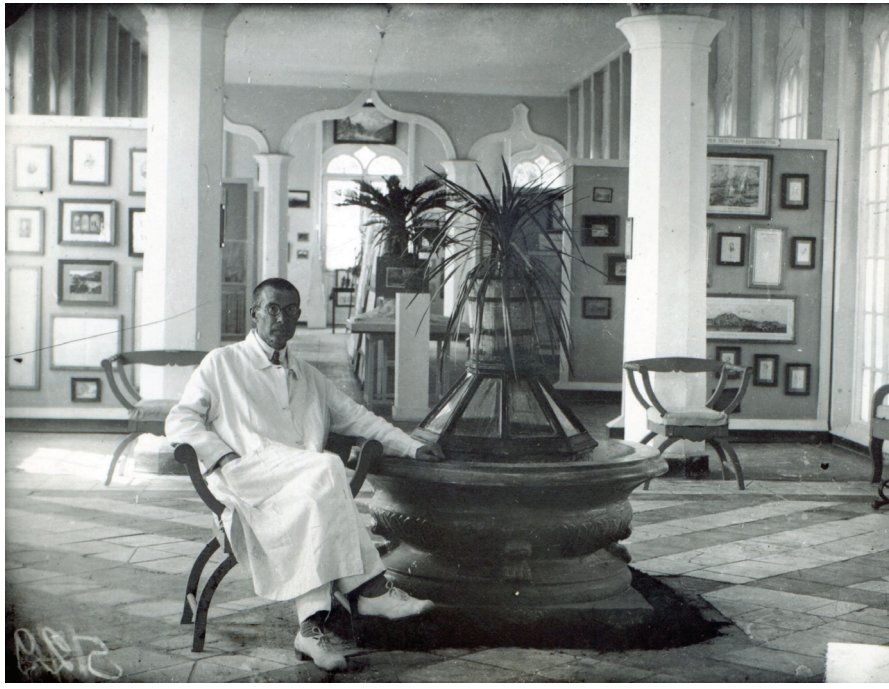
Keywords: North Caucasus, Pyatigorsk, Makhachkala, museum business, D. M. Pavlov, outstanding personality, creative path, clarifications.

Упоминание Дмитрия Михайловича Павлова (1884–1931) в статье более чем пятидесятилетней давности в региональной курортной газете "Кавказская здравница" как одного из основателей и попечителя музея "Домик М. Ю. Лермонтова" в Пятигорске [1] явилось редким исключением, хотя она касалась незаурядной личности нашего заслуженного соотечественника, надолго почти забытого после его трагической смерти в 1931 г. И только с 1991 г., когда в Пятигорский городской архив поступили для обработки документы по ранней советской истории музея М. Ю. Лермонтова, среди которых было немало материалов о Д. М. Павлове, и с 1992 г. – со времени проведения первой в истории Кавминвод конференции по вопросам археологии и краеведения региона на базе Кисловодского филиала Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г. К Праве, на которой прозвучал доклад известного краеведа А. Н. Коваленко о Дмитрии Михайловиче, как выдающемся краеведе Северного Кавказа [2], определилось начало постепенного открытия этой яркой и масштабной фигуры для широких кругов специалистов и заинтересованной общественности.

К настоящему времени накоплен достаточно большой объем публикаций, включая развернутые справки и очерки ряда историков северокавказского в Ставропольском крае (М. Е. Колесникова, А. Н. Коваленко, С. Н. Савенко и некоторые др.) и в Дагестане (Ю. М. Лысенко), материалы, посвященных личности этого ученого и музейного деятеля и приуроченного к его 120-летию Круглого стола (2004) и первого Кавминводского регионального музейно-научного семинара памяти краеведов – к 130-летию кавказоведа (2014), проведенных в Пятигорском

Д.М. Павлов в кругу семьи. Фото около 1900 г.

Д.М. Павлов в созданном им Курортном музее Кавминвод в г. Пятигорске. Фото 1926-1927 гг.

краеведческом музее, сюжетов при изложении страниц и этапов истории музея-заповедника М. Ю. Лермонтова и комментированный сборник избранных трудов самого Д. М. Павлова (2017). Казалось бы что столь обширный перечень работ должен бы был представить личность и творческий путь нашего замечательного земляка в достаточно полном виде. Однако, это не совсем так. И сегодня в наших представлениях о личности и многосторонней деятельности этого яркого представителя отечественной научно-музейной сферы первой трети XX столетия, имеющего персональное отношения к созданию и развитию ряда музейных учреждений в Пятигорске и основанию юбиляра – Национального музея Республики Дагестан в Махачкале, а также еще группы музеев в Кисловодске, Черкесске, Нальчике, Владикавказе, остается немало неясного и не известного.

На роль самой обстоятельной биографической работы претендует сегодня, опубликованная около 10 лет назад вводная статья С. В. Боглачева и И. В. Сафаровой «Дмитрий Михайлович Павлов – хранитель старины по призванию» в сборнике его избранных трудов 2017 г. [3]. В ней уже содержится ряд важных уточнений, но и она, конечно, не закрывает все вопросы, а некоторые трактовки в этой публикации также требуют корректировки.

Уже в дате рождения Д. М. Павлова существовали разночтения. Сегодня нам известно то, что родился он 25 октября по старому, или 7 ноября по новому стилю 1884 г. в г. Задонске Воронежской губернии. Но еще совсем еще недавно дату рождения Д. М. Павлова относили к 25 ноября даже в научных публикациях авторитетных авторов [4,5].

Неоднозначно трактовалось и происхождение Дмитрия Павлова. В более ранних публикациях указывалось, что отец его был отставным фельдфебелем, а мать дочерью сельского священника. Позднее духовная материнская линия не подвергалась сомнению. А вот отец Михаил Васильевич (1829–1908) С. В. Боглачевым и И. В. Сафаровой причисляется и к орловским купцам [6]. По фотоматериалам он действительно может соответствовать купцу, но происходить из орловских купцов он вряд ли мог, если его военная служба действительно имела место. Купцы и их дети были освобождены от рекрутской повинности еще в 1775 г. и могли служить в армии только в виде исключения. Поэтому по-прежнему предпочтительна более логично выстроенная и продвигаемая живыми потомками версия о мещанском происхождении рода Павловых по отцовской линии.

Данные о начальном и среднем образовании Дмитрия были ограничены. Имеется обнародованное мнение, что он обучался в духовном училище и семинарии, дававшей классическое образование. Однако этому может противоречить самая ранняя из известных фотографий Д. Павлова, датированная около 1900 г., где он явно одет не в духовную, а в гражданскую, вероятно, гимназическую учебную одежду. Думается, что дальнейшие болеет глубокие и разносторонние историко-биографические исследования могут привести существенным уточнениям биографических нюансов.

Важным для всей последующей судьбы Д. М. Павлова стало его обучение в Харьковском университете на историко-филологическом отделе-

нии. В этом вузе, помимо самого процесса обучения, действовало основанное еще в 1876 году ХИФО – Харьковское историко-филологическое общество, члены которого из числа историков, филологов, этнографов, а также представителей иных, в том числе естественных наук заботились о сохранении и изучении духовных и материальных памятников взаимодействовали с Археологическими обществами и съездами, проводили археологические экспедиции, выпускало свои периодические издания и т. п. [7].

С Кавказом Дмитрий Михайлович Павлов стал сближаться во время обучения на историко-филологическом факультете Харьковского Университета в 1907–1911 гг. С. В. Боглачев и И. В. Сафарова указывают, что впервые он на Кавминводах оказался летом 1908 г., т. е. после первого курса вуза, с лечебной целью и останавливался в Пятигорске. Можно полагать, что уже тогда любознательный студент мог ознакомится с музеем КГО, действовавшим во время курортного сезона в Елизаветинской галерее и часто посещаемой лечащимися и отдыхающими. На пока подтверждений это обстоятельства не выявлено. Затем он бывал в Пятигорске еще в 1911 и 1912 гг. В последний из этих приездов он даже участвовал в редактировании одной из местных газет. Но, самое главное, что ему довелось участвовать в торжественном открытии Кавказского Лермонтовского музея под эгидой КГО.

Следует иметь в виду и то, что Пятигорский краеведческий музей, в первые годы существования – Горный музей КГО, как и музей М. Ю. Лермонтова, возник в результат усилий членов Кавказского Горного общества Заведующими музейного собрания, по установленному положению, являлись заместители председателя правления КГО на общественных началах. Таковым в 1916 г. являлся и Д. М. Павлов. Он же был и одним из дарителей Музея КГО, начиная с конца досоветского периода его истории. Позднее Д. М. Павлов имел непосредственное отношение к судьбе бывшего Горного музея Кавказского горного общества и в ранний советский период [8]. Он участвовал в его структурных преобразованиях в конце 1920–1921 гг. Так, в октябре 1921 г. он, как представитель Тергубрабкрина, участвовал в детальной ревизии Музея на базе плохо подходящего для музейных целей флигеля на территории усадьбы Лермонтовского домика с целью наведения порядка, преодоления проблем, определения дальнейших перспектив. Вместе

с возглавлявшим Тергубмузей В. Р. Апухтиным (1874 – после 1928 г.) весной 1922 г. готовил и осуществлял преобразование ряда музейных собраний в Терский губернский музей местного края (с 01.08. 1922 г.) и затем – в 1924 г., в Терский окружной музей краеведения, активно сотрудничал затем с его заведующим с 1924 по 1931 гг. Н. М. Егоровым (1876–1965). Очевидно значительное участие Д. М. Павлова в пополнении коллекций Пятигорского краеведческого музея. Это отражено в ранних музейных книгах поступлений. Им передавались различные экспонаты, в том числе в 1926–1927 и 1929 гг. в качестве директора Дагестанского музея, например – художественный портрет графа Н. И. Евдокимова, выполненный музейным художником В. А. Тройницкой в мае 1929 г. в г. Махачкала [9] с оригинала русского художника А. М. Колчина (1835–1885) и другое.

История курортного музея, оформленного Д. М. Павловым в 1925–1926 гг., ведется обычно с первого природно-минералогического собрания музейного типа – «Бальнеологического консерваториума», созданного при Управлении Вод в 1847 г. В Бальнеологическом институте Д. М. Павлов стал трудиться в качестве научного сотрудника с июля 1920 г. Ему было поручено курирование музейного отдела. К числу наиболее важных заслуг Дмитрия Михайловича в музейной сфере обоснованно относится создание по его собственному проекту и плану структурно выделенного, продуманно организованного и в достаточной мере автономного по содержанию, целям и задачам деятельности музейного комплекса – Курортного музея Кавминвод или Курортной выставки [10]. История этого учреждения, надолго пережившего своего создателя и, к большому сожалению, фактически утраченного в 1990-е – начале 2000-х годов, заслуживает отдельного развернутого изложения. Но, обратившись к известной фотографии заведующего курортным музеем в его детище, можно понять сколько сил и трудов было вложено в этот музей заслуженным краеведом и музейщиком, и что он был в общем доволен результатами своего труда.

Но далеко не только в музейной области реализовалась многогранная личность Д. М. Павлова. Его масштабность раскрылась в ранний советский период. В ходе революции и гражданской войны Павлов стал на сторону советской власти. Перечни его производственных и общественных нагрузок уже не раз приводились исследователями его био-

графии, к трудам которых мы и адресуем читателя. Полной картиной мы также пока не обладаем, но и по тому, что известно перед нами предстает не только большое число различных организаций и структур, с которыми сотрудничал Д. М. Павлов в 1920-е гг., но и неимоверно широкая их география, удивляющая и восхищающая степенью деловой активности и мобильности этого человека несмотря на то, что в части организаций он, конечно, не являлся штатным сотрудником и часть этих структур существовала недолго и вскоре прекращала деятельность из-за отсутствие необходимых финансовых и организационных ресурсов. Задача построения как можно более полного и детального хронографа с указанием не только годов, но и дат этих деловых нагрузок ученого остается актуальной.

Следует подчеркнуть, что Д. М. Павлов, помимо истории, литературоведения и других направлений краеведческих знаний, основательно увлекался археологией, не исключено, что еще со студенческих лет, а затем на Кавминводах и в Дагестане. Это еще одна большая самостоятельная тема, по которой мне уже доводилось делать доклады и писать статьи на материалах Кавминвод. Но и в этой области имеется немалый простор для продолжения углубленных разработок.

Особой, и также пока мало раскрытой темой является характеристика личных качеств характера и близкого окружения Д. М. Павлова. Многие проясненные и известные на сегодняшний день сведения свидетельствуют, о теплом, и душевном отношении Дмитрия Михайловича к родителям, братьям и сестрам. Однако сам он никогда не был женат и не имел собственных детей. Вероятно, что объяснения кроются в том, что он полностью отдавал себя любимому делу и общественным нагрузкам, которыми был постоянно озабочен и загружен. Поэтому наиболее близкими к нему были коллеги и друзья в общих делах, среди которых были: Евгений Андреевич Ларин (1858–1928) и инженер-химик Эрнест Эрнестович Карстенс (1876–1944), Леонид Петрович Семенов (1886–1959) и многие другие. Нужно обязательно сказать, что близким человеком для Дмитрия Михайловича был и крупный государственный и общественный деятель «Страны Гор» Алибек Алибекович Тахо-Годи (1892–1937), имя которого заслуженно носит Национальный Музей, т. к. именно он сыграл определяющую роль в организации и обеспечении позитивного развития этого учреждения и вовлек в это непростое

дело Павлова, а также существенно повлиял на развитие музейного дела во всем Дагестане [11].

В Санкт-Петербургском Филиале архива Российской Академии наук хранится собственноручная анкета Д. М. Павлова, датированная 8 января 1927 г. и принятая в архив 21.01. того же года. Она была направлена в Комиссию по составлению справочника «Наука и научные работники в пределах СССР» и пока не вводилась в научный оборот.

Из анкеты мы узнаем ряд важных и отчасти малоизвестных фактов и известий. Так, подтверждается факт его рождения 25 октября, а не ноября 1884 г. Указывается то, что он, на тот момент был исполняющим дела директора Музея в Махачкале, в которой и проживал по улице Инженерной № 45 (ГСП № 209). Он определял свою научную степень как кандидат исторических наук (!), что пока не указывал не один из его биографов. Сфера научный интересов определялась как: история, этнография и музейное дело, а область исследований – кавказоведение. В перечне учреждений и организаций, с которыми он сотрудничал с указанием должностей, перечислены: Музей Кавказских Минеральных вод (заведующий); Дагестанский научно-исследовательский институт (директор); Дагестанская научная библиотека (исполняющий дела директора); Бюро Северокавказских горских краеведческих организаций (ученый секретарь).

В карточках приводится перечень научных работ, подготовленных и опубликованных Д. М. Павловым на начало января 1927 г., которые он указывал со степенью их готовности. В нем присутствуют те работы ученого, о которых ранее биографам и библиографам не было известно, хотя сам этот список не является полным даже на начало 1927 года.

По устной информации исследователя из г. Минска А. Н. Максимчика, в том же Архиве РАН, в фонде академика востоковеда И. А. Орбели (1887–1961) имеется, как минимум, одно письмо от Д. М. Павлова, которое может дополнить известные нам данные об ученом. И вообще, эпистолярное наследие Дмитрия Михайловича пока остается почти не исследованным и только лишь затронуто [12]. В диссертации П. С. Павлинова указывается, что Д. М. Павлов был достаточно тесно связан с Е. Е. Лансере (1875–1935), поддерживал проект издания его альбома «Поездка в Центральный Дагестан– зарисовки и заметки»

по итогам дагестанской экспедиции 1925 г., который, к сожалению, так и не вышел в свет в связи со смертью Д. М. Павлова. Но ранее Дмитрий Михайлович находился в активной переписке с художником [13]. Так, что имеется еще одна необнародованная пока серия писем, которая способна пролить свет на обстоятельства последних лет, а может быть и последних месяцев в жизни Д. М. Павлова.

Жизнь Дмитрия Михайловича оборвалась в достаточно еще молодом возрасте неполных 47 лет. Он стал одной из многочисленных жертв репрессий, обрушившихся на интеллигенцию с дореволюционными корнями и на краеведов раннего советского периода, которые были особенно активными во взаимодействии с разумной и позитивно деловой частью новой советской элиты, которая понимала актуальные задачи и чаяния тружеников в бескорыстной тогда и мало финансируемой сфере культуры, образования и науки. Причины и обстоятельства ареста Д. М. Павлова весной 1931 г. до сих пор однозначно не установлены. Нет даже однозначной уверенности, где состоялся сам арест: в Махачкале или в Пятигорске.

Считается, что в 1929 г. (в какое время года также не установлено) Д. М. Павлов уволился с должности директора Дагестанского музея. Он вновь, в основном обитал в Пятигорске в доме № 22 (кв.7) по ул. Красноармейской. Имеется упоминание, что он в это время основал еще один музей – Курортный лесной, а также стал им заведовать. В июне 1930 г. он был избран членом Северо-Кавказского бюро краеведения (Ростов-на-Дону) от Бальнеологического института в г. Пятигорске [14]. Примечательно содержание заметки о Д. М. Павлове в записной книжке Е. Е. Лансере. В выписке из нее после фамилии Павлов указан крест, который ставится обычно для умерших людей. Потом идет сокращенные имя – отчество «Дм. Мих.», за ним непонятное сокращение и затем фраза: «Даг. Музей, Пятигорск, Академическая (б. Елизаветинская) галерея. Пятигорск. Курортный музей, Советская 123 (?)». И вся эта запись датирована: 28/V.29 – XI 1930 [15].

Высказано несколько версий на счет причин ареста, среди которых выделяются связь музейщика и общественного деятеля с заведующей Главмузеем страны Н. И. Седовой – супругой Л. В. Троцкого и, найденные у него письма от некоторых зарубежных коллег. Не исключено, могли сыграть роль и какие-то другие, неизвестные нам пока обстоятельства.

У нас нет данных о реабилитации Д. М. Павлова. По крайней мере, они не обнародованы. Вероятно, никто пока не занимался этим вопросом. А это можно было бы сделать и сейчас и, в первую очередь, его ныне живущими родственниками по линии братьев, в частности, Геннадия Михайловича. Его сын – Геннадий Геннадьевич Павлов и его дочь, внучатая племянница Дмитрия Михайловича – Мария Геннадьевна Павлова (оба столичные ученые и практики в области медицины), уже много сделали для того, чтобы конкретизировать знания об ученом и членах его семьи.

Наш общий долг, как потомков и последователей состоит в том, чтобы постоянно предпринимать усилия для этого и двигаться вперед в осознании реальных научных, социально-культурных, педагогически-воспитательных и иных наработок и достижений Дмитрия Михайловича, аргументированно обосновывать и подтверждать их.

Список источников

1. Сафаров С., и Павловой Н. Дело их жизни//Кавказская здравница. 1972. 25.06.
2. Коваленко А. Н. Д. М. Павлов – выдающийся краевед Северного Кавказа//Археология и краеведение Кавминвод (материалы 1-й региональной конференции). Сборник тезисов докладов и статей (под ред. С. Н. Савенко). – Кисловодск: КФ СГОКМ, КНИФСЦ, ККО, 1992. С. 37–39.
3. Павлов Д. М. Избранные труды/Сост. и авт. вст. ст. С. В. Боглачев, И. В. Сафарова. – Пятигорск: СНЕГ, 2017. С. 5–13.
4. Колесникова М. Е. Павлов Дмитрий Михайлович – выдающийся краевед Северного Кавказа//Актуальные вопросы курортной науки: прошлое, настоящее и будущее. Юбилейная научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 150-летию основания Русского Бальнеологического общества в Пятигорске. 17–18.10. 2013 г. – Пятигорск: ФГБУ ПГНИИК ФМБА России, 2013. С. 202.
5. Лысенко Ю. О Дмитрии Михайловиче замолвите слово…//Мавраев. Культурно-исторический журнал. 2014. № 1 (2). С. 33.
6. Павлов Д. М. Избранные труды… С. 5.
7. Фрадкин В.З. Харьковское историко-филологическое общество (1877–1919 гг.)//История и историки: историографический ежегодник. 1979/отв. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука. 1982. С. 223–248.
8. Савенко С. Н. Д. М. Павлов и Пятигорский краеведческий музей//Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти крае-

ведов: сборник материалов/под редакцией кандидата исторических наук С. Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Ставролит, 2015. С. 38–43.
9. Акимченко Г. Ю., Савенко С. Н. Копия портрета Н. И. Евдокимова в собрании Пятигорского краеведческого музея//Первый Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов: сборник материалов/под редакцией кандидата исторических наук С. Н. Савенко. – Ставрополь: ПКМ, Ставролит, 2015. С. 141–142.
10. Коваленко А. Н. Музей "Курортная выставка" (К 135-летию основания)//Ставропольский хронограф на 2000 год. Краеведческий сборник. – Ставрополь: СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2000. С. 180–181.
11. Сайдулаев Ш. А. Роль Алибека Алибековича Тахо-Годи в развитии музейного дела в Дагестане//Мировая наука. 2024. № 4 (85). С. 154–157.
12. Савенко С. Н. Вопросы развития музейного дела и охраны культурного наследия в переписке Г. Н. Прозрителева с Д. М. Павловым и другими кавминводскими археологами-краеведами//Прозрителевские чтения. Выпуск 1. Сборник научно-практической конференции. – Ставрополь: СГКМ, 2005. С. 109–114.
13. Павлинов П. С. Е. Е. Лансере на Кавказе: опыт реконструкции жизни и творчества. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Т. I. – М.: ФГБ научно-исследовательское учреждение "Государственный институт искусствознания", 2018. С. 173.
14. Петерсон Э. Первая Северо-Кавказская краевая конференция по краеведению//Северо-Кавказский краевед. Краеведный журнал СККБК. № 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во "Северный Кавказ", 1930. С. 29.
15. Служа Отечеству. Материалы к "круглому столу", посвященному 120-летию Д. М. Павлова. – Пятигорск: ПКМ, 2004. С. 25.

Список сокращений:

КГО – Кавказское Горное общество в Пятигорске (г. Пятигорск).

ККО – Кисловодское краеведческое общество (г. Кисловодск).

КНИФСЦ – Кавминводский научно-исследовательский филиал Ставропольского центра "Великий Шелковый путь" (г. Кисловодск).

КФ СГОКМ – Кисловодский филиал Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (г. Кисловодск).

ПКМ – Пятигорский краеведческий музей (г. Пятигорск).

ФГБУ ПГНИИК ФМБА России – Федеральное государственное бюджетное учреждение Пятигорский государственный научно-исследовательский институт курортологии Федерального медико-биологического агентства Рос-

сии (г. Пятигорск).

СГКМ – Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (г. Ставрополь).

СККБК – Северо-Кавказское краевое бюро краеведения (г. Ростов-на-Дону).

ОПЫТ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ»: ТРАНСЛЯЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В РАМКАХ ЭКСКУРСИОННОЙ ПРАКТИКИ НА РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕКТАХ

Р. Р. Идрисова
Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», г. Казань

EXPERIENCE OF THE KAZAN KREMLIN MUSEUM-RESERVE: BROADCASTING THE HISTORICAL AND CULTURAL COMPONENT WITHIN THE FRAMEWORK OF EXCURSION PRACTICE AT RELIGIOUS OBJECTS

R. R. Idrisova
State Historical, Architectural and Artistic Institute Museum-Reserve «Kazan Kremlin», Kazan

Аннотация: в статье рассматривается специфика представления религиозных архитектурных памятников в Республике Татарстан как объектов экскурсионного показа. Регион обладает большой ресурсной базой историко-культурных памятников, среди которых значительная часть – это религиозные объекты, доступные для туристического посещения. На территории Татарстана находится четыре объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО, включающие исламские и христианские памятники. Уникальность региона выражается в поликонфессиональности, что накладывает отпечаток и на экскурсионные практики.

Abstract: the article addresses peculiarities of presenting religious architectural monuments in the Republic of Tatarstan as subjects for guided tours. The region possesses an extensive resource base of historical and cultural monuments, a significant proportion of which are religious sites accessible for tourist visitation. The territory of Tatarstan encompasses four UNESCO World Heritage sites, which include both Islamic and Christian monuments. The region's uniqueness is characterized by its multi-confessional nature, which also leaves its imprint on guided tour practices.

Ключевые слова: музей, туризм, экскурсия, Казанский Кремль,

ЮНЕСКО, экскурсионная деятельность, экскурсовод, аккредитация, мечеть, собор.

Keywords: museum, tourism, guided tour, Kazan Kremlin, UNESCO, guided tour activities, tour guide, accreditation, mosque, cathedral.

Республика Татарстан на протяжении последних двух десятилетий удерживает позиции региона, привлекательного для туристического посещения. Согласно статистическим данным, в 2024 г. республику посетило 4,4 млн. человек [4, с. 4] По объему туристического потока Татарстан является регионом-лидером по Приволжскому федеральному округу, а также занимает 7-е место в общероссийском рейтинге, уступая Москве, Московской области, Санкт-Петербургу, Ленинградской области, Краснодарскому краю и Крыму [2]. В Татарстане активно развивают самые разные направления туризма: культурно-исторический, экологический, гастрономический, деловой, религиозный, событийный, лечебно-оздоровительный, спортивный и др.

Одним из приоритетных направлений остается историко-культурный туризм. Основными туристическими центрами являются столица республики Казань, города Елабуга, Чистополь, Тетюши, а также такие объекты как Великий Болгар (Спасский район) и Остров-град Свияжск (Зеленодольский район). Республика Татарстан – единственный регион Российской Федерации, где располагаются четыре объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО: историко-архитектурный комплекс Казанский Кремль (2000), Болгарский историко-археологический комплекс (2014), Успенский собор и монастырь острова-града Свияжск (2017), Астрономические обсерватории Казанского Федерального университета (2023) [9]. На трех объектах находятся религиозные памятники: соборы, мечети, монастыри. Комплексы «Казанский Кремль» и «Болгар» музеефицированы и являются частью музеев-заповедников. В Свияжске в 2009 г. также создан Музей-заповедник «Остров-град Свияжск». По статистическим данным туристический поток в 2024 г. составил в Казанский Кремль – 4,5 млн. человек, на Остров-град Свияжск – 1,7 млн. человек, Великий Болгар – более 900 тыс. человек [4, с. 5].

Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль» создан 22 января 1994 г. в соответствие с Указом Президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева. В том же году была принята научная концепция сохранения, реставрации и ис-

пользования ансамбля Казанского Кремля [1, с. 9–20]. Из религиозных объектов к 1994 году на территории Казанского Кремля сохранился только Благовещенский собор, который является самой древней каменной постройкой в Казани. Храм основан 4 октября 1552 г., каменное здание возведено в 1562 г. К моменту создания музея-заповедника здание собора занимал Центральный государственный архив ТАССР.

13 ноября 1995 г. вышел Указ Президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева, согласно которому необходимо было освободить здание Благовещенского собора и передать его в ведение музея-заповедника для последующей музеефикации и реставрации. В этом же Указе были прописаны строки, которые в настоящее время высечены на памятном камне около мечети Кул Шариф: «В целях сохранения исторической преемственности воссоздать здание мечети Кул Шариф…» [1, с. 26]. Таким образом, в Татарстане был заложен основной вектор отношения к вопросам сохранения и реставрации памятников разных культур и разных конфессий. Яркими примерами данного подхода являются реализация комплексного проекта «Культурное наследие – Остров-град Свияжск и древний Болгар» в 2010–2015 гг. [8]. и создание Болгарской исламской академии и воссоздание Собора Казанской иконы Божьей Матери [11].

В год празднования 1000-летия г. Казани мечеть Кул Шариф и Благовещенский собор были открыты для верующих и туристов. И вновь в 2005 г. это был единый Указ Президента РТ «Об открытии мечети Кул Шариф и Благовещенского собора в Казанском Кремле». Уже в период проведения реставрационных и строительных работ по территории Казанского Кремля стали проводить экскурсии. В Казани начинает активизироваться экскурсионная деятельность; экскурсоводы, которые работали в советское время, возвращаются во вновь возрождающуюся туристическую отрасль.

Экскурсии по Казанскому Кремлю начали водить еще во второй половине XIX века, в советское время он также активно посещался туристами. Однако в начале XXI века это был уже другой объект, который требовал новых методических и научных подходов к проведению экскурсии. В рамках утвержденной Концепции 1995 года, были организованы крупномасштабные археологические исследования, которые значительно расширили научные знания, особенно по эпохе Волжской Булгарии и Казанского ханства. Благодаря проведенным реставрацион-

ным и строительным работам были открыты новые объекты для посещения.

К началу XXI столетия Казанский Кремль представлял собой хорошо сохранившуюся средневековую крепость на высоком холме в месте слияния рек Волги и Казанки общей площадью чуть более 13 га. Фортификационный комплекс состоит из 8 башен и стен (прясел), периметр которых составляет 1800 метров. Казанский Кремль остается административным центром: на его территории размещается Резиденция Раиса (Главы) Республики Татарстан. Сегодня музей-заповедник – это не только территория, но и целый комплекс музеев и выставочных залов. В структуру музея-заповедника входят: Центр «Эрмитаж-Казань» (2005), Музей истории государственности татарского народа и РТ (2006), Музей исламской культуры (2006), Музей естественности истории Татарстана (2008), Выставочный зал «Манеж» (2009), Музей Пушечного двора (2013), Музей истории Благовещенского собора (2014), Выставочные залы Присутственных мест (2021), Музей Спасской башни (2023). Кроме того, на территории Казанского Кремля находятся Музей-мемориал Великой Отечественной войны (филиал Национального музея РТ) и Художественная галерея «Хазине» (филиал Государственного музея изобразительных искусств РТ).

Одной из уникальных особенностей объекта является то, что на его небольшой территории располагаются мечеть Кул Шариф и Благовещенский собор. Это отмечалось и при обосновании выдающейся универсальной ценности Казанского Кремля как объекта Всемирного наследия. Казанский Кремль представляет собой феномен взаимодействия и взаимовлияния татарской и русской культуры, архитектурных стилей в ключевых памятниках (башня Сююмбике, Благовещенский собор, Спасская башня и др.) и неповторимого архитектурно-художественного и ландшафтного облика. Кроме того, это духовный центр для тюрко-татарского мира и в то же время символ баланса восточной и западной культур, мусульманской и православной конфессий, яркий образец толерантности, взаимодействия и взаимообмена ценностями, порожденными разными культурами [3, с. 19].

Традиционно в экскурсионной практике при представлении крепостных сооружений основной акцент делается на архитектурные особенности, историю формирования комплекса, а также важные исторические события. В Казанском Кремле экскурсант в ходе экскурсии, которая про-

должается полтора часа, посещает мечеть и православный храм и через них знакомится с татарской и русской культурой, со спецификой их распространения и сосуществования в регионе.

Мечеть Кул Шариф и Благовещенский собор являются действующими религиозными объектами. В мечети ежедневно проходит намаз, кроме того, с 2015 года в холе мечети организовано круглосуточное чтение Корана. Праздничные богослужения организуются на Курбан байрам и Ураза байрам. Эти праздники официально являются выходными днями в Республике Татарстан. В Благовещенском соборе ежедневно проходят службы, а также торжественные праздничные богослужения на Рождество и Пасху. Возрождена традиция крестных ходов. Дважды в год – 21 июля и 4 ноября – проходят крестные ходы с Казанской иконой Божьей Матери. И, тем не менее, эти объекты интегрированы в музейно-экскурсионную практику. И в мечети, и в соборе функционируют профильные музеи. В мечети Кул Шариф уже на стадии проектирования были предусмотрены специальные туристические балконы, с которых можно ознакомиться с устройством мечети, не мешая верующим. График работы объектов постоянно корректируется, исходя из активности туристического потока: в дни массового посещения объекты работают с 8.00 до 20.00.

Таким образом, перед экскурсоводом стоит сложная задача не только рассказать про Казанский Кремль, историю и культуру региона, но и познакомить с двумя мировыми религиями: христианством и исламом. При этом необходимо отразить региональную специфику, показать опыт мирного сосуществования двух конфессий в современных исторических реалиях. Сложность заключается в том, что экскурсовод как личность изначально является носителем определенных культурных, национальных, религиозных традиций.

По официальным данным на начало 2025 г. население Татарстана составляло 4 019 606 человек [10]. Это один из самых многонациональных российских регионов, в котором проживают представители более 173 национальностей. При этом татары составляют 53,2%, русские – 39,7%. [Национальный] По религиозному принципу соответственно значительная часть татарского населения идентифицируют себя как мусульмане, русские традиционно считаются представителями православного вероисповедания. Все это накладывает отпечаток и на экскурсионные практики. При организации туристического посещения, необходимо также

учитывать, из какого региона прибыли туристы. Наибольший турпоток отмечается из Москвы и Санкт-Петербурга, а также близлежащих регионов, – таких как, Нижегородская, Свердловская, Самарская, Ульяновская, Оренбургская области, республик Марий Эл, Башкортостан, Чувашия, Удмуртия и др. [2]. Летом часть экскурсантов составляют туристы, путешествующие по Волге на теплоходах. Значительная часть туристов, прибывая в Казань, не имеют опыта посещения мусульманских религиозных объектов, и знакомство с мечетью Кул Шариф становится первым опытом соприкосновения с исламом.

Несмотря на развитие технологий (аудиогиды, виртуальные экскурсии, мобильные приложения и т. д.), экскурсии, в сопровождении экскурсовода, остаются одной из наиболее востребованных и популярных услуг. В 2024 г. в музее-заповеднике было организовано 42 136 экскурсии, из них 38 841 по территории Казанского Кремля. Общее количество экскурсантов составило более 570 000 человек [7]. При этом значительная доля, 28 486 экскурсии, организованы и проведены аккредитованными экскурсоводами и туристическими фирмами. Учитывая значительный туристический поток, музей-заповедник еще в начале 2000-х гг. ввел аккредитации экскурсоводов по территории Казанского Кремля. В настоящее время более 500 человек аккредитованы по Казанскому Кремлю и имеют право водить экскурсии. Разработана система подготовки и проверки знаний. Лекционные занятия обязательно включают материалы по основам православия и ислама, архитектурных особенностях памятников; практические занятия проходят с обязательным выходом на объекты показа. При этом очень важно: если экскурсовод является носителем тех или иных религиозных традиций, – чтоб он не уходил в «миссионерскую» деятельность. Обязательным является соблюдение правил посещения, которое включает уважительное отношение к верующим, соответствующий внешний вид. Поэтому во входных зонах организована выдача платков и накидок. Пословица «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят» в полной мере отражает требования и к экскурсоводу, и к экскурсантам, которые посещают религиозные объекты.

Однако при проведении экскурсий в Татарстане, и особенно по Казанскому Кремлю, цель экскурсии и ее задачи более глобальные, чем просто рассказать историю, привить нормы и правила посещения, соблюсти внешние атрибуты. Одной из задач является выстраивание меж-

культурной коммуникации и межконфессионального диалога. Татарстан с его многонациональным составом является ярким примером успешной национальной политики на протяжении десятилетий.

С одной стороны, необычное, нестандартное вызывает интерес и желание узнать о нем больше; с другой стороны, учитывая развивающуюся исламофобию, у туристов есть определенный страх и непонимание. Поэтому во время экскурсии очень важно показать, что христианство и ислам – это авраамические религии и имеют очень много общего. Для многих туристов из российских регионов ислам раскрывается с новой стороны. Становится откровением, что в Библии и Коране много одинаковых сюжетов. Возможность побывать и православном храме, и в мечети за короткий промежуток времени становится необычном опытом. Исследователи религиозного туризма отмечают, что он становится «отправной точкой, для которого служит интерес к представителям иных конфессий, их духовным и художественным ценностям, традициям и обычаям. Возникая на основе подлинного интереса к представителям иных социокультурных общностей, религиозный туризм способствующего развитию веротерпимости, толерантности, подлинному взаимопониманию и взаимообогащению различных культур» [5]. Вопросы, связанные с национальной политикой в Российской Федерации, все чаще становятся объектами дискуссии и интереса со стороны государственных структур. Развитие внутреннего туризма, когда граждане страны будут знакомиться с культурами разных народов, в том числе и посредством религиозного туризма, будет способствовать формированию межнационального и межрелигиозного согласия.

Список источников

1. 15 лет пути: сборник материалов и документов (1994–2009). Отчет о деятельности Музея-заповедника «Казанский Кремль» за 2008 год. – Казань, 2009. – 131 с.
2. В Татарстане растет туристический поток//Министерство экономики Республики Татарстан: официальный сайт. – Казань. – URL: https://mert.tatarstan.ru/index.htm/news.
3. Валеев Р. М. Выдающаяся универсальная ценность Казанского Кремля как объекта Всемирного наследия//Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 1. – С. 18–23.

4. Итоги работы Государственного комитета Республики Татарстан по туризму за 2024 год//Государственный комитет Республики Татарстана по туризму: официальный сайт. – Казань. URL: https://tourism.tatarstan.ru/documents.
5. Лысак И. В., Рыбкина Ю. А. Религиозный туризм как фактор межконфессионального диалога в XXI веке//Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 12 [Электронный ресурс]. URL: https://human.snauka.ru.
6. Национальный состав Республики Татарстан//Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан: официальный сайт. – Казань. https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Национальный – URL
7. Отчёты о деятельности Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Казанский Кремль//Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»: официальный сайт. – Казань. – https://kazan-kremlin.ru/otchety-o-deyatelnosti.
8. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 9 декабря 2010 г. N 1018«Об утверждении комплексного проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар» на 2010–2015 годы»//Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Москва. – URL: https://docs.cntd.ru/document.
9. Российские объекты из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО//Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО: официальный сайт. – Москва. – URL: https://unesco.ru/unescorussia/sites.
10. Статистический бюллетень «Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан» на начало 2025 года//Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан: официальный сайт. – Казань. – URL: https://16.rosstat.gov.ru/naselenie (дата обращения: 30.10.2025).
11. Указ Президента Республики Татарстан «О создании Болгарской исламской академии и воссоздании Собора Казанской иконы Божьей Матери»//Официальный Портал правовой информации Республики Татарстан. – Казань. – URL: https://pravo.tatarstan.ru/president/ukaz.

ДАГЕСТАНСКИЙ КУСТАРНЫЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ И. С. КОСТЕМЕРЕВСКОГО КАК ЧАСТЬ ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX в.

З. Д. Тикаева
Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, г. Махачкала

DAGESTAN HANDICRAFT MUSEUM NAMED AFTER I. S. KOSTEMEREVSKY AS PART OF THE PHENOMENON OF THE CULTURAL LIFE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURY

Z. D. Tikaeva
National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Takho-Godi, Makhachkala

Аннотация: автор в статье раскрывает историю создания Кустарного музея Дагестана им. И. С. Костемеревского и анализирует его деятельность, рассматривая его как музей новой формации, имевший распространение в Российской империи в конце XIX- в начале XX в. Кустарный музей им. И. С. Костемеревского был явлением в жизни дагестанского общества в начале XX в. Он стал не только первым музейным учреждением в этом крае, открытым в 1913 г., но и центром по поддержке народных промыслов Дагестана.

Abstract: in the article, the author reveals the history of the creation of the I. S. Kostemerevsky Handicraft Museum of Dagestan and analyzes its activities, considering it as a museum of a new formation that was widespread in the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. The I. S. Kostemerevsky Handicraft Museum was a phenomenon in the life of Dagestan society in the early 20th century. It became not only the first museum institution in our region, opened in 1913, but also a center for the support of folk crafts of Dagestan.

Ключевые слова: Кустарный музей им. И. С. Костемеревского, Дагестан, народные художественные промыслы, Национальный музей РД им. А. Тахо-Годи, кустарное производство.

Keywords: I. S. Kostemerevsky Handicraft Museum, Dagestan, folk art crafts, National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Takhogodi, handicraft production.

Кустарные музеи функционировали в Российской империи в конце XIX – начале XX в., их появление в конце XIX в. стало своего рода культурным и общественным феноменом своего времени. Кустарный музей им. И. С. Костемеревского в Дагестане стал частью этого феномена. Это был первый музей в Дагестанской области, созданный в 1913 г. в г. Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск), его коллекции в 1923–1925 гг. составили основу собрания Национального музея РД им. А. Тахо-Годи, крупнейшего и старейшего музейного объединения Дагестана, и Северного Кавказа, который в 2025 г. празднует 100-летие своей деятельности.

В музееведении тема кустарного музея еще недостаточна исследована, хотя в последнее время в нашей стране в связи с повышением интереса к национальной культуре вышел ряд статей – Мамонтовой Н. Н., Карташовой М. В., Рычковой Е. А. и др. [10, 7, 12], а также работы дагестанских авторов Егоровой В. П., Нагиевой М. К., Иниевой З. Д., Гаджиева М. С., Эльдарова Э. М. и других [5, 11, 14, 6], раскрывающих деятельность этих музеев, но в их работах не рассматривались музеи как часть общего нового культурного явления страны того периода.

Первые попытки изучения музея такого типа в России предпринимались еще в 1920–30-е гг., когда функции кустарных музеев существенно пересматривались, и ставился вопрос о новой миссии музеев – сохранение культурного наследия и его популяризация, а также пропаганда соц. идеологии, усилении их методической роли [12, с. 273]. Следующее обращение к этой теме происходит в 1970-е гг. когда у общества снова возник интерес к народным художественным промыслам.

Появление в Российской империи кустарных музеев было вызвано необходимостью экономического развития общества. Кустарные музеи стали в России специфическим вариантом художественно-промышленного музея в Европе, в котором помимо других предметов представлялись образцы кустарного производства. Чисто кустарные

музеи в европейских столицах в конце XIX века отсутствовали, а в России этот вид музеев появляется в конце XIX века и набирает свою силу в последние годы существования империи [9, с. 100].

В это время в России происходит необычайно интенсивный экономический подъем. Товары кустарного производства вытеснялись фабричными товарами, что приводило к упадку кустарных промыслов, так как экономика страны оставалась аграрно-индустриальной, и сохраняла пережитки крепостничества. Кустарные музеи создавались по всей стране, как центры для поддержки кустарного производства, где должны были сосредотачиваться изделия народных промыслов для их изучения, сохранения и оказания помощи местным мастерам в их популяризации и реализации. Первые Кустарные музеи в Российской империи были открыты в 1880-х гг. в Москве и в Санкт-Петербурге. Созданный в Санкт-Петербурге кустарный музей Комиссией по исследованию кустарной промышленности в России при Министерстве финансов должен был стать центральным кустарным музеем [7, с. 18]. В Соляном городке для его размещения было передано в музее несколько залов.

Однако образцом формирования в России музеев нового типа стал организованный московским губернским земством в 1885 г. Торгово-промышленный музей кустарных изделий [10]. Благодаря инициативам и практической деятельности разработчика основ кустарного музея С. Т. Морозова, русского предпринимателя и мецената, задачи и принципы деятельности московского музея стали общими для местных, губернских и уездных кустарных музеев.

Исследователем М. В. Карташовой были названы следующие группы кустарных музеев в России – центральный, земские, музеи комитетов и обществ, частные музеи [7, с. 18].

Кустарный музей им. И. С. Костемеревского – ярчайший пример того, как общероссийская культурная и экономическая инициатива была адаптирована к уникальным условиям многонационального региона. Конец XIX – начало XX в. для Дагестана стало временем постепенного втягивания его в русло экономического и культурного развития России, а, следовательно, все те же процессы происходили и в Дагестане.

О необходимости открытия музея в своем завещании, обнародованном в газете «Врач» 19 января 1891 г. первым высказался Иван Семенович Костемеревский (1813–1891) – известный в Дагестане врач, писатель, просветитель и благотворитель, пожертвовавший «на поддержку

кустарных производств в Дагестане, посредством образования музея» 2779 руб. [14, с. 20].

Однако только по прошествии около 20 лет, уже в начале XX века, в Дагестане был открыт кустарный музей, так как деньги были положены на банковский депозитный счет военного губернатора Дагестанской области в Темир-Хан-Шуринском уездном казначействе, а затем оказались причислены к специальным средствам Министерства земледелия и государственных имуществ [8, с. 380].

По инициативе Евгения Ивановича Козубского, известного ученого и педагога, который был назначен секретарем организуемого Дагестанского областного статистического комитета, образование областного музея обсуждалось в начале 1900 г. на первых его заседаниях – 18 января и 2 июня, посвященных еще только организации комитета, где говорилось о важности для сохранения кустарных промыслов в экономической жизни населения [5, с. 130–131]. Е. И. Козубским была подготовлена даже план-программа обустройства будущего музея, в которой он делит все предметы по качеству материала на 13 отделов с указанием конкретных изделий, производимых в определенном месте: материалы: шерсть, глина; орудия производства: рисунки, планы, фотографии и т. п. [5, с. 131].

Когда в начале XX в. несколько меняется ситуация с кустарными музеями, акцент в формировании кустарных музеев смещался со столицы на провинции. На I съезде деятелей по кустарной промышленности в 1902 г. обсуждались цели функционирования музеев и их роли в кустарной деятельности и высказывались идеи о необходимости создавать музеи по местам кустарных промыслов [7, с. 19]. С начала деятельности в 1901 г. Кавказского кустарного комитета им был подготовлен и проведен I съезд деятелей кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе, на котором была поднята тема создания в Дагестане кустарного музея. Вопрос о важности музеев в экономике и культуре Кавказского края был рассмотрен делегатами съезда уже в первых докладах. В своем докладе «Очерк кустарной промышленности в Дагестанской области» Е. И. Козубский, как уже начавший заниматься созданием музея при Дагестанском статистическом комитете, презентовал проект создания кустарного музея [5, с. 132].

Музей представлялся Е. И. Козубскому в следующем виде: здесь «сосредотачиваются коллекции приборов и снарядов, употребляемых ку-

старями в области, приборов и снарядов улучшенных, распространение которых желательно, сырых материалов и изделий кустарей» [5, с. 132]. Е. И. Козубский предложил объединить музей и торговый склад в один Кустарный музей, который должен был состоять из этих двух отделов. Им были определены функции каждого из этих отделов. В функции торгового склада должны были входить сбыт кустарных изделий, хранение доставленных кустарями их изделий, взаимодействие с покупателями, изыскание новых рынков и т. п.

На съезде идея создания музеев на Кавказе была хорошо воспринята. С 1903 г. по постановлению Кавказского кустарного комитета его председатель и уполномоченный министра земледелия и государственных имуществ на Кавказе Я. С. Медведев несколько раз обращался в отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Российской империи с прошением о необходимости предоставления средств капитала Костемеревского, достигшего суммы в 4439 руб. 50 коп., в распоряжение комитета на нужды кустарной промышленности Дагестанской области согласно воле завещателя [1, с. 27–29]. Но они остались без удовлетворения.

Только после того как наверняка с подачи Е. И. Козубского С. Вольский, военный губернатор Дагестанской области, разъяснил ситуацию с допущенной неточностью в прочтении завещания И. С. Костемеревского, касаемо организации музея, на высшем уровне от главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина до Совета министров и императора, вопрос о музее был поднят на специально созванном заседании Дагестанского областного присутствия 29 октября 1910 г. [2, л. 4.]. По предложению военного губернатора музей размещался в его доме в отдельном помещении с 4-мя комнатами и коридором, сохранившемся и сегодня в г. Буйнакске.

На следующем заседании 18 ноября комитетом было принято несколько важных постановлений. Было решено ходатайствовать о присвоении музею имени И. С. Костемеревского, а также рассмотрев смету З. А. Темирханова на ремонт помещения для музея, комитет утвердил сумму в 972 руб. 43 коп. на работы по реконструкции губернаторского дома [5, с. 137]. Делопроизводство по комитету и по организации музея до его открытия и приглашения хранителя было возложено на Е. И. Козубского.

Сбор коллекции музея осуществлялся не с только на весьма ограни-

ченные средства бюджета, сколько на частные пожертвования. Приглашения к пожертвованиям на музей Е. И. Козубским несколько раз направлялись населению Дагестана. Первым среди жертвователей был сам губернатор С. В. Вольский. От губернатора музей получил ковер и ковровый рисунок в красках. Музей в феврале – мае 1911 г. налаживает связи с различными предприятиями и конторами, могущими быть полезными для пополнения коллекции музея и для мастеров кустарей. Е. И. Козубский обращается с письмами по поводу продукции и услуг в комиссионную контору А. П. Вальгардта в Темир-Хан-Шуре; в Торговый дом «Фридрих Байер и Ко», в одно из крупнейших химических предприятий Москвы начала XX в. по производству синтетических красителей; а также в мастерскую «Kunst und gewerbe» в Сараево.

К другим мероприятиям, имевшим большое значение для пополнения коллекции музея, можно отнести первую выставку животноводства, сельского хозяйства и местных кустарных производств, проходившую с 20 апреля по 1 мая 1912 г. в г. Темир-Хан-Шуре [13, с. 30].

После смерти Е. И. Козубского в сентябре 1911 г. на его должность хранителя музея на очередном заседании комитета 31 января 1912 г. был приглашен Ю. А. Роменский. Открытие и освящение Дагестанского областного кустарного музея имени И. С. Костемеревского военным губернатором области произошло 6 мая 1913 г. [1, с. 172–173], на которое были приглашены официальные лица области – А. С. Кривенко, Д. Т. Дадашкелиани, А. П. Каффка, В. С. Сергиенко, Ф. А. Янкелович, З. А. Темирханов, В. А. Вартанянц, П. Г. Эмиров и др.

Музей был открыт для посетителей только по воскресным дням с 12 до 2-х часов дня. Посещение было бесплатным, однако пускали в музей посетителей по мере формирования группы. Музей посещался населением охотно. В музее имелось 17 отделов, среди них: отдел шали, материи, пряжи, станков, отдел ковровых изделий, бурок, обуви, курпей (овчина ягненка) и сафьянов, деревянных изделий, гончарных и металлических изделий, отдел оружия, ювелирных изделий и т. д.

Ко дню открытия в музее числилось до 300 предметов, стоимость которых исчисляли в 2000 руб., не считая документов и фотографий [1, с. 176–177]. Коллекция музея пополнялась и после его открытия. Вскоре к 1915 г. также был издан каталог музея в количестве 300 экз., разосланный начальникам округов и полицмейстерам Дагестанской области, а также жертвователям музея. Пополнение коллекций музеем планиро-

валось совершать и в будущем на имеющиеся средства и по необходимости, и в зависимости от экономической и художественной ценности того или другого изделия. Попечителями музея были промышленник Курахмаев, Абдурахим Талибов, научным сотрудником музея был поляк Поторжак, автор книги «Один год Дагестанскому музею», которая вышла в 1913 г. в типографии Михайлова с иллюстрациями Абуладзе.

Сведения о деятельности кустарного музея обрываются в архивах документами 1915 г. И лишь в одном из документов Дагестанского архива говорится о просьбе некоего В. С. Каменского хранителю музея Ю. Роменскому о высылке ему каталога, отмечается, что положительный ответ на просьбу был отправлен 4 января 1916 г. [3, л. 12–13].

В 1918 г. дагестанский музей был разграблен и закрыт. Благодаря сотрудникам удалось сберечь порядка четырехсот экспонатов, среди которых были очень редкие документы. Сохранившиеся предметы были перенесены в новое помещение, когда в Темир-Хан-Шуре был налажен аппарат советской власти. В дальнейшем его коллекции, уцелевшие после революционных событий, легли в основу собрания нового Дагестанского музея. После революционных событий 1917 г. кустарные музеи по всей России прекращают свою деятельность.

Итак, значимой частью происходивших в России в конце XIX – начале XX в., экономических и культурных преобразований становятся кустарные музеи, активно включавшиеся в жизнь общества, игравшие активную роль в развитии и совершенствовании кустарного производства. Музеи этого типа находились в постоянном контакте с промыслами, с мастерами, становились для них специализированным посредником на рынке и одновременно центром художественно-ремесленного обучения. В это время в стране действовала большая сеть кустарных музеев.

Кустарный музей им. Костемеревского несмотря на свое недолгое существование имел важное значение для развития кустарного производства, а также для общественно-политической и культурной жизни дореволюционного Дагестана.

Список источников

1. Становление музейного дела в Дагестане. Архивные документы и материалы (К 95-летию музея в Дагестане)/Сост. и автор комментария Доного Х.-М. – Махачкала: АЛЕФ, 2020. –696 с.

2. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 53. Л. 4.
3. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 4. Д. 113. ЛЛ. 12, 13.
4. Гаджиев М. С., Мугадова М. В., Эльдаров Э. М. Развитие краеведения и музейного дела в Дагестане: очерк истории. Наследие веков, № 1, 2020. С. 13–29//http://www.heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/291 (дата обращения 15.08.2025 г.).
5. Егорова В. П. Педагогическая и административная служба Е. И. Козубского в Дагестане (1888–1911 гг.). Махачкала: Издательство ДГУ, 2012. –155 с.
6. Гаджиев М. С., Мугадова М. В., Эльдаров Э. М. Развитие краеведения и музейного дела в Дагестане: очерк истории.//Наследие веков. 2018. № 1/: [Электронный ресурс]. – URL: https://www.heritage-magazine.com/(дата обращения 19.05.2024 г.).
7. Карташова М. В. Кустарные музеи Российской империи в конце XIX – начале XX в//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 18–26.
8. Козубский Е. И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909 г. С. 380.
9. Магомедов А.Дж. А. С. Пиралов как исследователь и организатор художественных промыслов и ремесел Кавказа//Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН № 24. 2020. С. 100. С. 99–102.
10. Мамонтова Н. Н. Сергей Тимофеевич Морозов и московский кустарный музей//Морозовские чтения, 1996. Часть 18.//https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya96/19.html).
11. Нагиева М. К. К вопросу о возникновении и развитии музейного дела в Дагестане в конце XIX – первой половине XX вв.//Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 41–45.
12. Рычкова Е. А. Кустарный музей как актуальная форма музейной деятельности во второй половине XIX – первой трети XX в. (на примере Московского Кустарного музея)//Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 273–278.
13. Салихова Л. Б. Общественная жизнь в городах Дагестанской области (вторая половина XIX – начало XX в.)//Известия СОИГСИ. 2016. № 22 (61). С. 23–35.
14. Тикаева-Иниева З. Д. От И. С. Костемеревского до наших дней: история одного музея (К 100-летию Национального музея Дагестана им. А. Тахо-Годи). – Махачкала: Издательский центр «Мастер», 2024 г. –184 с.

УСИШИНСКАЯ ВЫШИВКА – УНИКАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

З. Г. Мирзаева
Акушинский историко-краеведческий музей
Филиал Национального музея Республики Дагестан
им. А. Тахо-Годи, с. Акуша

USYSHINSKY EMBROIDERY IS A UNIQUE FOLK ART

Z. G. Mirzaeva
The Akushinsky museum of Local Lore
A branch of the National Museum of the Republic of
Dagestan named A. Takho-Godi, Akusha

Аннотация: в статье рассказывается о предметах уникального народного промысла Дагестана, хранящихся в фондах Национального музея РД им. А. Тахо-Годи – даргинской шелковой вышивке, распространенной в Акушинском районе – т. н. усишинской вышивке. Вышивки шелком по белым хлопчатобумажным покрывалам выделяются среди других даргинских вышивок своим необычным геометрическим цветным орнаментом. Предпочтение в них отдаётся чёрному, красному, зелёному, цветам. Покрывала носили сакральный характер, использовались в свадебных и похоронных ритуалах и недостаточно изучены на сегодняшний день.

Abstract: the article describes the objects of the unique folk art of Dagestan, stored in the collections of the National Museum of Dagestan named A. Takho-Godi – Darginsky silk embroidery, widespread in the Akushinsky district – the so-called. Usishinsky embroidery. Silk embroidery on white cotton bedspreads stands out among other Darginian embroideries with their unusual geometric colored ornaments. Preference in them is given to black, red, green, colors. The veils were of a sacred nature, used in wedding and funeral rituals.

Ключевые слова: усишинская шелковая вышивка, Дагестан, народные художественные промыслы, Национальный музей РД им. А. Тахо-Годи, традиционные обряды.

Keywords: usyshinsky silk embroidery, Dagestan, folk art crafts, National

Museum of the Republic of Dagestan named A. Takho-Godi, traditional rituals.

В Национальном музее Республики Дагестан им. А Тахо-Годи хранятся образцы даргинской шелковой цветной вышивки, отличающейся своим геометрическим узором. Это так называемая усишинская вышивка, имевшая распространение с давних времен в Акушинском районе Дагестана. Название вышивке было дано по наименованию одного из населенных пунктов Акушинского района – Усиша, крупного даргинского селения, расположенного в 7 км от районного центра селения Акуша. Шелковая вышивка имела распространение не только в этом селе, а также в с. Зильмук, образовавшегося как отсёлок от с. Усиша в 3-х км от него, защищавшее земельные владения усишинцев от соседей. Эти села славятся своей богатой историей и культурой. Одним из очень интересных аспектов истории и культуры этих сел являются уникальные, не имеющие аналогов в мире своеобразные вышивки.

Изделия с усишинской вышивкой разделяют на две группы: «БелкIун кIапIи» («вышитый платок» – дарг.) – крупные прямоугольные полотнища, головные покрывала размером 2 мх2 м или 1 мх3 м.

Основой усишинской вышивки, как правило, является белая хлопчатобумажная ткань. Об усишинских вышивках-покрывалах в дагестанской искусствоведческой и этнографической литературе не сказано почти ничего. Усишинская вышивка этнографами и искусствоведами недостаточно исследована. Точное время появления традиции установить невозможно. Вышивки как предметы материальной культуры стали изучаться сравнительно недавно, после того как о них вкратце написал дагестанский этнограф Габиб Исмаилов [3].

Рождение ребенка, свадьба, смерть -это три самых главных событий в жизни человека, не обходившиеся без применения покрывал с этой вышивкой. Именно ритуальным назначением, вероятно, объясняется архаичность рисунков и символов, изображенных на вышивках, идущие из далекого прошлого, еще с доисламских времен: солярные (солнечные) знаки, символы вечности и плодородия, стилизованные изображения животных, антропоморфные изображения, знаки огня, кресты и др. Что интересно, эти же изображения встречаются в петрографике, на надмогильных стелах, в женских татуировках, на резных деревянных предметах домашней утвари, в ковровых рисунках. Значение всех сим-

волов на вышивках до сих пор полностью не разгадано.

Идея и стилистика усишинских вышивок, как показали исследования, теснейшим образом связаны с «народной религией» т. е. местным язычеством и христианскими верованиями и уходят своими корнями в глубокую древность, когда люди впервые начали изображать символы Бога, защиты, удачи, славы, жертвы, предков на своих одеяниях из шкур диких животных. Исследователь даргинской культуры, кандидат филологических наук, З. Магомедова подчёркивает: «Наличие в орнаменте вышивок астральной символики, совмещённой с символикой аграрной, содержит в себе общие для даргинцев данного региона специфические взгляды на окружающий мир и выражает волнующие их мысли о мироздании» [5].

Многие орнаменты усишинских вышивок повторяют мотивы традиционной даргинской резьбы по камню.

Усишинские вышивки выделяются среди других даргинских вышивок своим необычным, большей частью, геометрическим орнаментом. В них также обнаруживаются антропоморфные, зооморфные образы и иные мотивы, зафиксированные учёными в других даргинских вышивках – гапшиминских, тантинских и сюргинских [6]. Излюбленными элементами узора усишинских мастериц являются ломаные, зигзагообразные или прямые линии, образующие крестообразные, меандровые и свастические композиции, кресты разных конфигураций, геометрические фигуры – треугольники, квадраты, прямоугольники, круги, эллипсы, а также сложные формы, полученные из комбинаций простых фигур.

Крест, имеющий многогранное значение: победу жизни над смертью, надежду на воскресение, служащий защитным амулетом и напоминанием о вере. В древних культурах крест символизировал союз неба и земли, единство противоположностей, солнце, свет и жизнь, преграду и отвращение зла.

Свастика – в разных культурах и во все времена имела позитивный смысл, за исключением использования ее нацистами в идеологии фашистской Германии. Слово «свастика» означает «благоденствие» или «благополучие», символизируя солнце, удачу, процветание, вечность. Она ассоциировалась с движением солнца по небу, символизируя жизненную силу и энергию.

Солнце, солярный знак – истина, энергия, жизнь.

Дерево, древо жизни – символ взаимосвязи всего в мире, признак долгой жизни и благосостояния.

Звезды – знак небесного огня, разума и просветительских мыслей. Как правило, имеют треугольные или ровные лучи.

Круги – обереги, символ плодородия, материнства, изобилия, знак женского начала в природе.

Треугольник – символ человека, особенно если сопровождается небольшими точечками или кружками со стороны вершины, признак единства трех составляющих человека, а именно тело, разум и его душу. Для женщин треугольник имеет значение символа трех циклов жизни, среди которых девичество, материнство и старость. Что касается мужчин, то их тройное значение несколько иное: мудрость, сила, красота.

Символ перевернутого треугольника означает женское начало, воду, природу и материнскую силу, а также противопоставляется мужскому принципу (вершиной вверх).

Квадрат символизировал поле, а крест внутри – обработанную землю.

Волнистая линия – волны, вода, мировой океан, символизируют начало жизни, спокойствие, благополучие, здоровье.

Птицы: (журавль или лебедь) – спокойствие и долголетие.

Животные могут символизировать разные качества-мужество и силу, ум, доблесть, защиту. Например, всадники на вышивках могут быть конной стражей, охраняющей границы общественных земель от набегов (по мнению профессора М. М. Агларова) [1].

Для создания усишинских вышитых изделий использовалось грубое белёное хлопчатобумажное полотно, а также яркие шёлковые и хлопчатобумажные нити, окрашенные натуральными красителями. Их особенностью является яркая полихромная вышивка. Предпочтение в ней отдаётся чёрному, красному, зелёному и редко – розовому цвету. Цветовая гамма интересна, большей частью нитки окрашивались натуральными красителями (мареной, индиго, кошенилью, красного, зелёного, жёлтого, розового цветов. Вариации оттенков используются в меньшей степени привозные шелковые нити окрашивались грецким орехом, корой различных деревьев и др., что придавало вышивкам очень мягкую расцветку, максимально близкую к цветам природы. Плотность вышивки невысокая, выполняется гладью.

Усишинская вышивка имела ритуальное значение. По словам усиши-

нок, белый цвет полотна символизирует чистоту и непорочность. Иные цвета для основы не использовались. Эти покрывала принимали участие в двух важнейших моментах жизненного цикла усишинских женщин: в свадебном и погребальном обрядах. Они были частью традиционного костюма невесты. Считалось, что сакральное покрывало должно было защитить невесту от сглаза и чёрной магии. Покрывало, сложенное по диагонали, накидывали на девушку при переходе из дома родителей в дом жениха, где он снимал с неё покрывало и отдавал на хранение своей матери. Такой устойчивый древний обычай в Усиша неукоснительно соблюдался всеми семьями, где ещё хранились эти магические панно. Следует также заметить: такими большими вышивками-покрывалами среди даргинцев в свадебных ритуалах пользовались только усишинцы. Недавно вышедшие замуж женщины также надевали украшенные вышивкой покрывала на свадьбы родственников и соседей.

Считалось, что функции усишинской вышивки ограничивались только свадебным ритуалом, но в ходе полевых поисков Г. Исмаиловым было сделано неожиданное открытие [3]. Выяснилось, что представительницы старшего поколения с. Зильмук указывали в своем завещании, чтобы их обязательно хоронили в вышитом покрывале. Тело покойницы сначала заворачивается в это полотно вышивкой к телу, и только после этого – в саван. Они верили, что знаки-символы на вышивке имеют охранную и оберегающую силу и должны обязательно помочь в «загробном мире», вступая в бескомпромиссную борьбу с силами ада, должны оберегать хозяйку в потустороннем мире. В наши дни в селе осталось несколько вышивок, но и эти вышивки, по воле хозяек, послужат им оберегами при переходе в мир иной…

Другой вид покрывала – «Раппаки», имеющее размеры примерно 3 мх0,7 м, представляет собой грубое хлопчатобумажное или шерстяное полотно домашнего изготовления. На узкой стороне полотна имеется бахрома, связанная в пучки, а по её краям, на продольной стороне, проходят чёрные полоски, редко-розовые. Бахрома, связанная в пучки, украшалась цветными шерстяными нитками. Эти покрывала носили, в основном, молодые усишинки, наряду с другими покрывалами без вышивки – белыми, которые в более зрелом возрасте заменялись черными, из атласа, шерсти или хлопка. Производство покрывал «раппаки» прекратилось к середине XX века, технология их создания утеряна. В настоящее время осталось их не более двух десятков, они используются

как элементы традиционной одежды, например, во время исполнения старинного девичьего танца ансамблем «Акуша».

Постепенно изумительное мастерство вышивальщиц усишинских покрывал и использование их в быту стало постепенно сходить на нет. Изготовление которых прекратилось в 30-х годах XX века.

По приблизительным подсчетам, усишинских вышивок в музеях России: в Российском этнографическом музее, во Всероссийском музее декоративного искусства, в Национальном музее республики Дагестан им. Тахо-Годи, в Дагестанском музее изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой, в музее «Дагестанский аул», а также в частных коллекциях, сохранилось не более сорока изделий.

В сёлах Усиша и Зильмук осталось всего несколько покрывал, переходящих по наследству. Предположительно, усишинские вышивки могут находиться и в коллекции английского ученого и этнографа Р. Ченсинера, который в девяностых годах прошлого века побывал в Дагестане и приобретал предметы народного творчества.

Уходит целый пласт народной культуры и необходимо сделать все возможное, чтобы его сохранить. Патимат Алибекова, учительница Усишинского многопрофильного лицея, студенты Дагестанского художественного училища им. М. Джемала, энтузиасты своего дела, в силу своих возможностей пытаются восстановить этот уникальный вид народного творчества. Необходима настоящая государственная поддержка, создание школы искусств, программа возрождения, сохранения и развития этого великолепного вида народного творчества.

Список источников

1. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. Москва: Наука, 1988.
2. Гаджалова Ф. А. Народные вышивки Дагестана. Махачкала, 2005.
3. Исмаилов Г. И. Даргинская вышивка. Уходящие образы старины. Махачкала, 2005.
4. Криштопа А. Е. Дагестан XIII–XIV вв. по сообщениям восточных авторов.
5. Магомедова З. К. «Культурные концепты в даргинской языковой картине мира» Махачкала, ДГПУ, 2014 г.
6. Рославцева Л. И. «Кайтагские» вышивки в собрании Государственного музея Востока. М., 2011.

ВЕЩЬ ДОЛЖНА ГОВОРИТЬ. АКТУАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ДАГЕСТАНСКОГО ИСКУССТВА ЧЕРЕЗ ОПЫТЫ КОНТЕКСТА. ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОЕКТОВ ГМЗ «ЦАРИЦЫНО»

К. Н. Паршина
Государственный музей-заповедник «Царицыно», г. Москва

THE THING MUST SPEAK. ACTUALIZATION OF TRADITIONAL DAGESTAN ART THROUGH CONTEXT EXPERIENCES. BASED ON MATERIALS OF EXHIBITION PROJECTS OF THE TSARITSYNO STATE MUSEUM

K. N. Parshina
State Museum-Reserve «Tsaritsyno», Moscow

Аннотация: в Государственном музее-заповеднике «Царицыно» тема традиционного искусства Дагестана была раскрыта двумя большими выставочными проектами: «Кавказский словарь. Земля и люди» (2012, куратор О. А. Соснина), «Путь Патимат. Женский мир в традиционном и современном искусстве Дагестана» (2022, куратор К. Н. Паршина). Оба проекта формировались в сотрудничестве с Национальным музеем Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, оба рассказывали о традиционном дагестанском искусстве, но по-разному. Объединяет подходы кураторов ГМЗ «Царицыно» поиск контекста, который откликнется современному посетителю музея, сохранит заинтересованность и создаст желание погружаться в традиционное глубже. Об удачных опытах экспозиционной работы я хочу рассказать в данном материале.

Abstract: in the «Tsaritsyno» State Museum-Reserve, the theme of the traditional art of Dagestan was revealed by two large exhibition projects: «Caucasian Dictionary. Earth and People» (2012, curated by O. A. Sosnina), «The Path of Patimat. The female world in the traditional and modern art of Dagestan» (2022, curated by K. N. Parshina). Both projects were formed in collaboration with the National Museum of the Republic of Dagestan A. Takho-

Godi, both told about traditional Dagestan art. The approaches of the museum's curators are united by the search for a context that will respond to a modern museum visitor, maintain interest and create a desire to delve deeper into the traditional. I want to tell you about the successful experiences of the exhibition work in this article.

Ключевые слова: традиционное искусство, экспозиционные приемы, актуализация, контекст, работа с посетителем, современное искусство.

Keywords: traditional art, exposition techniques, actualization, context, work with the visitor, modern art.

Музей-заповедник «Царицыно» в своей выставочной и научной деятельности уделяет особое внимание искусству мусульманских регионов России и ближайшего зарубежья. В музее проводится серия выставочных проектов, посвященная этой теме. Выставка «Путь Патимат. Женский мир в традиционном и современном искусстве Дагестана» (куратор К. Н. Паршина) открывала эту серию в 2022 году. Этот проект был не первой выставкой ГМЗ «Царицыно», исследующей дагестанское искусство – в 2012 году в музее прошла выставка «Кавказский словарь. Земля и люди» (2012, куратор О. А. Соснина). Надо упомянуть, что по итогам 2022 года выставка «Путь Патимат» заняла 14 место в ежегодном Рейтинге посещаемости российских художественных выставок газеты The Art Newspaper Russia [6]. Подобные рейтинги составляются на основании статистики посещаемости выставки и покупки билетов, поэтому можно сделать вывод, что проект оказался весьма интересным для московского зрителя. Хотя данная выставка вовсе не была первым знакомством с традициями и культурой региона – проекты о Дагестане проходят в Москве регулярно. Так почему так вышло? Я полагаю, что одной из причин успеха выставки в музее-заповеднике «Царицыно» была тщательная работа выставочной команды с контекстом предметов традиционного искусства.

Вопрос актуализации восприятия традиционного через контекст не нов. Социолог Люк Болтански, рассуждая о предмете, помещенном в витрину музея, говорил [4, с. 170], что таким образом предмет становится мертвым, поскольку теряет контекст своего бытования, контекст взаимоотношений с человеком, к нему теряется интерес. Мы можем рас-

суждать о предмете не только как об объекте искусства и промысла, его утилитарности и декоративности. Но также воспринимать предмет как носитель личных историй его обладателя или создателя. Он может быть для человека напоминанием: о детстве, семье, событии, состоянии, месте. Но весь этот контекст не написан непосредственно на предмете. Задача экспозиционера – совершать маленькое чудо, изыскивая тот самый контекст, связь, эмоцию, которая делает предмет «живым».

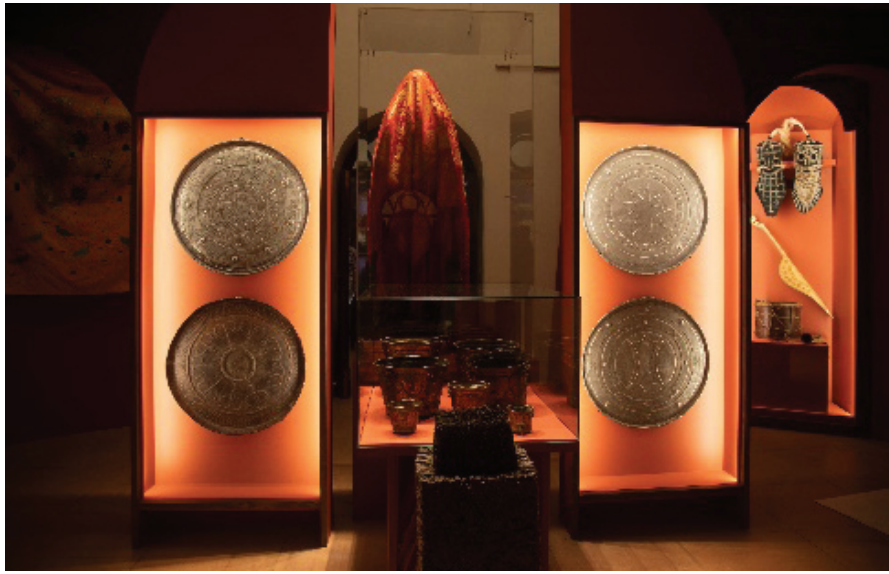
Культура Дагестана отличается удивительным признаком живой эмоциональной связи зрителя с предметами традиционного искусства и быта, которые можно увидеть в местных музеях. Многим посетителям не нужно объяснять, для чего использовался тот или иной предмет – у них есть призма личного опыта в переживании контакта с этой вещью. Однако и в Дагестане выросло поколение людей, для которых этот личный опыт был недоступен по разным причинам. Для московского посетителя, с которым работает музей-заповедник «Царицыно», эта ситуация еще более характерна. И для установления контакта экспозиции музея с этими людьми необходима работа с контекстом: ассоциациями, эмоциями, текстами. Коллеги могут аргументировать, что в музейной экспозиции текст присутствует: многие экспонаты сопровождаются аннотациями. Однако важно понимать, что в текущей повседневности мы постоянно сталкиваемся с текстами и приобрели некоторую усталость от их обилия. На фоне подобной усталости ожидать от посетителя эмоционального отклика на аннотацию – весьма сомнительно. Что делать в такой ситуации? Мое убеждение – «создавать текст» вокруг предмета другими способами.

Практика необходимости использования контекста более характерна для современного искусства, оно текстуально по своей сути и часто именно контекст, рассказ раскрывает смысл произведения. Это потребность в интерпретации заложенных в произведение смыслов и личных историй создает основу актуальности современного искусства для зрителя – благодаря раскрытию контекста оно понятно. Я считаю, что и традиционные искусство должно и может пользоваться этим свойством в рамках выставочных проектов. Конечно, сравнивать традиционное и современное сложно, учитывая их призраки. Традиционное искусство часто анонимно, современное же несёт основательную печать индивидуальности автора. Однако предметы традиционного искусства являются

носителями историй и смыслов, которые могут использоваться экспозиционером для поиска мифологемы, эмоции, героя, через которого можно рассказать о музейных предметах, их бытовании и использовании так, чтобы вызвать зрительский интерес. В проекте «Путь Патимат» в женский мир зрителя сопровождала героиня выставки, знакомя его с глубокими связями и смыслами предметов искусства и далекого прошлого народа. У Патимат не было конкретного прототипа, это был сборный образ, олицетворение моего ощущения от общения с женщиной в Дагестане. Этот экспозиционный ход оказался очень удачным. Образ главной героини создал эмоциональный отклик у многих посетителей, потому что вне зависимости от этноса, у всех есть бабушка. И часто мысли о бабушке ассоциируются с детством, когда наше сознание максимально открыто новому и готово познавать. Также я активно использовала на выставке архивный и современный фотоматериал. Это придавало моему персонажу должной убедительности, но при этом давало возможность не следовать биографии конкретных личностей, а рассказывать на примере Патимат о женщинах Дагестана в целом.

Кроме привлекательности самого образа Патимат, введение героя в выставочное повествование создают возможность строить экспозиционные тексты по принципу сторителлинга, описывая историю, быт, ритуалы, промысел и его особенности от первого лица. Это избавляет тексты от страдательного залога, вводит актора, действие, создает личный фон в описании предмета и его контекста. Подобный стилистический ход поддерживает интерес к текстам зала, что дает выставке шанс погрузить зрителя в суть выставочной концепции.

Не только в подборе музейных предметов, но и в оформлении экспозиции необходимо опираться на этнографические и исторические научные данные. Я убеждена, что в музее производится атмосфера искренности, и для исполнения этой важной задачи нельзя придумывать фантазийное обрамление музейному предмету. Для экспозиционера в этом отношении настоящее спасение – издания по материалам полевых этнографических экспедиций, справочники по ремеслам и исследования в области орнамента [2]. Визуальный материал этих изданий может использоваться дизайнером экспозиции для создания оформительских элементов, присутствие которых будет визуально поддерживать раскрытие контекста музейных предметов. Для показа дагестанского традици-

Выставка «Путь Патимат». Зал Свадьбы. ГМЗ «Царицыно». 2022 г.

Выставка «Путь Патимат». Зал Защитница. ГМЗ «Царицыно». 2022 г.

Выставка «Путь Патимат». Зал Глины. Работа И. Супьянова «Знаки на пруду» в диалоге с керамикой Балхара и Сулевкента. ГМЗ «Царицыно». 2022 г.

Выставка «Путь Патимат». Зал Мастерская. Открытая мастерская по ткачеству с Джамилей Азиаловой. ГМЗ «Цариныно». 2022 г.

Выставка «Путь Патимат». Зал Мастерская. Открытая мастерская по ткачеству с Магомедали Магомедалиевым. ГМЗ «Царицыно». 2022 г.

онного искусства в других регионах это особенно ценный инструмент построения экспозиции. В Царицыно ежегодно приезжает более 2 миллионов посетителей [6] – москвичей и гостей из самых разнообразных регионов, и большинство из них никогда не бывало в Дагестане. Для привлечения внимания зрителя команда проекта буквально построила горный Дагестан в экспозиционных залах. В зале Глины оформительские элементы копировали опорные столбы из с. Рича XII века и элементы традиционной террасы горского дома. В зале Дома основная витрина была оформлена элементами, копирующими в оригинальном размере опорные столбы с. Урада и пристенные лари домов Гунибского района [1]. В оформлении выставки дизайнер экспозиции использовал большое количество орнаментальных элементов оригинальной деревянной и каменной резьбы, керамики. Буквально эти элементы возможно не считывались зрителем, но они формировали целостный образ, обрамление музейных предметов, наглядно показывали их соразмерность традиционному интерьеру – это создавало ощущение гармонии в восприятии экспозиции. Надо отдельно заметить, что оцифрованные дизайнером графические элементы можно смело использовать несколько раз: в качестве обрамления музейных предметов, и в качестве методических материалов. На выставке «Путь Патимат» графические элементы использовались как основа интерактивных элементов зала Мастерской: раскрасок, досок для фроттажа, больших кубиков-пазлов и лекал для набойки на ткани.

Кроме орнаментального обрамления выставки также большое значение имеет использование цветовой гаммы, характерной для традиционного искусства, интерьеров, костюмных комплексов народов Дагестана. Так, зал выставки, представляющий изделия ювелирных промыслов и вышивок Дагестана был решен в оттенках фиолетового, характерного для традиционного балхарского платья.

Часто музейный предмет раскрывается для зрителя в новом ракурсе, когда экспозиционер оперирует не к бытованию предмета или особенностям его производства, а к его художественной сути. В этом смысле в работе с традиционным искусством можно использовать приемы из искусства современного, когда предмет становится частью художественной инсталляции и экспонируется не столько как предмет, но и как образ. В зале Свадьбы проекта была создана композиция из кубачинских сва-

дебных ведер «нукнусов», подносов из разных районов Дагестана, костюмного комплекса ругуджинской невесты из собрания Национального музея им. А. Тахо-Годи и работы из дерева современного дагестанского художника Тагира Гапурова «Родовая башня» (2017). Все эти предметы были выстроены в подобие свадебного шествия, с целью сменить оптику их восприятия с буквальной на метафорическую – они представляли собой образ жителей села, участников свадебного ритуала.

Диалог современного дагестанского искусства и предметов традиционных промыслов может выстраиваться путём прямого их сопоставления в выставочных залах. Какой признак или тему выбрать для формирования экспозиции с присутствием современного и традиционного искусства рядом – зона ответственности куратора. Диалог современного и традиционного можно построить не буквально, не опираясь на схожесть материалов или тем. На экспозиции "Путь Патимат" я соединяла в одном зале традиционную керамику Балхара и Сулевкента с панно-диптихом Ибрагимхалила Супьянова "Знаки на пруду" (2000–2010). И материалы, и темы в керамических промыслах и этой работе разные, но художник рефлексирует тему знака в произведении искусства, что является характерным и для дагестанской традиционной керамики. В результате произведения современного искусства и предметы традиционного искусства взаимообогащают друг друга, создавая для зрителя более объёмный и в чем-то более понятный образ. Важно также донести суть выбранного куратором сопоставления до зрителя максимально ясно, например, через тексты в залах, навигацию на экскурсиях. И быть готовым к тому, что зритель придумает свою интерпретацию подобного сопоставления.

Очень важное значение для актуализации традиционного искусства имеет глубокое предварительное исследование музейных предметов, и знакомство с материалами тех исследований, которые уже были произведены. Часто вопросы, поставленные наукой о сфере бытования предмета, его происхождение помогают сформировать новый контекст восприятия традиционного искусства. Все мы любим загадки, и поэтому я убеждена, что на выставках традиционного искусства важно не только давать ответы, но и задавать зрителю вопросы, стимулировать его интерес к теме. В построении экспозиции зала Защиты выставки «Путь Патимат» я отдельно рассказывала о традиции украшения внутренней части

андийских и аварских височных лунниц. Для этого мы взяли орнаментированные с обратной стороны лунницы из разных музейных собраний и разместили их группой так, чтобы оборотная сторона была видна зрителю. Таким образом мы говорили не столько о декоративности гравировки серебра, сколько задавали вопросы о смысле символов, которые обычные не видел никто, кроме хозяйки украшения. Также в процессе подготовки к выставке нам повезло проследить за реставрацией одного из амулетов из собрания Российского этнографического музея (Амулет сабаб. Село Карата, Андийский округ Дагестанской области. Каратинцы. Начало XX века.). В процессе реставрации из амулета был извлечён свиток текста на арабском языке, который нам удалось перевести. Текст вложения гласит "… Далее: С первого числа месяца ноября этого года до этого пятого дня декабря хочу его помощь на крови… в мужчинах и женщинах из любого места в селении Арчиб" [5, с. 235]. Получение доступа к вложенным в амулеты текстам, их перевод и публикация расширяет базу для исследования подобных предметов и коррекции привычного в научных работах стереотипа о том, что в амулетах содержатся благопожелательные надписи или избранные аяты из Корана. Потому результаты исследований и уточнений атрибуции музейных предметов ГМЗ «Царицыно» публикует в издании проекта [5, с. 199]. Темы орнаментации височных лунниц и содержания текстов амулетов очень интересны и ждут своего исследователя.

Выставка не ограничивается только музейными предметами в экспозиции. Сейчас любой подобный проект немыслим без публичной программы, участвуя в которой, посетитель получает возможность продлить свой опыт узнавания другой культуры. В пространстве выставки «Путь Патимат» был построен зал Мастерская, где можно было получить быстрый доступ к ремесленному опыту дагестанской культуры, сделав фроттаж или рисунок. Здесь же можно было присоединиться в определенные дни к открытым мастерским традиционных промыслов и современных художников Дагестана. Условием проведения этих мастерских было обязательное ведение занятия мастером из Дагестана, и длинный формат занятий (некоторые мастерские длились два дня подряд), а также возможность присоединиться посетителю к мастерской в любое время, без предварительной регистрации. Это сложная задача с точки зрения организации мероприятия, но подобный формат не создавал формаль-

ных препятствий для спонтанного решения посетителя присоединиться к мастерской. Посетители делились впечатлением о том, как опыт общения с носителем культуры, сотворчество в работе рождали в них массу эмоций и живой интерес к более глубокому изучению дагестанского традиционного искусства. В процессе выставки вокруг мероприятий сформировался круг постоянных посетителей – сообщество, которое важно для каждого музея. И по моему опыту общения, многие из этого сообщества позже посетили Дагестан.

Живое дагестанское промысловое наследие, широчайший этнографический материал, интересные явления рефлексии традиционного в современном искусстве – все это делает культуру и искусство Дагестана невероятно притягательными для экспозиционеров, и создает широкое поле идей для будущих выставок. Для того, чтобы каждая выставка была событием в культурной жизни и всколыхивала интерес к традиции, куратор и команда проекта должны глубоко изучать и опираться на работу исследователя и ученого, и широко использовать эти материалы в визуальном и смысловом обрамлении музейных предметов. Экспозиционер должен проводить исследовательскую работу в поисках фактов или явлений, которые помогут построить экспозицию вокруг рассказа, мифологемы, феномена. Инструменты донесения этого феномена до зрителя могут быть очень разными. Нам повезло работать в такое время, когда рассказ и интерпретация могут увлекать зрителя традиционным не только через текст, но и подключать эмоциональное восприятие, использовать последние тенденции в музейных выставочных практиках: видео-контент, аудио-сопровождение, тактильные и ольфакторные экспонаты. Создавая у зрителя эмоциональный отклик, музей формирует сообщество лояльных посетителей, доверяющих институции и готовых к познанию традиционного искусства по-новому.

Список источников

1. Дебиров П. М. Резьба по дереву в Дагестане. – М.: Наука, 1982. – 234 с.
2. Дебиров П. М. История орнамента Дагестана: Возникновение и развитие основных мотивов. – М.: Наука, 2001. – 416 с.
3. Мовчан Г. Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. – М.: ДМК Пресс, 2001. – 520 с.
4. Обрист, Ханс Ульрих. Краткая история кураторства/Ханс Ульрих Обрист; [перевод с английского Анна Зайцева]. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 170.
5. Путь Патимат. Женский мир в традиционном и современном искусстве Дагестана. М.: Государственный музей-заповедник «Царицыно», 2023. С. 235.
6. Смолев Д. Рейтинг посещаемости российских художественных выставок за 2022 год: топ-50 [электронный ресурс]//The Art Newspaper Russia. 2023. № 111. URL: https://www.theartnewspaper.ru/posts/20230504-zuee/(дата обращения: 10.11.2025).
7. Смолев Д. Ежегодный рейтинг посещаемости российских музеев демонстрирует рост [электронный ресурс]//The Art Newspaper Russia. 2025. № 132. URL: https://www.theartnewspaper.ru/posts/20250603-pxzf/?ysclid=mhtkigfvtc665902289 (дата обращения: 10.11.2025).

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ КРУПНОРАЗМЕРНЫХ КАРТИН М. А. ДЖЕМАЛА «ОБЪЯВЛЕНИЕ АВТОНОМИИ ДАГЕСТАНА В 1921 ГОДУ В ТЕМИР-ХАН-ШУРЕ» И «ЧАБАНЫ» В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН ИМ. А. ТАХО-ГОДИ

А. В. Самарская (Алиева)
Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, г. Махачкала

EXPERIENCE IN RESTORATION OF LARGE-SIZED PAINTINGS M.A. DZHEMAL «ANNOUNCEMENT OF AUTONOMY OF DAGESTAN IN 1921 IN TEMIR-KHAN-SHUR» AND «CHABANS» IN THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN NAMED AFTER A. TAKHO-GODI

A. V. Samarskaya (Alieva)
National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Takho-Godi, Makhachkala

Аннотация: краткое описание реставрации крупноразмерных картин М. А. Джемала к 100-летию Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи и 125-летию автора.

Annotation: a brief description of the restoration of large-scale paintings by M.A. Dzhemal for the 100th anniversary of the A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan and the 125th anniversary of the artist's birth.

Ключевые слова: 125-летие М. А. Джемала, 100-летие Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, «Объявление Автономии Дагестана в 1921 году в Темирхан-Шуре», «Чабаны».

Keywords: 125th anniversary of M.A. Dzhemal, 100th anniversary of the National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Takho-Godi, «Declaration of the Autonomy of Dagestan in 1921 in Temirkhan-Shura», «Shepherds».

В 2025 году совпали двt значимых для нашей республики даты – 100-летие Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи и 125-летие М. А. Джемала. Еще не отгремела Гражданская война в Дагестане, в 1920 г. по решению Дагревкома на основе музея им. Костемеревского был создан «Народный музей Дагестана». Вскоре все экспонаты были перевезены в г. Петровск (совр. Махачкала) для организации республиканского музея по инициативе члена ВЦИК, народного комиссара Алибека Алибековича Тахо-Годи (1892–1937 гг.). В 1925 г. в Махачкале состоялось официальное открытие Дагестанского краеведческого музея [3. с. 194–200].

Муэтдин-Араби Джемал (Джамалов Мухутдин Абдулмажидович 1900–1960) – советский художник, основоположник профессионального изобразительного искусства Дагестана, заслуженный деятель искусств РСФСР (1960), заслуженный деятель искусств ДАССР (1943) и Казахской ССР, народный художник Дагестана, член Союза художников СССР. С конца 1929 по 1930 годы был назначен врио директора Дагестанского краеведческого музея [1. с. 118–119]. Совпадение этих юбилеев поставило перед реставрационным отделом была задачу вернуть зрителю две крупноразмерные картины автора, которые не экспонировались около 85 лет – «Объявление Автономии Дагестана в 1921 году в Темирхан-Шуре» и «Чабаны».

Картина М. А. Джемала «Объявление Автономии в 1921 году в Темирхан-Шуре (Буйнакске)» была написана в 1940 году на льняном фабричном холсте средней толщины многослойной живописью средней толщины с отдельными акцентами пастозными гребнистыми мазками. В левом нижнем углу подпись красной краской кистью по подсохшему слою «М. Джемал 40». После экспонирования на Республиканской выставке, посвященной 20-летию Автономии Дагестана в Махачкале [1. с. 118–119], и, возможно еще нескольких последующих, хранилась в Фонде Живописи НМ РД им. А. ТАХО-ГОДИ. Условия хранения до 1974 г. абсолютно не соответствовали нормативам хранения живописи – хранение в подвале. После 1974 г. музей переведен в другое здание, хранилище располагалось на третьем этаже с неудовлетворительным температурным режимом. В 2016 году условия хранения стали в большей степени соответствовать требованиям Инструкции по учету и хранению музейных ценностей. Но даже здесь картина хранилась скру-

М. А. Джемал «Объявление Автономии Дагестана в 1921 году в Темир-хан-Шуре», 1940 г. Национальный музей Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи

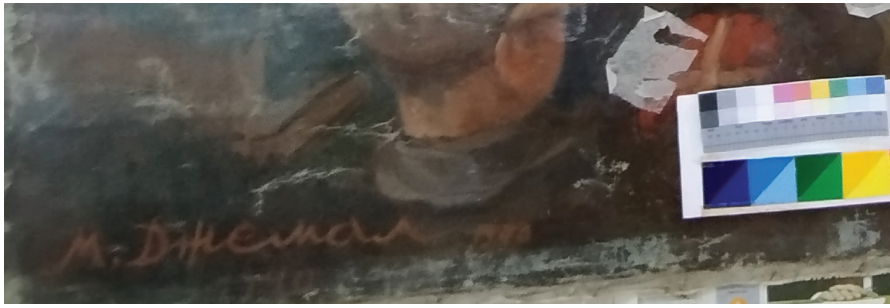
ченной в рулон, поскольку последние 80 лет ее размеры – 270х330 см, не позволяли расположить ее ни на одном из стеллажей или у стены.

Еще до начала реставрации стало ясно, что картину такого размера невозможно будет экспонировать ни в Культурно-выставочном центре Национального музея РД им. А. Тахо-Годи на юбилейном мероприятии, ни на одной из стен в залах без больших подвижек в экспозиции. Поскольку событие на картине является основополагающим для новой формы управления республики, после которого был восстановлен «Народный музей Дагестана» и реорганизован в Дагестанский краеведческий музей, то было принято решение возвращенную после 85-летнего забвения картину экспонировать над парадной лестницей в фойе музея в начале экскурсионного маршрута.

Учитывая тот факт, что после реставрации картина на подрамнике, в отличие от рулона, примет свои истинные размеры, приобретет сильную парусность, которые существенно осложнят транспортировку картины к месту экспонирования, пришлось заранее рассчитать маршрут движения и закрыть один из экспозиционных залов на втором этаже для установки реставрационного стола, дабы не переносить картину после реставрации по изгибам лестниц и пройти наименьшее количество дверных проемов. Изъятие из экскурсионного маршрута одного из экспозиционных залов на время реставрационных мероприятий стало одним из существенных испытаний для режима работы музея.

После раскрытия рулона обнаружились многочисленные утраты верхних слоев красочного слоя по всей поверхности холста от многократного скручивания в рулон красочным слоем наружу и внутрь попеременно. Утраты красочного слоя в виде отшелушившихся участков завершающего слоя, в виде ветвистого кракелюра в различных направлениях с потертостями располагались по всей поверхности картины, в виде отслоений красочного слоя от имприматуры – вдоль скручиваемых верхнего и нижнего краев, в виде угрозы расслоения многочисленных красочных слоев – в местах наиболее пастозной живописи. Лаковое покрытие помутнело до легкой белесости. Поверхность картины сильно загрязнена. В качестве следов прежних реставраций красочного слоя необходимо принять консервирующую заклейку осыпающихся участков.

В процессе реставрации было произведено укрепление кракелюра и расслоений многочисленных красочных слоев, укрепление отслоений

Подпись автора М.-А. Джемала

красочного слоя от имприматуры одновременно с устранением деформаций холста. Для картины был изготовлен реставрационно-экспозиционный подрамник. С холста были удалены поверхностные загрязнения и регенерировано лаковое покрытие. Завершающим этапом стало восстановление утрат красочного слоя.

Одна из сложнейших задач, а именно транспортировка картины к месту экспозиции из зала по коридору с преодолением двух дверных проемов, была еще впереди. С ней успешно справились Магомедов Магомед Нажмутдинович, Муртузалиев Султан Магомедович, Иминов Имин Магомедович, Исмаилов Арацали Мусалович, Шихалиев Каримулла, Магомедов Абдурахман Магомедоваич, Нуруллаев Башир Абдуллаевич.

Иные решения пришлось принимать в отношении картины М-А. Джемала «Чабаны» (КП- 16246 [2]), поднятой из хранилища также в рулоне. Ее размеры после раскатки на реставрационном столе –280х354 см – не позволяли пронести ее в восстановленном виде через дверные проемы. Было принято решение провести частично реставрационные, частично консервационные мероприятия и снова законсервировать картину в рулоне. У картины был укреплен красочный слой, удалены поверхностные загрязнения, устранены деформации холста, воссоединены разошедшиеся швы, восстановлены утраты красочного слоя. По окончании стабилизации картина была накатана на вал и сдана в хранилище в виду невозможности транспортирования через дверные проемы и отсутствия площади для экспонирования.

К большому сожалению, картина М-А. Джемала «Чабаны», не выходившая к зрителю более 85 лет, снова скрылась в недрах хранилищ…

М-А. Джемал «Чабаны». После реставрации.
Национальный музей Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи

Вопрос обеспечения научным и исследовательским оборудованием периферийных и региональных музеев – фигура умолчания… Секрет, как выкручиваются провинциальные реставраторы – секрет Полишинеля – приспосабливаются как могут между Сциллой технических требований к аттестации и Харибдой выпрошенного оборудования, проскальзывая между струйками «скорее надо» и «реально возможно»…

Список источников

1. «Изобразительное искусство Дагестана XX–XXI вв.» Энциклопедический словарь-указатель. Автор-составитель Д. А. Дагирова. Махачкала: ИЦ «Мастер», 2020.
2. Книга поступлений НМ РД им. А. Тахо-Годи (ДКМ, ДГОМ).
3. Становление музейного дела в Дагестане. Архивные документы и материалы (К 95-летию открытия музея в Дагестане). Составитель и автор комментариев Доного Х.-М. Авторский коллектив: Амирова М., Бахтангова З., Гаджиев М. Махачкала: Алеф, 2020. – 696 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИНТЕРЬЕРА ГОРСКОГО ДОМА В КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РД ИМ. А. ТАХО-ГОДИ

А. М. Гасанова
Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, г. Махачкала

TRADITIONAL ITEMS OF THE INTERIOR OF A MOUNTAIN HOUSE IN THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM OF RD NAMED AFTER A. TAKHO-GODI

A. M. Gasanova
National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Takho-Godi, Makhachkala

Аннотация: в интерьере и архитектуре домов нагорного Дагестана проявлялись архаичные традиции. Основу ее представляют резные сооружения и предметы из камня и дерева, ковровые изделия, керамика и медно-бронзовая посуда. Национальный музей РД им. А. Тахо-Годи хранит богатую коллекцию предметов народного творчества.

Annotation: archaic traditions were evident in the interior and architecture of houses in mountainous Dagestan. Its basis is represented by carved structures and objects made of stone and wood, carpets, ceramics and copper-bronze utensils. National Museum of the Republic of Dagestan named after. A. Takho-Godi keeps a rich collection of folk art items.

Ключевые слова: интерьер, музей, Дагестан, традиция, горский дом, коллекции.

Key words: interior, museum, Dagestan, tradition, mountain house, collections.

Архитектурные традиции Дагестана являются одной из составляющих исторической памяти дагестанского народа. Формировалось и усовершенствовалось строительство жилых строений еще со времен каменного века. Некоторые аспекты домостроения и интерьеров домов освещены в трудах видных советских ученых – Е. М. Шиллинг, Г. Я. Мовчан, П. М. Дибиров, М. М. Мамаев и др.

Е. М. Шиллинг описывая жилые постройки указывает – «В горных районах Дагестана селения располагаются большею частью по склонам. Отсюда их ступенчатая структура, скученность и поражающая издали многоярусность, при которой плоские крыши нижних домов служат используемой площадкой перед фасадами верхних. Эти черты особенно ярко, в пределах Кавказа в целом, выражены именно в Дагестане, а в границах этого последнего в таких селениях. Как Чох или Кубачи.» Кубачинские дома порой достигали до шести этажей. Первые этажи служили в качестве конюшен, хлевов, сеновалов, складов, а вторые и последующие этажи жилые, кладовые и мастерские ювелиров [11, с. 40–43.].

Согласно исследованию, Г. Я. Мовчана первоисточниками строительства домов в горном Дагестане были записки, отчеты и документы участников Кавказской войны из царской администрации. Первые гравюры горской архитектуры принадлежали известному российскому художнику Г. Гагарину. Также исследователем были обнаружены в фондах краеведческого музея в Махачкале ранее не опубликованные еще рисунки Е. Е. Лансере о ранней аварской архитектуре.

Как еще отмечает Г. Я. Мовчан, профессиональным изучением горных строений занимался профессор Н. Б. Баклан, принявший участие в историко-культурной экспедиции нагорного Дагестана в 1923 г. под руководством профессора Н. Яковлева [6, с. 16].

Отдельные труды П. М. Дибирова освещают вопросы резной архитектуры Дагестана и некоторых элементов внутреннего убранства дома. Как указывает автор – «Одной из главных особенностей художественной культуры Дагестана является большое разнообразие художественных ремесел и видов декоративного искусства [2, с. 3]. Изобразительное искусство народов Дагестана самостоятельно развивалось с древнейших времен, создавая своеобразную художественную культуру. Архитектурная декорация построек Дагестана в феодальную эпоху отличается большим разнообразием» [2, с. 89].

О высокохудожественной традиции народов Дагестана также говорит М. М. Мамаев, отмечая большой талант мастеров по обработке металла, резьбы по кости, дереву, камню, коврового и керамического производства [2, с. 5].

Изучение старинных строений, интерьеров и их художественных особенностей, возможно благодаря трудам исследователей и сохранившим-

Деревянный «цагур» неподвижного типа XIX в.
Экспозиция зала «Этнография» Национального музея РД им. А. Тахо-Годи

ся архитектурным и иным памятникам. Центральную роль в сохранении исторических памятников и истории народов занимает музей. Собрание Национального музея РД им. А. Тахо-Годи хранит около 190 тысяч экспонатов [10, с. 151]. Экспозиционную коллекцию представляют исторические, природные и этнографические ценности. С традиционным горским интерьером связана этнографическая экспозиция музея. В залах этнографии представлена культура, быт, художественно-прикладная коллекция народов Дагестана и интерьерные составляющие горского дома. Входят в эту коллекцию деревянный «цагур», лари, лежанка, стул, табуреты, деревянная кухонная утварь, медно-бронзовая, керамическая посуда, ткацкий станок и ковры.

Центральное место в этнографическом зале занимает деревянный «цагур» XIX в. из с. Мачада, представляющий из себя большую конструкцию в виде перегородки с опорным столбом по центру, напоми-

Ларь для хранения зерна подвижного типа, XIX в.
Экспозиция зала «Этнография» Национального музея РД им. А. Тахо-Годи

нающий дерево. На столбе по обе стороны и в центре отражены резные солярные круги. Весь фасад украшен резным орнаментом в форме концентрических кругов, зигзагов, спиралей и ромбов. С двух сторон расположены не большие двустворчатые двери, предназначенные для перехода в кладовую часть комнаты. Производились мастерами деревянные «цагуры» без гвоздей собирая большую конструкцию фрагментами вставляя их между собой. Фасадная орнаментированная сторона окрашивалась темной растительной краской [2, с. 52]. Масштабы его достигают в высоту более 2 м и длиной до 7 метров. Основной функцией таких кладовых было хранение продуктов питания и запасов зерна. В XIX в. большие комнаты для горцев были показателем богатства, в которых могли праздновать свадьбы родственники с разрешения владельца дома. Соответственно комнате были и размеры «цагуров» в которых вмещалось в одном отсеке до двух тонн зерна [3, с. 185].

В подобном стиле «цагуры» встречались в селениях Гента, Мачада, Урада, Тидиб, Хотода, Гоор, Кахиб, однако в соседних селах их не наблюдалось.

Существовали разные виды ларей по типу «цагура» – каркасные и срубные, подвижные и неподвижные. Первого типа лари схожи с музейным «цагуром», а второй тип «кам» с крестообразно срубленной опорой по центру, симметричными дверьми и минимальной орнаментикой. «Камы» имели распространение в соседних с Гидатлем селениях – Ругельда, Сомода, Мусрух, Хонох, Урчух, Хиндах, Рукдах и др. Каркасного типа лари в основном создавались мастерами аварских селений Шамильского, Гунибского и Чародинского районов. Отличия были не только в форме и орнаментике, но и зоне установки конструкций. В некоторых высокогорных селениях (багулалы, тиндалы) располагались лари не в домах, а в наружной части рядами и даже на крыше (бежтинцы).

Декоративная составляющая домов начала меняться с появлением каминов и печей, сменивших центральные очаги. Камины стали интерьерным дополнением комнат и сочетались с орнаментикой деревянных элементов жилища. Существовало их несколько разновидностей – полукруглой, плоской и нишеобразной формы. В высокогорных селениях аварских, даргинских и лезгинских районов характерны плоские камины, а в селах центрального южного Дагестана чаще встречались выпуклые [2, с. 23]. Одни из самых богато украшенных были кубачинские камины. В коллекции дагестанского музея экспонируются каминные плиты XVIII–XIX вв. изящно украшенные растительными орнаментами и арабской вязью. Внешне схожие декоративные элементы на каминах крайне редко встречались во всем Дагестане.

В горных домах по-прежнему деревянные конструкции составляли основу интерьера. Неподвижным «цагурам» заменой стали подвижные лари, а столбы отдельно устанавливались в центре комнаты. В XIX–XX вв. в аварских домах появились низкие подвижные лари высотой не более полутора метров, которые тоже назывались «цагурами» и имели привычные орнаментальные особенности.

Интерьер южного Дагестана также дополняли лари разного типа. В конце XVIII – начале XIX вв. появились двухярусные подвижные лари «хут». Вскоре появились низкие лари с высокими по углам элементами разной формы.

В XIX в. появляются в домах отдельные комнаты в качестве кунацкой, кухни, кладовой и др. предназначения. Особо богатым убранством отличались кунацкие в традиционном стиле. Оформлялись деревянными резными ларями и орнаментированными каминами, а на одной из стен развешивали кухонную утварь для декора.

Подвижные лари представляли прямоугольную конструкцию на высоких ножках, соединенных между собой длинными деревянными вставками вместо гвоздей. Внутри имелось несколько отсеков для хранения зерна, а открывалась верхняя ее часть. Внешняя сторона богато украшалась традиционными орнаментами. Именно этого вида лари XIX в. хранятся в экспалигзиции Национального музея Дагестана [10–11]. Один из которых украшен орнаментами в виде солярных знаков, розеток, фестончиков и полукружиями в цилиндрической форме. Покрыт темной минеральной краской. Второй украшен чешуйчатым орнаментом и четырьмя медальонами, на одном из них арабская вязь. Подвижного типа лари были распространены в разных районах Дагестана и имели схожий стиль орнамента и форму, могли служить в качестве лежанок. Размеры их достигали в высоту более метра и длина более двух и трех метров.

В некоторых аварских и даргинских селениях наблюдались смешанные формы лари и деревянной тахты – лари-лежанки. Получили широкое распространение в аварских селениях Тлярош, Гочоб, Цулда и др. Внутри деревянного дивана имелось пространство, своего рода хранилище. Резные орнаменты в форме розеток, кругов, сеточек, зигзагов, елочек и цепочек из колец стали декоративным его оформлением [4, с. 129].

Центральное место в интерьере горского дома занимали деревянные резные скамейки. Это самостоятельный вид дивана не являющийся ларью. Декоративная составляющая его повторяет орнаментику ларей-лежанок. В этнографической экспозиции дагестанского музея представлен деревянный резной диван XIX в. аварских мастеров. Тахта накрывалась паласом или ковром.

Примечательна в музейной коллекции небольшая деревянная низкая скамейка XIX в. высотой 20 см и длиной 28 см, украшенная резным орнаментом в виде солярных дисков и имеет четыре ножки. Создавались мастерами из цельного фрагмента дерева кустарным методом [18].

О высоком уровне художественного мастерства обработки дерева дагестанских мастеров говорят разнообразных форм поставцы XX в.

«Кунацкая» комната. Национальный музей РД им. А. Тахо-Годи, зал «Этнография»

(«учалтаны») представленные в экспозиции музея. В «кунацкой» комнате этнографического зала экспонируются два «учалтана» [10,14]. Отличались широким разнообразием форм и декоративных композиций. Редко повторялись внешние сходства. Поставцы являлись не только декоративным составляющим дома, но и использовались в быту горцев. Предназначены для хранения ложек, вилок, ножей, соли и др. В дословном переводе с аварского языка слово «учалтан» – место для вилок [5, с. 378]. Они устанавливались на стене комнаты наряду с остальными кухонными принадлежностями. Производились поставцы в основном из тонких частей дерева сосновой породы, отличавшейся гибкостью и прочностью. Некоторые мастера использовали фруктовые деревья. Центры производства «учалтанов» Северо-Западный и Центральный Дагестан. В Южном Дагестане они не производились. Глиняные их образцы найдены в селении Цахур [2, с. 25].

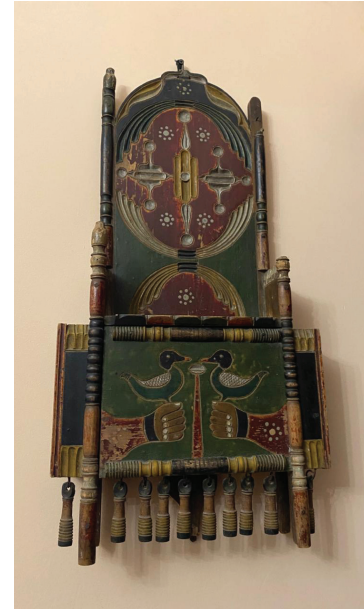

Диван-тахта XIXв. Экспозиция зала «Этнография» Национального музея РД им. А. Тахо-Годи

Дагестанские мастера вырезали из разных пород дерева хозяйственно-бытовые предметы, включая круглые подносы, корыта, кружки, бокалы, мерки, солонки, ложки, половники и др. Древесина в Дагестане широко использовалось в производстве. Ореховое дерево считалось наиболее подходящим, твердым и гибким для резных узоров. Сосна и липа занимали второе место после ореха в плане податливости в резьбе. При производстве использовались иногда липа, чинара, а также дуб, граб, бук и др. [2, с. 29].

Деревянные изделия составляли большую часть интерьера горского дома. Дополняли его медно-бронзовые и керамические предметы дагестанских мастеров. Крупнейшим центром обработки металла в Дагестане являлось селение Кубачи. Особо выделялись бронзовые котлы с крышками, богато украшенные орнаментами. Славились еще производством медно-чеканной посуды селения: Гоцатль, Ичичали, Гагатль, Корода, Чох, Согратль, Тлейсерух, Кумух, Табахлу, Мукар, Хури, Кунди и др. Изготавливались медные котлы, подносы, кувшины, тазы, чашки и др. Богатая коллекция медно-чеканной и бронзовой утвари хранится

в Национальном музее Дагестана. В экспозиции этнографического зала представлены изящные подносы, кувшины разного вида, котлы и др. Привлекают внимание большие водоносные кувшины аварских и кубачинских мастеров. Носили их горянки на родник, прикрепив к плечу специальной лентой украшенной традиционным орнаментом [8, с. 165–166]. Отличаются кувшины своей формой и отсутствием ручки у кубачинского, которую заменяет большое кольцо для крепления ленты на верхней части сосуда. Широко применялась в быту горцев также керамическая посуда. Среди крупных центров гончарного производства Дагестана были села Балхар, Сулевкент, Испик. Особенностью балхарских изделий являются белые расписные узоры в виде традиционных мотивов. В Сулевкенте производили глазурованную керамику еще со времен средневековья. Наряду с ней изготавливали посуду, не покрытую глазурью. Славилась своей красотой и техникой создания испикская керамика. Начало производства которая берет еще до монгольских походов. Она отличалась разнообразием оттенков, украшалась геометрическим и зооморфным орнаментом. Популярность в домах горцев получили декоративные испикские тарелки [7, с. 12]. Этнографическая экспозиция музея представляет несколько испикских тарелок покрытых темно-зеленой, желтой и коричневой глазурью.

Поставец XX в. Экспозиция зала «Этнография» Национального музея РД им. А. Тахо-Годи

Традиционные жилища горцев сложно представить без дагестанских ковров, служивших не только украшением дома, но и его утеплителем. С давних пор Дагестан славился ковроткачеством в самых разных его уголках – Южный Дагестан, некоторые аварские, лакские и кумыкские селения. Существует несколько разновидностей ковров: ворсовые, безворсовые, войлочные и комбинированные. Основой для производства являлась овечья шерсть, что связано с развитием овцеводства. Окраши-

вались нити натуральными красителями. Красные оттенки на коврах присутствовали больше других цветов. Получали красители с помощью растений: марены, ореха, дубовой коры, алчи, индиго и др. Дагестанские ковры отличались пестротой ярких цветов и традиционных орнаментов [9, с. 95–102.]. На развитие коврового дела в Дагестане имел значительное влияние проходивший здесь, Великий шелковый путь, позволявший вести торговлю с купцами из разных стран. В XIX в. в Дагестане получило развитие ковроткачество в промышленных масштабах [1, с. 128–129]. Богатая коллекция дагестанских ковров разных видов хранится в Национальном музее Дагестана им. А. Тахо-Годи.

Традиционная культура народов Дагестана проявлялась в самых разных аспектах жизнедеятельности и производительных направлений. Жилые строения горцев, представлял самобытный архитектурный стиль. Архаичность проявлялась в интерьере жилища в каждом его элементе. О богатом опыте и художественном развитии прикладного искусства дагестанских мастеров свидетельствуют сохранившиеся памятники музейной коллекции.

Список источников

1. Гарунова С. М. Историко-этнографические аспекты изучения дагестанского ковроткачества.//Вестник Института ИАЭ. 2017. № 4.
2. Дебиров П. М. Резьба по дереву в Дагестане. Изд. Наука. М., 1982. – 239 с.
3. Исламмагомедов А. Аварцы. Махачкала, 2002. 432 с.
4. Маммаев М. М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Дакнигоиздат. Махачкала, 1989. – 348 с.
5. Материалы Международной научной конференции. Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XVIII Крупновские чтения. М., 2014. 408 с.
6. Мовчан Г. Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. М., 2001. 525 с.
7. Крылова И. Н. Особенности развития народных промыслов на Северном Кавказе.//В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии № 5–6 (72), 2017.
8. Рамазанова З. Б. Место утвари в культуре питания народов Дагестана (XIX-начало XX вв.).//Вестник Института ИАЭ. 2012. № 1.
9. Рамазанова З. Б., Гарунова С. М. К истории освещения особенностей дагестанского ковроткачества.//Вестник Института ИАЭ. 2017. № 1.

10. Тикаева-Иниева З. Д. От И. С. Костемеревского до наших дней: История одного музея. Изд. «Мастер». Махачкала, 2024. – 184 с.
11. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Изд. «Лотос». Махачкала, 2012. – 240 с.
12. КП музея № 17431. Акт № 45. 1968.
13. КП музея № 16737. Акт № 131. 1966.
14. КП музея № 17576. Акт № 79. 1968.
15. КП музея № 27108. Акт № 34. 1980.
16. КП музея № 34853. Акт № 37. 1994.
17. КП музея № 35373. Акт № 15. 2003.
18. КП музея № 1061. 1936.

СВЯЩЕННАЯ ГОРА УТТУНАЛУ И КУЛЬТ СВЯТЫХ: СИНКРЕТИЗМ ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ И ИСЛАМА

М. Д. Сагитова
Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, г. Махачкала

THE SACRED MOUNTAIN UTTUNALU AND THE CULT OF SAINTS: SYNCRETISM OF ANCIENT BELIEFS AND ISLAM

M. D. Sagitova
ational Museum of the Republic of Dagestan named after A. Takho-Godi, Makhachkala

Аннотация: автор в своей статье впервые связывает уникальные культовые статуэтки, находящиеся в экспозиции Национального музея РД им. А. Тахо-Годи с местом их нахождения – священной горой Уттуналу в центральном Дагестане. Уттуналу будучи с древности общепочитаемой в народе и являясь межрегиональной культовой горой, ранее не исследовалась. Археологические артефакты из коллекции нашего музея, обнаруженные на этой горе, подтверждают ее возникновение как культового объекта, как минимум в эпоху раннего железа.

Abstract: in this article, the author for the first time connects the unique cult figurines from the National Museum of the Republic of Dagestan after A. Takho-Godi with their location – the sacred mountain Uttunalu in central Dagestan. Uttunalu, which has been widely revered by the people since ancient times and was an inter-regional cult mountain, has not been studied before. Archaeological artifacts from our museum's collection discovered on this mountain confirm its origin as a sacred one, at least from the Early Iron Age.

Ключевые слова: археология, Национальный музей РД им. А. Тахо-Годи, священная гора Уттуналу, коллекция, бронзовые статуэтки, древние религиозные верования, магический фольклор.

Keywords: archeology, National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Tahogodi, sacred mountain Uttunalu, collection, bronze statuettes, ancient religious beliefs, magical folklore.

Археологическая коллекция Национального музея им. А. А. Тахо – Годи является одной из самых представительных среди музейных фон-

дов Северного Кавказа и насчитывает около 20000 единиц хранения. Археологический фонд является местом сосредоточения древних артефактов, полученных в результате раскопок памятников археологии, сборов и отдельных случайных находок. Обстоятельства поступления археологических находок в музей были непростыми, иногда драматическими, но, в основном, это был бескорыстный дар людей, которые пешком, по горным дорогам или оказией везли случайно, во время земляных работ, обнаруженные вещи в музей. В 20–30-е годы такие предметы были основным каналом поступлений в археологический фонд нашего музея.

В этом, 2025 году Национальный музей им. А. А. Тахо-Годи празднует столетие, в связи с чем была организована экспедиция в горные районы Дагестана. Во время поездки в Цунтинский район, в 20 км от с. Бежта, между селами Тлядал и Анцух обнаружилось интересное культовое место «Шейхис шава», то есть «Могила шейха», вокруг которого существуют легенды, связанные со святым шейхом, но это не могила и шейх там не похоронен. При знакомстве с этим фольклором обнаруживается удивительный синкретизм с исламскими культами и локальными религиозными представлениями древнего населения Западного Дагестана. Это святое место очень похоже на другое – священную гору в нынешнем Гунибском районе со схожим сюжетом синкретизма древних религиозных верований и ислама.

Уникальные бронзовые статуэтки, обнаруженные на этой горе, с 1934 года находятся в экспозиции нашего музея, но никто не пытался связать их с местом обнаружения, и сама культовая гора, на которой они были найдены, оказалась вне внимания исследователей.

Бронзовые статуэтки женщины и козленка поступили в ДРКМ в 1934 г. Статуэтка женщины многократно описана в археологической литературе, ее высота 28 см, КП-7006. Первая публикация этой женской статуэтки связана с Северо-Кавказской экспедицией в 1937 г., когда ее руководитель А. П. Круглов посетил Согратль. Но осмотрел он совсем другое культовое место – Хурцы-Раал, на склоне которой, местный житель У. Таваков нашел другую статуэтку, поступившую в наш музей в 1935 г.: женщины с меркой и в чохто на голове. Видимо, такая путаница произошла из-за плохого владения горцами русским языком, к тому же, сыграл роль факт нахождения двух столь ярких образцов древней бронзовой пластики за короткое время близ с. Согратль.

Подробное описание статуэтки, которую А. П. Круглов, в тот период карифей археологической науки, назвал божеством весьма сдержанно. «Сделана статуэтка довольно грубо, спереди имеется много выщерблин, получившиеся в результате плохой формовки, а сзади грубые насечки или незаделанные швы. Такие швы видны на шее, от затылка до уровня плеч, ниже они идут по середине спины, а далее расходятся до середины обеих ног. Такие же насечки видны и на плечах. В выщерблинах, имеющихся спереди, видно, что статуэтка заполнена формовочной массой серого цвета. Моделировка головы очень несовершенна. Грубые черты лица, прямой нос, большой рот, тяжелый подбородок, посадка головы на прямой шее – все это придает статуэтке мужской облик. Волосы намечены только спереди. В ушах сделаны круглые отверстия для подвесок. На голове, вероятно, была петля для подвешивания фигурки. На лице сделано несколько зарубок, проходящих через волосы, левую бровь, левую щеку, рот и подбородок. Руки согнуты в локтях и подняты так, что кисти рук находятся против груди. В руках были укреплены какие-то предметы, так как пальцы, согнутые в кулак, образуют вертикальное круглое отверстие. Ноги в нижней части соединены перемычкой, а к их ступням приделано кольцо, возможно, для подвешивания колокольчика. Поверхность покрыта темно-зеленой благородной патиной» [8, с.35–36].

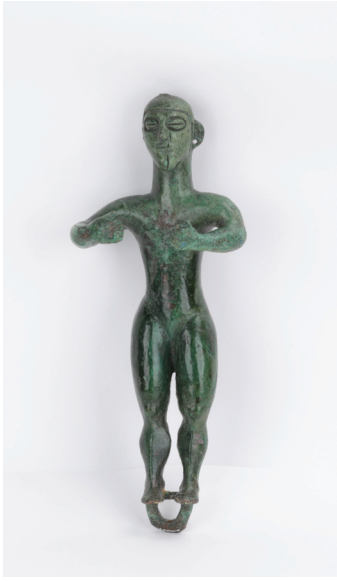
Статуэтка женщины получила в литературе и другое, восторженное описание и является, говоря словами художника и археолога В. И. Марковина «истинным шедевром бронзовой пластики»: «Эта дагестанская Венера обладает всеми канонами горской красоты, у нее длинная шея, небольшие конические груди, хорошо развитые ноги и руки. Ее отливал мастер, знавший, что удел женщины прежде всего труд. Прямой нос, большие глаза и приятной формы губы дополняют облик статуэтки. В ушах видны дырочки (они сделаны для сережек), затылок побрит, лишь небольшая челка украшает лоб да вдоль висков спадают волосы. Пусть не удивит вас такая прическа: еще совсем недавно аварские женщины некоторых аулов, выходя замуж, брили головы» [11, с.84], [10, с.86, 88].

Статуэтка женщины изображена в так называемой позе «распростертого объятия» держит руки, согнутыми в локтях и на уровне груди, при этом, кулаки ее полусогнуты, как будто она держит какие – то палочки (штандарты?). Наличие отверстий в ушах нашей, очевидно, Богини Пло-

дородия предполагает наличие головного убора – чохто с орнаментом в виде трехчастного символа Великой Богини [13, с.376]. Чохто носили днем и ночью, не снимая, как главный элемент одежды, для создания образа Великой Богини, а украшения: височные подвески и серьги были его частью. Возможно, статуэтка женщины «носила» не только чохто, но и платье, как единый комплект. Ноги статуэтки соединены перемычкой, наподобие петли для подвешивания колокольчика, как на предметах известного казбекского клада, а голова, возможно, крепилась к цепи, подвешенной к шесту [9, с. 28].

Рядом со статуэткой женщины найдена фигурка козленка размерами 9,8–7,5 см, КП-2354. Козленок, со сведенными ножками, соединенными перемычкой, в результате чего тонкое туловище выгнулось в дугу, имеет грациозный вид. Мастер точно передал анатомические особенности козленка, едва проступившие рожки и мордочка очень достоверны. Он оказался обделенным особым вниманием исследователей и в книге поступлений музея обозначен, как «теленок». Сам факт нахождения статуэток женщины и козленка рядом, вероятно, имело сакральное значение. Исследователи обратили внимание на композицию «козел-женщина» на древних наскальных изображениях и других артефактах, где женское божество, сопровождаемое козлом, олицетворяет идею плодородия и кровного родства [5 с.34]. Горцы очень трогательно относились к детенышам коз и овец, называли своих детей и внуков их названиями. Козлята обожествлялись в древности и их изображали на различных артефактах рядом с женщинами – ипостасями Богинь Плодородия, вероятно, в качестве «ее детей».

Фигура козла рядом с изображением богини плодородия олицетворяет мужское начало. В кавказском танце «лезгинка» женщину, движущуюся по спирали, сопровождает мужчина (из фольклорных и этнографических материалов известно, что в старину это был ряженый, изображающий козла). Символика образа женщины, сопровождаемой козлом, сложился в глубине веков, когда важной частью жизни людей в древности были театрализованные культовые действия. Движение по спирали – это символ бесконечности жизни, плодородия и магическое действие одновременно – пожелание плодородия и благосостояния. Козел был связан с идеей плодородия, он выступал, как носитель оплодотворяющей и плодоносной силы. Датируются статуэтки VII–VI вв. до н. э.

Статуэтка женщины, Дагестан, Гунибский р-н, с.Согратль, культовая гора Уттуналу, VII-VIвв. до н.э., бронза, плавка, литье. НМРД им. А. Тахо-Годи

Статуэтка козленка, Дагестан, Гунибский р-н, с.Согратль, культовая гора Уттуналу, VII-VIвв. до н.э., бронза, плавка, литье. НМРД им. А. Тахо-Годи

По информации из карточек музейного архива статуэтки были найдены на горе Росдал меэр, в 8–9 км от с. Согратль во время установления триангуляционного знака геодезистами. Вероятно, члены землеустроительной экспедиции прибыли на самую высокую точку Гунибского района (высота 2906 м над у.м.) из с. Согратль, куда административно относится территория, на которой расположена эта гора, для проведения топографических работ. В книге М.И. Исакова дана информация, которая повторяется и в другом своде археологических памятников Дагестана: «К 8–9 км к Ю-З от с. Согратль, близ с. Наказутль (Наказух), на вершине горы Росдан (л) меэр, находится жертвенное место. Оно было обнаружено жителями при земляных работах в 1934 г. Найдены бронзовые литые фигурки человека и теленка, впоследствии поступившие в ДРКМ…» [7, с.74], [1, с.202]. Очевидно, М.И. Исаков не интересовался местонахождением этих вещей, а в следующий свод памятни-

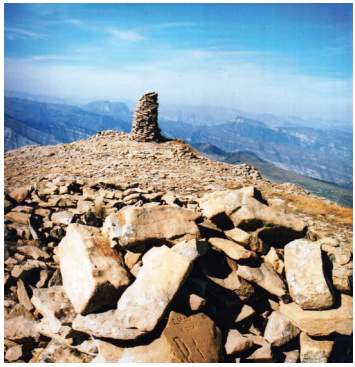
Культовая гора Уттуналу

ков попала информация первого автора. Дело в том, что слово «Росдал меэр», в переводе с аварского «гора (нашего) села» обозначает большую территорию пастбищ вокруг вершины, на которой найдены статуэтки, а самую высокую точку этой горы, на которую утром садится первый луч солнца согратлинцы называют «Будал АхIмадил рукъ» – «Дом или жилище будалальского Ахмада». Официальное название этой горы, указанная на картах – Уттуналу (в переводе с лакского Уттуналу – «Козлиный зад»), находится на границах Лакского, Чародинского и Гунибского районов, то есть, Казикумухского шамхальства, вольных обществ Андалал и Рисор в прошлом. Политическая организация общества отражалась и на организацию культовых мест. Видимо, это был общепочитаемый центр, межобщинной культовой горой для жителей территорий этих обществ. Культ гор сыграл большую роль в формировании психологии и мироззрения людей. «Горы в представлении человека древности были источником очищения духа и святости» [12, с.472]. «Оролатрия являлась наиболее выдающейся стороной древних верований, так как именно почитаемые горные вершины «стягивали» к себе божества всего пантеона как место их обитания» [3 с.152].

Уттуналу, безусловно являясь одной из значительных священных гор в центральном Дагестане, оказалась вне внимания ученых. Самая высо-

кая точка этой горы расположена на пологой возвышенности в гряде, которая тянется с юга на запад, образуя со стороны Чародинского района глубокую, впечатляющую котловину и имеет грандиозный обзор, украшающий пейзаж. В 1970 г. Гунибский райком Комсомола организовал восхождение на эту гору с воодружением Красного знамени на ее вершину в честь 100-летия В. И. Ленина и она была названа «Пик Ленина». Дерзкое восхождение призывников на Седло-гору в 1935 г., воспетое Гамзатом Цадасой, как победу нового поколения над суевериями описывает М. А. Агларов [3, с.37].

В период засухи на гору поднимались женщины окрестных сел просить дождь, на вопрос, почему не участвовали мужчины информатор (Палахова Сарат, 1917 г. р., с. Наказух) ответила, что женщины во время обряда в прошлом, обнажались. Наряду с зикр исполняли старинные «оды» – восхваления в честь, «живущих» на горе ангелоподобных существ, горных духов (бесполые и невидимые существа) – Будалаалал. Они были покровителями животных, растений и обладали другими божественными характеристиками. Вот отрывки из обрядового фольклора тех, кто участвовал в церемониях вызова дождя, записанные в с. Наказух и Бацада: «Будалаалазе гIоло, байги Бечед чвахун цIад!; БахцалцIаназе гIоло, байги Бечед чвахун цIцIад!; ХIутI-хумуралъе гIоло байги Бечед чвахун цIцIад!» Информ. Сагитова Заграт, 1918 г. р.). (Ради Будалаал, пошли Господь обильный дождь; ради коз и козлят, пошли Господь обильный дождь; ради червей-насекомых, пошли Господь обильный дождь…). «ГIазул цIахIа, цорол бусен! Нуж гьардарал Будалалал!; Макърил тIажу, тIамхил кунта! …Бихьин-цулъи нужер гьечел! …Кванай гьекъей нужер гьечел! …Бесдал тезе лъимал гьечел! …Къорол тезе лъудби гьечIел! …АхIлъун тезе хIурзал гьечел! …ЧIунтун тезе мина гьечIел! …Алжаналъул бутIа бугел! …Табаалъул гъотолъ ругел! …» Информ. Муртазалиева Арапа,1905 г. р. (Шуба из снега, постель из льда; Штаны из щепок и платье из листьев; Нет у вас мужского-женского пола!; Не едите вы и не пьете!; У вас нет детей, чтобы оставить их сиротами!; У вас нет жен, чтобы оставить их вдовами!; У вас нет полей, чтобы не забросить их!; У вас нет домов, чтобы они остались разрушенными!; Вы обладаете частью рая!; Вы под покровительством небес!). После каждого предложения основного исполнителя идет рефрен протяжным хором: «Нуж гьардарал БудалгIалал» – «Счастливые Будалаальцы!» или «До здравствуют Будалальцы!», который озвучивался специфическим

Вершина священной горы Уттуналу («Будал АхIмадил рукъ»)

Зиярат на могиле Будал АхIмад в с.Согратль

музыкальным мотивом, отличным от исполнения исламского зикра. Очевидно, это крупицы в памяти населения из жизни, быта и функций этих языческих божеств, а также богатого фольклора, которым сопровождали церемонии с жертвоприношениями на вершине этой горы, стертые и искорененные исламом.

В древности на гору Уттуналу, вероятно, поднимались процессиями, с песнопениями, восхваляющими богов, с молитвами о плодородии и достатке, несли с собой подвешенные на шесты (слово «шествие» – от слова шест) статуэтки божеств, и «штандарты» с навешанными на цепи культовыми фигурками животных, в образе которых олицетворялись божественные силы природы. По пути из с. Наказух на эту культовую гору встречается площадка – «Щоб» на краю пропасти с впечатляющим пейзажем, на которой исполнялся «Щобил кечI» – песня Щоба, видимо, участники церемонии, переполненные восторгом, здесь запевали. Можно предположить, рефреном к этой песне был припев: «Вай Далай! Дала-лай, далай далалай», сохранившемся в современном лирическом песенном фольклоре аварцев наряду с «Щобил макъан» – «музыкой Щоба».

Одним из главных элементов древних религиозных верований была первобытная магия. Магии сопутствовали обрядовые действия, церемонии, в которых важное место занимали специально для этого изготовленные предметы: антропоморфные статуэтки, фигурки бронзовых животных и другие атрибуты, используемые в магических действиях. Для этой цели и были изготовлены наши статуэтки, магия должна была помогать

и, предполагалось, что человек, обладающий этими антропоморфными и зооморфными изображениями, приобретал их привлекательные черты: красоту, силу, ловкость, быстроту и т. д. [6, с. 82]. Во время осмотра вершины горы Уттуналу в 2002 г. были обнаружены многочисленные штольни, где добывали железную руду в древности, с чем и было, вероятно, связано возникновение этого культового места. Эти искусственно созданные образования в виде «лабиринтов», «коридоров» и больших щелей под ногами, увенчаны бесформенными каменными остовами и плитняком у входа, наподобие «зева» подземного чудовища, иногда просто как хаотическое нагромождение камней, привлекая поломников и будоража их воображение. Поломники залезали в эти штольни и, по поверью, грешные отсюда не могли вылезать.

Название этой горы «Будал АхІмадил рукъ» у согратлинцев связано с легендой о святом шейхе, блаженном Ахмеде, который обладал элементами гипноза (сиру-раббан), жил на горе отшельником, кормил там диких копытных (чундил), посреди зимы приносил в село зеленые съедобные растения (нарщуби). На святую гору он ушел жить после того, как вступил в конфликт во время обучения в медресе Мамма Дибира из Арчиба из-за своей неряшливости. Когда пришло время умереть, он покатил с горы свой бубен и сказал, чтобы его похоронили там, где бубен остановится. Известно, что шейх и богослов Мамма Дибир из Арчиба (ум.в 1878 г.) учился в Согратлинском медресе, но шейх Будал Ахмад не мог учиться при Мамма Дибире в Арчибе, так как умер в 1640-х годах и похоронен в Согратле. На горе высотой около 3000 м. над у. м. во временном шалаше («паж») холодно не только зимой, но и летом и, конечно, жить там невозможно. Г. Ф. Чурсин, посетивший Согратль в 1927 г. пишет: «В Согратле имеются три могильные постройки, пользующихся особою известностью; это могила шейха Яраги, могила Сурхай-хана Казикумухского и могила одного юродивого. …Юродивый и в самые суровые зимы жил на горных высотах, среди снегов. Однажды он бросил с горы вниз свой бубен и сказал: «где он упадет, там меня и похороните». Бубен упал на том месте, где сейчас могила юродивого» [14, с.48–49].

Тут, налицо, миф связанный с культом святых, который является реликтом древнейшего пласта шаманских верований, хотя сам персонаж не выдуман, ученый Ахмад жил в Согратле, остались даже его стихи на арабском и могила, которая стала зияратом куда приходят просить бараката шейха и себе здоровья. Телепартация на отдаленную священную

гору, приписываемые ему чудеса и наличие бубна выдает в нем шаманские черты. В Дагестане большой пласт подобного этнографического полевого материала, который мало исследован [4, с.210–256]. Наш материал интересен тем, что обнаруженные на священной горе древние археологические артефакты и культ святого представляют удивительный синкретизм древних верований и ислама, отразившись в имени Будал АхIмад и его «доме» – священной горе Уттуналу.

Список источников

1. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993
2. Агларов М.А. Языческое святилище на вершине горы Бахарган // Мифология народов Дагестана, Махачкала, 1984 г. С.36-42.
3. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII - нач. XIX в. М., 1988.
4. Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в IX – начале XX в., Махачкала, 1990.
5. Дебиров П.М. Семантика мотива трехчастной композиции в рельефном орнаменте некоторых сосудов эпохи бронзы Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана, Махачкала, 1990 г. С.30-43.
6. Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984.
7. Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.
8. Круглов А.П. Культовые места горного Дагестана. // Кратк. Сб. докл. и полев. исслед. ИИМК XII, Л.-М., 1946г. С.31-40.
9. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.,1960.
10. Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа. // Новое в археологии Северного Кавказа, М., 1986 г.С.74-124.
11. Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана, 2014.
12. Мовчан Г.Я. Старый аварский дом, 2001.
13. Сагитова М.Д. Чохто: этнографический и археологический аспекты изучения // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. // XXVII Крупновские чтения, Махачкала, 2012 г. С.374-377.
14. Чурсин Г.Ф. Авары. Махачкала, 1995.

КОЛЛЕКЦИЯ КЕРАМИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ И НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

П. И. Дибирова
Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, г. Махачкала

THE CERAMICS COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM AND NEW ACQUISITIONS

P. I. Dibirova
National Museum of the Republic of Dagestan named after A. Takho-Godi, Makhachkala

Аннотация: в статье рассматривается история формирования коллекции керамики Национального музея Республики Дагестан, начиная с момента основания музея в 1925 году. Основное внимание уделено характеристике главных центров керамического производства Дагестана (Балхар, Джули, Кахул, Сулевкент, Дербент), представленных в собрании музея. Освещаются вопросы атрибуции сложных экспонатов, история поступления уникальных предметов, в том числе связанных с именем Имама Шамиля, а также роль музейной работы в научном изучении коллекции.

Abstract: The article examines the history of the formation of the ceramics collection of the National Museum of the Republic of Dagestan, since its foundation in 1925. The main focus is on the characteristics of the main centers of ceramic production in Dagestan (Balkhar, Jully, Kahul, Sulevkent, Derbent) represented in the museum's collection. The issues of attribution of complex exhibits, the history of the receipt of unique items, including those associated with the name of Imam Shamil, and the role of museum work in the scientific study of the collection are covered.

Ключевые слова: Национальный музей Дагестана, керамика, фонды, Балхар, Дербент, Шамиль, атрибуция, новые поступления.

Keywords: National Museum of Dagestan, ceramics, funds, Balkhar, Derbent, Shamil, attribution, new acquisitions.

Официальное открытие музея состоялось 1 апреля 1925 г. Первона-

чально все фонды находились в одном помещении, а в 1967 г. музей переехал в специально построенное здание. В 1978 г. была проведена реорганизация фондов, а в 1982 г. создан отдельный фонд «Керамика».

Сегодня коллекция насчитывает более 2150 предметов. Её ядро сформировано в 1920–1930-е годы и поступило главным образом из Государственного музейного фонда Москвы и Петербурга. В его составе – западноевропейский фарфор знаменитых мануфактур (Мейсена Севра Веджвуда) и российские изделия фабрик Гарднера, Попова, Кузнецова и других; всего около 850 предметов. В разные годы коллекция пополнялась за счёт закупок и щедрых даров от известных искусствоведов и знатоков народного искусства. При этом с 1958 по 1969 год значительная часть собрания – около 800 предметов – была передана в Дагестанский музей изобразительных искусств.

Предметы из фондов отдела керамики представлены в экспозициях музея (80 предметов), около 300 единиц, в филиалах нашего музея, а также активно используются в выставочных проектах.

Среди многочисленных произведений наиболее интересных экспонатов, придающих уникальность всему собранию, необходимо выделить центры Дагестанской керамики – Балхар, Джули, Кахул неполивная и поливная керамика Кала, Сулевкент, Испик, Дербент.

Наибольшую часть коллекции составляет балхарская керамика (свыше 390 экспонатов) Акушинского района – единственный живой керамический центр Дагестана. Точная дата возникновения здесь гончарного производства неизвестна, но его традиции считаются древними. Керамика в Балхаре – традиционно женское занятие. Изделия формируются жгутовым способом на гончарном круге, украшаются росписью ангобом растительно-геометрическими мотивами. Балхарская игрушка (126 изделий) сейчас это самостоятельный вид народного творчества. Интересны миниатюрные скульптурные композиции из глины – словно живые сцены из жизни аула, как правило, они окрашены добрым юмором. Самый популярный, пожалуй, дагестанский ослик, везущий груз или седока. Метко и образно подмечены характерные черты домашних животных. В музее хранятся работы талантливых балхарских мастериц: Бизалкурбановой П., Гаджибутаевой П., Газимагомедовой А., Газибагаевой, Р., Даудовой А., Мусаевой П., Магомедовой П., Омаевой П., Умалаевой З. и др.

Балхарскую керамику напоминают изделия из с. Джули (34 предмета)

Табасаранского района. Но джулинская керамика имеет более классические формы, нередко напоминающие античные амфоры, и более простой, но при этом элегантный декор (волнистые линии, концентрические круги, S-образные элементы). Орнамент в Джули нанесен на центральную часть сосуда белым и красным ангобом не тонкой кисточкой, а кусочком войлока. Табасаранский район богат лесами, обжиг производился дровами, в результате чего она имела ровный розовый черепок, серый же здесь считался браком. Изготовлением и сбытом посуды в Джули занимались мужчины. Гончарные изделия производятся на ручном станке жгутовым способом. К сожалению, активное гончарное производство в Джули прекратилось в шестидесятые годы XX столетия.

Наиболее древним и примитивным способом в Дагестане изготовлялась глиняная посуда в лезгинском с. Кахул (3 предмета), где посуда изготавливалась без гончарного круга и обжига на костре. Добавки из толчёного камня и волоса придавали прочность. Кахульская керамика, украшенная процарапанным узором, считается прямым наследием неолита. После переселения жителей в 1950-е гг. промысел исчез.

В ходе экспедиции в Рутульский район мы убедились, что не только в Кахуле производили примитивную керамику, но и в сёлах Лучек, Амсар, Шиназ, из которых в музей поступило 6 предметов. В одном из помещений дома культуры, выделенного под музей, мне удалось увидеть керамические сосуды «кахульского» типа. Оказалось, что они были сделаны местными мастерицами по керамике – Казимагомедовой Свабат и её дочерью Гюльназ. В другом доме-музее Меджидовой Ханум Кадыровны где она собирает экспонаты со всего села. Нам удалось уговорить хозяйку подарить музею сосуд работы этих местных мастериц.

В ближайшем селе Амсар библиотекарь Курбанова Джейран Абдуламиновна подарила нам керамическую кружку местного изготовления и рассказала, что в детстве многие девочки вместе со взрослыми занимались лепкой и запекали заготовки в печи-«хар», где пекли хлеб. Эти кружки очень напоминают раннесредневековые археологические находки.

В селении Шиназ житель Меджидов Кадыр Бадрудтдинович подарил нам два керамических сосуда работы его бабушки Кадыровой Ашуры.

Основным центром поливной керамики Дагестана издавна считается Дербент и примыкающие к нему несколько лезгинских сел. Археологи

считают, что все существующие в Дагестане очаги поливной керамики образовались на базе Дербентской. Таким образом, Дербентской керамикой мы условно называем полихромную глазурованную керамику, которая изготовлялась в Южном Дагестане, начиная с раннего средневековья до начала XX века. Дербент богат сырьем для производства керамики, изготовления различных видов стекловидной поливы, минеральных красителей и ангобов. В нашем музее имеются великолепные поливные и глазурованные блюда (27 предметов), расписанные в легкой динамичной манере раскованными движениями кисти.

Так называемая «испикская» (25 предметов) керамика – еще одно загадочных дагестанских ремесел, о происхождении которого до сих пор спорят искусствоведы, археологи и этнографы. Ее изготовление полностью прекратилось еще в XIX веке. Исследователи сходятся лишь в одном вопросе – это декоративный характер изделий, которые никогда не использовались в быту. Отсюда и столь яркий окрас. В декоре часто встречаются стилизованные изображения коней, птиц, солярные знаки, растительные элементы, реже антропоморфные фигуры. Название «испикские блюда» вела в научный оборот Э. Кильчевская, исследователь материальной культуры Дагестана. По версии Э. Кильчевской, их производили в селении Испик, возможно, на основе более древних традиций Калы – центра бирюзовой керамики, существовавшего до XIV в.

Кала – один из самых древних промысловых гончарных центров, который также совершенно не изучен в истории. Как полагает искусствовед Э. В. Кильчевская: «Производство бирюзовой керамики прекратилось в XIV веке» [7, с. 44]. Произошло во время монгольского нашествия. В музее две единицы в головном музее и в филиале г. Кизляре. Кахульскую посуду изготовляли исключительно женщин, в то время как в Кала, Испике, гончарами были мужчины, а женщины лишь изредка занимались нанесением росписи и украшений.

Сулевкентская керамика (104 предмета) функциональна. Её декор очень скуп, но именно в этом и заключена её главная эстетическая ценность. Изначально жители села Сулевкент проживали в Дахадаевском районе Дагестана, в нескольких километрах от знаменитого аула Кубачи. В 1944 году, в результате сталинских репрессий, жители села были переселены в ЧИ АССР. В период хрущёвской «оттепели» репрессированные народы, в том числе чеченцы, были реабилитированы и вернулись

в свои сёла. По этой причине сулевкентцы были вынуждены покинуть дома и вернуться в Дагестан. В 1957 году их переселили в Хасавюртовский район, и промысел заглох. Однако в последние годы наблюдаются достаточно успешные попытки его возрождения.

Ярким примером творчества сулевкентских мастеров является работа Али Вишкаева (Инв. № 18544). Это изделие уникально тем, что сочетает в себе традиционный рельефно-лепной и штампованный узор с советской символикой – пятиконечной звездой, демонстрируя связь эпох и адаптацию традиционного искусства к новым историческим условиям.

Наибольший интерес в нашем фонде керамики представляет обширная коллекция персидского фаянса XIV – XIX вв. Она включает в себя большие и малые блюда, сосуды (фиалы) и изразцы, поступившие в музей благодаря многовековым историческим связям Дагестана с Ираном. Будучи его провинцией на протяжении столетий, Дагестан поддерживал с этой державой активные торговые отношения, что и обусловило устойчивую традицию ввоза иранской керамики. Сегодня коллекция насчитывает свыше 190 предметов.

Формирование и изучение этого собрания – заслуга нескольких экспертов. Так, моя предшественница по фонду, П. М. Саадуева, привлекла к работе специалиста по персидским фаянсовым изделиям Р. С. Ханукаева – автора фундаментального труда «Персидские фаянсовые изделия». Его помощь в атрибуции предметов оказалась неоценимой.

Кубачи, которое известно не только как центр дагестанского искусства, но и как сосредоточение потомственных собирателей. Многие из этих изделий являются раритетами, не сохранившимися даже на родине, в Иране. Именно поэтому обширная группа иранского фаянса, по месту своего бытования, сначала в антикварной среде, а затем и в науке, приобрела условное название «кубачинской» [6, с. 64–68].

В Кубачах эта керамика никогда не была просто утилитарной посудой; её главная функция – декоративная и статусная. Она украшает интерьеры жилищ, формируя подобие домашнего музея, где предметы сгруппированы в строгие ряды по размерам и типам, и передаётся по наследству в качестве важнейшей части приданого или свадебного дара [12, с. 4].

Более того, древние образцы служат неиссякаемым источником вдох-

новения и изобразительных мотивов для современных кубачинских мастеров. Например, молодая местная художница Маммаева Патимат создаёт для новых семей точные копии иранских тарелок, искусно воспроизводя все следы времени – потёртости, потемнения, кракле и даже следы старой реставрации. Это позволяет тем, у кого нет фамильной «приданной» керамики или возможности приобрести антикварные образцы, сохранять традицию и устраивать свой собственный домашний музей.

Учитывая эту живую и непрерывную традицию преемственности, было бы крайне целесообразно и нашему музею приобрести подобные работы современной художницы. Это позволило бы не только расширить коллекцию, но и наглядно продемонстрировать связь между историческим артефактом и его современной интерпретацией в динамике культурного процесса.

Очень помогает в работе ведение Единого государственного каталога музейного фонда РФ. Как например атрибуция кувшина за инв. № 17564. Археолог М. Сагитова предполагала, что это сосуд сарматского периода, который значительно позже мог быть расписан масляными красками, и, следовательно, он должен храниться в фонде «Археология». Однако по внешнему виду кувшина зачастую невозможно точно определить время его изготовления. Когда я обнаружила абсолютно идентичный сосуд в коллекции Государственного Русского музея, атрибутированный как восточный кумган. Выяснилось, что наш кумган является работой гончарных мастеров деревни Репино Нижегородской области. Они сохранили восточную форму сосуда, которая вошла в русскую керамику в XVII–XVIII веках и, по их словам, называлась «сосуд пустыни». Тем не менее, вполне вероятно, что, как полагает М. Сагитова, изначальной основой для подражания мог послужить древний сарматский кувшин.

Особый интерес представляют и личные вещи политических, общественных деятелей, ученых, просветителей и писателей, а также история их поступления в музей. Ярким примером служат вещи, принадлежавшие Имаму Шамилю (инв.№ № 15976/1–3, № 15979/1–3). Это туалетный гарнитур, состоящий из таза, кувшина и мыльницы, а также цветочный гарнитур из трёх ваз. Данные предметы были присланы из города Калуги в 1959 году Аллой Григорьевной Козловской – двоюродной внучкой жены сына Шамиля Мухаммад-Шапи. История этих вещей восходит

к 26 августа 1866 года, когда в парадном зале Калужского губернского дворянского собрания Шамиль вместе с сыновьями Гази-Мухаммадом и Мухаммадом-Шапи принёс присягу на верноподданство России. После церемонии с визитом к Шамилю приехал губернатор Калуги и преподнёс ему эти вещи в качестве подарка. На дне предмета – рельефное клеймо с изображением башни, буквами «JBD» и надписью «Austria». Оно принадлежит чешской компании Julius Dressler, основанная в Северной Богемии (JBD). Надпись «Austria» указывает на производство в Богемии, входившей до 1918 года в состав Австро-Венгрии.

Предметы, принадлежавшие наибу Шамиля Хаджи-Мурату (инв.№ 855, № 629). 3 октября 1924 года Председатель Совнаркома республики Джелал-Эд-Дин Коркмасов передал в дар музею личные вещи, принадлежавшие Хаджи-Мураду: молитвенный коврик, тарелку и кувшин. Нам неизвестна история приобретения Коркмасовым этих реликвий. Скорее всего он знал цену этим немым свидетелям великой истории, а посему они и оказались в его надежных руках, впоследствии став народным достоянием.

Чернильный прибор (инв.№ 17911) является даром Магомеда Эфендиева и был подарен ему самим Л. Н. Толстым. Магомед Эфендиев (известный под псевдонимом Алиев Сабри), ученик Льва Николаевича Толстого, был жителем села Белинджи Дербентского района. Пятнадцатилетним юношей он был отправлен в ссылку в Тульскую губернию, где находился с 1905 по 1917 год. Четыре года из этого периода Магомед жил в Ясной Поляне, имении Льва Толстого, и учился в крестьянской школе, открытой великим писателем. М. Эфендиев является автором книги воспоминаний о своём пребывании в ссылке, и особенно о годах, проведённых в Ясной Поляне, которая называется «Юный узник».

Таким образом, керамическое искусство Дагестана, возникновение которого прослеживается с эпохи неолита, представляет собой уникальное явление с непрерывной многовековой традицией. Как метко отмечал исследователь А. А. Миллер, «в материальной культуре … народов Дагестана сохраняются до нашего времени архаизмы совершенно исключительного научного значения. Они имеются налицо как во всем аппарате домашнего хозяйства, так и в народных промыслах…» [9, с. 19]. Именно эти архаичные традиции, прошедшие через тысячелетия, делают дагестанскую керамику ценнейшим национальным достоянием.

Ключевую роль в сохранении этого живого наследия играет музей. Его деятельность не ограничивается пассивным хранением: фонд «Керамика» полностью научно описан и каталогизирован, а коллекция активно экспонируется на многочисленных выставках. Эта работа обеспечивает доступность уникального культурного феномена для науки и широкой публики, гарантируя преемственность традиций и в будущем.

Список источников

1. АвгустиникА. И. Керамика – Москва,1975.
2. Артефакт. Каталог музеев: [сайт] URL https://ar.culture.ru/ru/subject/kumgan (дата обращения 05.02.2025 г.).
3. Булатова А. Г. Гончарное производство табасаранцев во второй пол. XIX нач. XX в.: По материалам с. Джули//Хозяйство народов Дагестана. Сб. статей ИЯЛИ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1979. С. 45–60.
4. Булатова А. Г. Лакцы (XIX нач. XX в.): Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С. 180.
5. Гаджимурадов С. М. Основы художественной керамики. Махачкала, 1987.
6. Иванов А. Фаянсовое блюдо XV в. из Машхада. С. Г. Э. XLV. 1980. С. 64–68.
7. Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., С. 44.
8. Мамаев М. М. Декоративно прикладное искусство Дагестана. Махачкала. 1989.
9. Миллер А. А. Древные формы материальной культуры современного населения Дагестана. (Материалы по этнографии. Том, IV вып. 1) М.,1927. С. 19.
10. Марковин В. И. Дорогами тропами Дагестана. М., 1988. С. 184-81-86.
11. Учетные документы Национального музея РД имени А. Тахо-Годи.
12. Ханукаев Р. С. Персидские фаянсовые изделия. С-П., 2015. С. 4.
13. Чирков Д. Декоративное искусство Дагестана. М.,1971.
14. Шиллинг Е. М. Балхар. Пятигорск, 1936.
15. Шиллинг Е. М. Дагестанские этнографические экспедиции [1944–1946]. М., 2013. С. 70–80.
16. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М., 1949.
17. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

ОТ КРАЕВЕДЕНИЯ ДО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА И ДЕРБЕНТА

Н. Г. Эмиров
Дербентский музей-заповедник,
г. Дербент

FROM LOCAL HISTORY TO THE SCIENTIFIC STUDY OF THE HISTORY OF DAGESTAN AND DERBENT

N. G. Emirov
Derbent Museum-Reserve,
Derbent

Аннотация: в статье на основе изучения и анализа имеющихся материалов освещены важные аспекты краеведческой науки и этапы ее развития. Неоценимый вклад в ее становление внесли известные дагестанские краеведы Алибек Тахо-Годи и Петр Иванович Спасский. Археологические экспедиции ведущих советских, российских и дагестанских исследователей на протяжении всего XX в. стали источником формирования исторической науки и краеведения Дагестана.

Abstract: the report, based on the study and analysis of available materials, highlights important aspects of local history science and the stages of its development. Famous Dagestan local historians Alibek Takho-Godi and Pyotr Ivanovich Spassky made an invaluable contribution to its formation. Archaeological expeditions of leading Soviet, Russian and Dagestan researchers throughout the 20th century. became the source of the formation of historical science and local history of Dagestan.

Ключевые слова: краеведение, археология, история, экспедиция, музей, Дагестан, Дербент.

Key words: local history, archeology, history, expedition, museum, Dagestan, Derbent.

Изменения глобального характера, произошедшие в России на рубеже XX вв., благоприятствовали развитию нового оригинального направления, как историческое краеведение. Которое стало выполнять ряд общественно-полезных функций: научно-исследовательскую,

Алибек Тахо-Годи — дагестанский революционер, общественный и государственный деятель, краевед, ученый и мыслитель

культурно-просветительскую, а также функцию по выявлению и хранению исторических памятников, формированию исторического сознания, воспитания патриотизма и т. д. Если говорить о историческом краеведении как форме деятельности, то в основном это сохранение истории и культуры родного края.

Не одно десятилетие наблюдается повышенный рост исследовательского интереса к истории населенных пунктов Дагестана. Особое влияние на этот рост оказывают Дагестанское республиканское отделение Русского географического общества, ДРОО «Дагестан краевед» Дагестанский научно-краеведческий центр, а также региональное отделение общественной организации «Российское военно-историческое общество».

Можно выделить несколько этапов развития исследовательского интереса краеведения:

1) 1920-е – конец 1930-х гг.;
2) 1950-е – первая половина 1960-х;
3) вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг.;
4) конец 1980-х гг. – настоящее время.

В данной работе мы поговорим о выдающихся и ярких личностях многонационального Дагестана, которые внесли вклад в развитие отечественного краеведения, культуры и науки.

Достойное место занимает А. Тахо-Годи – дагестанский революционер, общественный и государственный деятель, краевед, ученый и мыслитель.

Вклад Тахо-Годи в развитие истории и культуры Дагестана трудно переоценить. Он является одним из первых ученых, заложивших основы современного направления историко-краеведческого изучения Дагестана и Северного Кавказа [2]. Он приложил много сил для выявления, сбо-

ра, классификации и популяризации материалов об истории, культуре, о природных богатствах Дагестана. А. Тахо-Годи сочетал в себе черты историка, этнографа и краеведа. Он неоднократно указывал на необходимость проведения историко-этнографических исследований, касающихся всех народов Дагестана и Кавказа. Тахо-Годи является одним из основоположников национального краеведения, в задачу которого входили вопросы национально-культурного строительства. Интерес представляет не только практическая работа по формированию краеведческих организаций на Кавказе и в Дагестане, но и принадлежащий ему системный подход к определению краеведения как с точки зрения метода, так и с точки зрения объекта исследования.

Немалый вклад в развитие краеведения в Дагестане внес Петр Иванович Спасский, который являлся большим энтузиастом, краеведом и преподавателем. Имя этого человека было незаслуженно забыто в истории северокавказского краеведения и музееведения.

Спасский П. И. много сделал для развития научных исследований в Южном Дагестане. Он был организатором и первым директором краеведческого музея в городе Дербенте. Здесь же Пётр Иванович организовал краеведческий кружок, в который вошли школьники, увлекающиеся историей родного края.

Со временем кружок расширился, во главе со своим руководителем и его женой дети занимались сбором экспонатов для школьного краеведческого музея.

В июне 1926 г. правительство Дагестана опубликовало специальное постановление об охране памятников старины. В нем говорилось, что все памятники старины должны быть взяты на учет местными исполкомами при помощи работников просвещения и описаны согласно инструкции, а весь «описательно-регистрационный материал» передан на хранение в местные органы власти, один экземпляр должен поступить в Дагестанский музейный комитет в Махачкале.

В 1926 г. Спасский П. И. возглавил по предложению Дагестанского научно-исследовательского института экспедицию в Дербентский и Кайтаго-Табасаранский округа.

Президиум Дагестанского ЦИКа, основываясь на решении III сессии ЦИК ДАССР 6-го созыва от 5 мая 1928 г., признал необходимым «принять под особую охрану все памятники старины г. Дербента, как-

П. И. Спасский и его жена А. Спасская со школьниками-краеведами в крепости Нарын-Кала. 1922 г.

то: цитадель, стену на всем протяжении, кладбище Кырхляр в полном объеме, выдающиеся памятники на других кладбищах, землянку Петра Великого, дом, где жил поэт А. Бестужев-Марлинский и др.». В апреле 1929 г. Наркомпросом ДАССР в Дербент был командирован в целях организации музея Аскар Сарыджа, под музей были отведены помещения в здании Покровской церкви по улице Ленина, переизбрано правление общества Изучения и обследования Южного Дагестана [3].

В 1934 г. музей получил статус муниципального, и было выделено здание по ул. Площадь Свободы.

Дело П. И. Спасского продолжает жить и развиваться. В 1977 г. краеведческий музей города стал филиалом Дагестанского государственного объединённого музея, а в 1988 г. Постановлением Совета Министров РСФСР от 31 марта 1988 г. № 110 и Постановлением Совета Министров ДАССР от 11 мая 1988 г. № 86 был создан Дербентский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник при Министерстве культуры Республики Дагестан.

А. А. Кудрявцев

Важным этапом в истории развития краеведения в Дербенте, можно назвать время крупных научных изысканий. Это вторая половина 20 века.

И связанно с именем А.А. Кудрявцева, который является видной фигурой в российской исторической науке, о чем красноречиво свидетельствует целый ряд отличительных знаков признания его неординарных научно профессиональных заслуг. Почётный гражданин № 1 города Дербента.

Более 25 лет своей научно-профессиональной деятельности профессор А. А. Кудрявцев посвятил изучению одного из выдающихся памятников мировой фортификации и древнейшего города нашей страны – широко известного в мировом культурном наследии Дербента. Многолетние стационарные раскопки созданной и возглавляемой им с 1970 по 1995 гг. Дербентской археологической экспедиции Дагестанского филиала АН СССР (ныне –Дагестанский научный центр РАН) открыли совершенно неизвестные и уникальные, очень ранние периоды развития Дербента, удревнив начальные этапы его истории более чем на 3,5 тысяч лет и отодвинув истоки возникновения древнейшего Дербентского поселения к рубежу исторических эпох энеолита и раннебронзового века, т. е. до возраста 5000 лет.

В 1987 в году археологическая экспедиция Кудрявцева А.А обнаружила в Дербенте в XIV раскопе две интересные керамические статуэтки фигурки богини плодородия. Одну из них нашли в культурном слое IV–III тыс. до н. э., а другая найдена в зерновой яме того же поселения. На территории цитадели Сасанидского периода (V–VII вв. н. э.) в 1971–1995 Кудрявцевым А.А было заложено на разных участках объекта 9 раскопов, выявивших обивание территории вершины Дербентского холма. Археологические полевые исследования, выявили широкую застройку участков, примыкающих к северной стене цитадели Нарын кала, дворцовыми комплексами (четыре комплекса) датируемые: второй половиной X – нач. XII вв.; XII–XIII вв.; XVI–XVIII вв. выявленные архитектурные комплексы представляют значительный интерес для исто-

рии позднее средневекового Дербента.

М.С. Гаджиев

В 2000 г. Дербентская археологическая экспедиция (ДАЭ) под руководством М.С. Гаджиева доктора исторических наук, профессора после 5-летнего перерыва возобновила раскопки в Дербенте и его исторической округе. Уникальный город-музей по-прежнему открывает свои исторические недра, вызывая огромный научный и общественный интерес. В ходе работ 2000–2019 гг. получен богатейший материал по широкому спектру вопросов истории и археологии Дербента и Восточного Кавказа.

В 1996–2005 гг. велись исследования 42-километровой Горной стены (Даг-бары) – составной части Дербентского оборонительного комплекса.

В итоге этих изысканий были впервые составлены подробные планы Горной стены, фортов и башен, выявлены ранее неизвестные укрепления, определены их архитектурные особенности, точное количество укреплений и протяженность этой грандиозной оборонительной линии, время активного функционирования отдельных крепостей и фортификационной системы в целом, обнаружены важные археологические объекты и находки – знаки строителей, мерлоны и блоки машикулей VI в., водосборные ямы, могильники, среднеперсидская (сер. VI в.) и арабоязычные эпиграфические памятники VIII–XV вв., это одна из древнейших официальных мусульманских надписей 176 г. /792 г. и т. д.

Отсюда можно сделать вывод о том, что малое влечение к изучению родного края дает толчок к возникновению такого направления в науке как краеведение. И не оценим вклад Алибека Тахо-Годи и Петра Ивановича Спасского в развитие краеведения и музейного дела. Идеи и мысли, высказанные в отношении музейного дела, разработки музейной теории, формирования и обработки коллекций и по сей день сохранили свою актуальность, и дало толчок для организации в последующем научно- исследовательской работы, которая ведется в Дербенте с 1970 года и продолжается по сей день. А Дербентской археологической экспедиции в 2025 исполнилось 55 лет.

Список источников

1. Нагиева М. К. К. вопросу о возникновении и развитии музейного дела в Дагестане в конце XIX первой половине XX вв.//Вопросы музеологии. 2010. № 2.
2. Советское краеведение на Северном Кавказе: 2-й сб. краевед. материалов. Ростов н/Д 1933.
3. Спасский П., Дербентские укрепления, – «Изв. Азкомстариса», вып. 4. тетр. 2, Баку, 1929.
4. Бюллетень Института Дагестанской культуры. Махачкала, 1930. № 1.

ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА: ИХ РОЛЬ, ИЕРАРХИЯ, ВЛИЯНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

З. З. Кузеева
Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН,
г. Махачкала

OBJECTS OF MATERIAL HERITAGE IN THE MODERN CULTURE OF THE PEOPLES OF MOUNTAIN DAGESTAN: THEIR ROLE, HIERARCHY, INFLUENCE IN DAILY LIFE

Z. Z. Kuzeeva
National Museum of the Republic of Dagestan named after. A. Takho-Godi
Institute of History, Archeology and Ethnography FERC RAS,
Makhachkala

Аннотация: в настоящем исследовании автор ставит главной целью изучение проявления материальности в культуре и традициях народов горного Дагестана в современности. Работа базируется на полевых материалах, собранных в 2025 г. на территории Шамильского, Чародинского, Кулинского районов Дагестана в ходе комплексной научной экспедиции ГБУ РД «Национальный Музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи». Анализ полученных материалов показал, что многие памятники культурного наследия горного Дагестана тесно «вплетены» в повседневность современной жизни.

Abstract: In this study, the author's primary goal is to examine the manifestation of materiality in the culture and traditions of the peoples of mountainous Dagestan in modern times. The work is based on field data collected in 2025 in the Shamil, Charodinsky, and Kulinsky districts of

Dagestan during a comprehensive scientific expedition by the A. Takho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan.

Analysis of the obtained data revealed that many cultural heritage monuments of mountainous Dagestan are closely intertwined with everyday life today.

Ключевые слова: Дагестан, горы, материальность, традиционная материальная культура, вещи, наследие, этнокультурная самобытность, идентичность, сохранение.

Keywords: Dagestan; mountains; materiality; traditional material culture; things; heritage; ethnocultural originality; identity; preservation.

С 19 июня по 3 июля 2025 г. ГБУ РД «Национальный Музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи» (Нацмузей РД) провел комплексную научную экспедицию «Современное состояние традиционной культуры народов Дагестана», цель которой – исследование традиционных этнокультурных особенностей населения Дагестана, отражающих современную локальную культурную ситуацию в республике. Благодаря такой работе перед участниками экспедиции открывалась возможность для дальнейшего изучения и введения в научный оборот полученных этнографических данных, а также пополнения собрания Нацмузея РД новыми памятниками материальной культуры региона.

Для решения цели были поставлены следующие задачи: изучение районов, древних поселений; сбор и фиксация материалов о культуре народов Дагестана, их быте, традициях, обычаях, языке и истории, для последующего анализа и систематизации.

В ходе экспедиции применялся «маршрутный метод» этнографического исследования. Главная линия маршрута: МО «Шамильский район» – «Чародинский район» – «Кулинский район» – «Докузпаринский район» –«Рутульский район». В каждом из районов экспедиция следовала кольцевому маршруту: база экспедиции находилась в определенном населенном пункте одного из вышеуказанных районов и оттуда перемещалась в маршрутные точки – села данного района, наиболее важные для обследования. Таким методом удавалось посетить не менее трех маршрутных точек за день.

Участие автора в экспедиции осуществлялось по маршруту: МО «Шамильский район» – «Чародинский район» – «Кулинский район».

Старый Гоор, Шамильский район РД

За то недолгое время пребывания в этих районах удалось собрать некоторый материал, который помог наметить общую картину современного состояния традиционной культуры данных муниципальных образований, и стал основой для настоящего доклада.

В результате экспедиционной работы были посещены сельские мечети, муниципальные, частные и школьные музеи, дома культуры, объекты культурного наследия (зияраты, древние поселения и т. д.). Для пополнения коллекции Нацмузея РД посчастливилось собрать предметы народного ремесленного производства, которыми местные жители охотно поделились. За что им отдельная огромная благодарность.

Выбором направления в исследовании указанных районов стало изучение проявления материальности в культуре и традициях народов горного Дагестана в современности.

Если материальную культуру, пусть не в полном объеме, но все же можно исследовать по музейным экспонатам, предметам из частных собраний, архивным источникам и публикациям, то говорить о материаль-

Дом Абдулы Нухулова и Шуайба, XVI в., с. Тидиб, Шамильский район РД

ности без живого диалога с информантами невозможно[1].

Феномен материальности предполагает анализ влияния вещей на жизнь отдельного человека и формирование в его системе ценностей новых смыслов, преданий, нарративов. Т. е. вещи рассматриваются не с позиции их историко-культурной значимости или утилитарного значения, и даже не всегда как предметы, связанные с этнокультурной памятью (зачастую многие вещи старины хранятся у их владельцев вне поля зрения и часто не в очень хорошем состоянии – в сундуках, хозяйственных помещениях и т. д.), а как объекты, создающие новую материальность, благодаря которой раскрывается культура настоящего.

Исследователи отмечают интенциональный характер обращения человека к подобным изделиям: «Попадая в пространство повседневности и современности, старинная вещь являет собой только то, что доступно индивиду для непосредственного восприятия. Познающему субъекту не дано нарративных оснований для определения сущностных характе-

1 За период участия в экспедиции было опрошено 39 информаторов, возраст которых: от 21 года до 87 лет.

ристик вещи. Старинная вещь, хотя и рассматривается исследователями вещи в культуре как мифологема, тем не менее не являет познающему субъекту мифа как такового. Кроме своей предметной сущности в настоящем она не сообщает семиотически о прошлом» [1, с. 23]. Иными словами, информация, которую субъект «считывает» с вещи, транслируется не самим материальным объектом, а выстраивается в человеческом сознании благодаря полученным им ранее знаниям и опыту, его представлениям. В случае такого рассмотрения вещи в культуре, можно сказать, что предмет материального наследия выступает частью материального и духовного мира конкретного человека, в пространстве которого этот предмет находится. Культурное наследие как временной маркер «трансформируется и статус наследия: из «имущества», принадлежащим «по праву наследования», становится «имуществом», «которое конституирует нас»» [2, с. 50].

Поэтому вопросы, которые затрагивались во время общения с местным населением, касались именно сферы их отношения к предметам старины и обращения с ними. Необходимо было изучить какую роль традиционные материальные вещи играют в жизни населения обследуемых территорий, в чем для них уникальность и ценность этих вещей, насколько эти предметы влияют на формирование этнической идентичности, используются ли они в повседневности, семейных обрядах и практиках, какова трансформация их применения в современности, а также хранят ли жители изучаемых районов память о той или иной вещи, как они связывают конкретную вещь с собой или близкими людьми и т.д?

Особый интерес для изучения представляли предметы быта, орудия труда, изделия из мягких материалов, архитектурные сооружения.

Районы обследования, как и весь Дагестан, в конце 90-х гг. XX в. и в 2000-е гг. подвергались влиянию процессов, приведших «к глобальным трансформациям во всех сферах жизни общества, в том числе в традиционной культуре и укладе горцев» [3, с. 163]. Эти процессы были начаты гораздо раньше, но именно в этот период – распада системы коллективного хозяйства, внедрения новых форм хозяйствования на селе, аграрной перенаселенности гор, трудовой миграции, они приняли необратимый характер. К тому же произошел пик взаимодействия разных культурных направлений и культурных ценностей – российской, западной, этнической и религиозной. Все эти процессы так или иначе

наложили отпечаток на формирование «новой» идентичности и ценностей современного дагестанского общества, выраженных в ментальной и материальной категориях. Все мы помним, как в 90-е гг. XX в. шквал турецких и сирийских товаров (в основном, текстиль, ювелирные украшения) вытеснил предметы старины: многие стали обменивать изделия традиционного прикладного искусства на импортные товары. Или, к примеру, падение советской власти привело Дагестан к возврату от государственного атеизма к исламу, что в перспективе стало основой возрождения/развития исламской культуры в республике [4, с. 108–109].

В 2000-е гг. эта картина начала понемногу меняться. Люди стали бережнее относиться к предметам материального наследия. Для одних они обрели статус ценности как антикварного продукта, для других, в потоке стремительно меняющихся событий, эти вещи были единственной константой, возвращавшей их к устойчивому положению (например, как предметы, несущие в себе память о предках, или как способ заявления о своей этноидентичности и т. п.) и т. д. Но одновременно с этим, начавшаяся волна «исламского возрождения» внесла свои коррективы в понятие традиционности: в связи с реисламизацией, ее сторонники стали активно искать исламские корни для многих явлений этнографической культуры Дагестана [5, с. 105].

А что же происходит сейчас на фоне растущих глобальных вызовов современности в системе традиционных ценностей дагестанского общества? И как отношение к предметам культурного наследия может отразить характер развития дагестанской культуры? Ответить на эти вопросы в формате небольшого доклада и на том количестве собранных материалов, которыми мы оперируем, разумеется, невозможно. Здесь предпринята попытка отобразить проблему изучения меняющейся материальности в дагестанском обществе и обозначить пути ее дальнейшего исследования.

Первое, что сегодня можно наблюдать в дагестанских горных аулах – проблемы освоения горных территорий: общетеоретические, экономические, экономико-географические, экологические [6, с. 141]. В республике более двухсот горных селений заброшены и столько же на грани вымирания [6, с. 150]. Разрушенные дома в этих селах – словно яркие свидетельства драматических, политических, социальных и экономических изменений, происходивших в Дагестане на протяжении значительного времени. Переселение, независимо от причин, на новые территории,

даже в пределах границ своего поселения, всегда подразумевает кризис изменений, связанный с восприятием нового пространства. Как справедливо отмечают исследователи, «горы – это не только физико-географическое, геологическое или геостратегическое, но и этнографическое осознание пространства, в котором органически сочетается восприятие истории, традиции жизнеобеспечения, культуры и быта горных стран и народов» [6, с. 141]. Традиционно в дагестанской горной местности организация пространства была выстроена таким образом, чтобы условия подходили для всех, кто проживал на этой территории (например, в аулах с террасообразной планировкой, крыши нижнего ряда домов служат двором для домов, расположенных выше) [7, с. 54–57]. Помимо грамотного распределения площади поселения, определяемого экологическим детерминизмом, такое территориальное обустройство четко характеризовало отношение человека и к предметам материальной культуры: каждый воздвигнутый, расположенный во дворах, внутри помещений предмет был не случаен.

Каток для укатки крыши, с. Ругельда, Шамильский район РД

Многие из этих домов XVI–XVIII вв., и даже целые села, а также находящиеся на территории исследуемых муниципальных образований кладбища XII–XX вв., сигнальные сторожевые и боевые башни XVI–XVIII вв., мечети XVII–XIX вв. имеют государственный охранный статус. В последнее десятилетие, что в определенной степени связано и с развитием туризма в республике, внимание к данным объектам усилилось: началась актуализация историко-культурного наследия не только на государственном уровне, но и среди местного населения. К примеру, все чаще стали появляться небольшие частные коллекции предметов или дома-музеи с сохранившейся старой архитектурной планировкой и традиционным интерьером. Также благодаря сбору средств местными жителями восстановлены некоторые разрушенные мечети, башни. Но несмотря на такой интерес, отток сельского населения в горных ау-

Частная коллекция, с. Кули, Кулинский район РД

лах не прекращается.

Социально-экономические реалии таковы, что многие факторы жизнеобеспечения в горах не учитываются и поэтому для большинства людей переезд является вынужденной мерой. Однако освоение новых территорий, без учета этнокультурной самобытности, равно как и попытка модернизации, уход из прошлой системы формирования жизни, меняют облик не только жизненного уклада человека, но могут привести и к его внутренним трансформациям, что, в свою очередь, ведет к изменениям в языке, культуре, традициях, и может привести к утрате этнической идентичности.

Характер проявления материальности в жизни народов горного Дагестана, можно наблюдать и на примере их отношения к предметам традиционного ремесленного производства. В Шамильском и Чародинском районе РД почти в каждой семье, которые нам довелось посетить, можно было встретить хотя бы одну вещь, относящуюся к концу XIX – середине XX в. Это изделия из дерева (кружки, учалтаны, ложки, мерки,

чаны, сундуки, гребни для шерсти и т. д.), мягких материалов (мешки, хурджины, тканые ленты, предметы одежды, дорожки, паласы, обувь и др.), камня (ступы, гири, катки для крыш и т. д.), металла (тазы, кувшины, серпы и т. д.) и керамики (маслобойки, кувшины, чаши, кружки и т. д.). Женских украшений, аксессуаров к мужскому костюму, а также оружия, как в частных, так и музейных собраниях практически не было, не считая единичных экземпляров женских височных подвесок.

Многие из этих предметов используются в быту до сих пор. И если жители с легкостью могли отдать в дар музею резной сундук, одежду, обувь, кухонную утварь, т. е. вещи, которые уже не применялись ими в повседневности, то с изделиями хозяйственного назначения дело обстояло немного иначе. Например, посуда для чистки зерна, каток для укатки крыши, плетеный шкафчик для сушки сыра, тканые мешки для сена и т. д., несмотря на сильный износ и неприглядный вид, для некоторых имели гораздо большую ценность. Следы времени/реставрации на данных изделиях свидетельствуют, что этими вещами достаточно долго и активно пользовались. Возвращаясь к теме ориентированности на этническую самобытность при регуляции условий жизни в горах, хотелось бы отметить, что эти продукты создавались горцами с учетом специфики горной местности и поэтому имеют такую долгую жизнь и значимость.

В Кулинском районе РД ситуация с хранением и использованием изделий традиционного ремесленного производства немного отличалась. У местного населения их было значительно меньше, чем у жителей вышеуказанных аварских районов. Отсутствие старинных вещей многие информанты объясняли тем, что их перестали хранить, потому что они не вписываются в рамки современного обустройства жизни. При этом в селах Кулинского района, можно встретить достаточно большие частные коллекции предметов материального наследия. Некоторые из них были выставлены в специально отведенной для экспозиции части жилого дома. Такие коллекции были ориентированы как на посетителя, так и на удовлетворение внутренних потребностей самого собирателя старинных вещей. Как, например, рассказывала одна из информантов, подобный уголок в доме был создан ею «для души». Вещи, которые входили в данную коллекцию, нельзя назвать семейной реликвией, большая часть из них была приобретена у местного населения. Некоторые предметы, будучи типичным для одной части населения, становятся

бесценной вещью для другой, с точки зрения их уникальности, как объекта культуры.

Наиболее часто встречающейся вещью в селах Кулинского района, жительницы которой пользуются до сих пор во время работ в поле, является тканая сумка для еды и мелких предметов – чонтай. Это изделия разных размеров, изготовленные в основном во второй половине XX в., но в традиционной технике ткачества. Как отмечали информанты, чонтай – практичная и незаменимая вещь в хозяйстве. По их мнению, универсальность и удобство чонтай заключались в ее износостойкости и, если вещь была больших размеров, то в и особом способе ношения: раньше сумку носили, накинув с помощью широкой тканой ленты на голову. Такой способ помогал освободить руки носительницы и не давил на плечи.

Общество, как социокультурная система, не может существовать без изменений. Наглядным показателем его трансформации является материальная культура. Одни вещи со временем перестают бытовать, другие – видоизменяются и/или заменяются более современными аналогами. Меняются способы их изготовления, формы, материалы, значение, символика. Но при этом в обществе было и остается особое отношение к предметам традиционной культуры. Зачастую предметы старины, независимо от их товарного значения, приобретают статус культурной ценности, переходя в ранг материального наследия, хранящее память о предках, традициях и важных событиях в истории семьи/народа. В современной среде предметы материального наследия становятся частью нового культурного уклада.

Как показало обследование, у народов горного Дагестана многие памятники культурного наследия тесно «вплетены» в повседневность современной жизни. Одни из них продолжают играть практически ту же роль, которая была на них возложена при их создании. Другие, становясь частью современного интерьера, подчеркивают дух самобытности народа. Даже полуразрушенные и разрушенные дома, которые представляют на сегодняшний день старую часть некоторых дагестанских горных селений, являются неотъемлемой частью современной культуры и демонстрируют показатель демографического, социально-экономического, природно-ресурсного, экологического состояния горных территорий.

Проблема изучения меняющейся материальности народов горного Дагестана является актуальной. Важность ее исследования заключает-

ся в сохранении специфики традиционного хозяйственно-культурного уклада горцев, включающей «апробированные веками правовые регуляторы землевладения и землепользования, нормы общественного быта, этики поведения, сохранения экологического, демографического, культурного и, как следствие, экономического и рекреационного потенциала гор» [6, с. 153].

Список источников

1. Муштей Н. А. Старинная вещь: анализ постижения сущности в непосредственном восприятии//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 12. №. 1. С. 22–24.
2. Кокорина Е. Г. Пасекова А. А. Теоретические аспекты изучения танцевальных традиций как нематериального культурного наследия//МедиаVектор. 2023. Вып. 7. С. 48–53.
3. Халилова А. С., Сефербеков Р. И., Гебеков Г. Ф. Влияние процессов русификации и глобализации на традиционную культуру и повседневный быт народов Дагестана в постсоветский период//Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 163–169.
4. Бобровников В. О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать пять лет спустя//Islamology. 2017. Том. 7. № 1. С. 106–121.
5. Магомедов А. Д., Гаджалова Ф. А. Традиционные женские покрывала Дагестана: инокультурные влияния//Манускрипт. 2017. №. 3–2 (77). С. 105–107.
6. Магомедханов М. М., Садовой А. Н., Магдилов М. М. Традиции как ресурс освоения горных территорий Дагестана//История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. No 1. С. 139–153.
7. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: (исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). 2-е изд., доп. Махачкала: Наука-Дагестан, 2014. – 287 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Магомедова Пахрудина Омаровича 3

Приветствие Курбанова Мухтара Аммаевича 6

Приветствие Рамазана Султановича Абдулмажидова 8

Приветствие Формозовой (Бонч-Осмоловской) Елизаветы Александровны 10

Гамзатова С. Р., «Музейные проекты, как средство воспитания исторической памяти и патриотизма и пути их построения» 12

Еркинова Р. М., «Принцесса Укока»: проблемы сохранения и экспонирования в музейном пространстве» 21

Далгат Э. М., «Воспоминания Нины Петровны Тахо-Годи об Алибеке Тахо-Годи как исторический источник» 29

Дмитриев В. А., «Цели ЭОРМ – РЭМ в комплектовании фонда этнографии народов Дагестана» 35

Халимбекова М. Х., «Экспедиция 100»: О некоторых результатах полевых исследований Национального Музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи в 2025 году 42

Павлинов П. С., «Евгений Лансере в Дагестане: художник и педагог» . 56

Павлова М. Г., «Семья Павловых» 68

Магомедов М.-Р. Д., «Я остаюсь на срок, потребный для рисования двух десятков вещиц для музея в дагестане». Очерк о пребывании в дагестане художника – анималиста, видного натуралиста и зоолога А. Н. Формозова» 79

Тарасенко К. К., «Позднемиоценовые Усатые Киты (Cetacea, Cetotheriidae) Дагестана» 85

Дибирова Н. Х., «Махачкала: инструкция по применению из опыта музейного проектирования, актуализации и презентации наследия» 91

Гуляева Е. Ю., «Коллекции Российского этнографического музея, собранные по маршруту «Экспедиции 100» 100

Савенко С. Н., «Музейный деятель Дмитрий Михайлович Павлов (1884–1931) в Пятигорске и Махачкале:находки, уточнения, непроясненные обстоятельства» 107

Идрисова Р. Р., «Опыт музея-заповедника «Казанский кремль»: трансляция историко-культурного компонента в рамках экскурсионной практики на религиозных объектах «. 120

Тикаева З. Д.,«Дагестанский кустарный музей имени И. С. Костемеревского как часть феномена культурной жизни Российской Империи во второй половине XIX-начале XX в.» 128

Мирзаева З. Г. «Усишинская вышивка – уникальное народное творчество» 136

Паршина К. Н., «Вещь должна говорить. Актуализация традиционного дагестанского искусства через опыты контекста. По материалам выставочных проектов ГМЗ «Царицыно» 142

Самарская (Алиева) А. В., «Опыт реставрации крупноразмерных картин М. А. Джемала «Объявление автономии Дагестана в 1921 году в Темирхан-Шуре» и «Чабаны» в национальном Музее Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи» 153

Гасанова А. М., «Традиционные предметы интерьера горского дома в коллекции Национального Музея РД им. А. Тахо-Годи» 159

Сагитова М. Д., «Священная гора Уттуналу и культ святых: синкретизм древних верований и ислама» 170

Дибирова П. И., «Коллекция керамики национального музея и новые поступления» 180

Эмиров Н. Г., «От краеведения до научного изучения истории Дагестана и Дербента» 188

Кузеева З. З., «Предметы материального наследия в современной культуре народов горного Дагестана: их роль, иерархия, влияние в повседневной жизни» 195

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН им. А. ТАХО-ГОДИ

Тахо-Годиевские чтения – 2025
«МУЗЕЙ. ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ»

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(к 100-летию Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи)

Редакционная коллегия: Магомедов П.О., Халимбекова М.Х., Абдулмажидов Р.С.

Ответственный за выпуск: Гасанова А.М.

Доклады публикуются с сохранением авторского стиля изложения и аргументации, с сохранением авторской орфографии и пунктуации.
Ответственность за высказывания, точность цитат и названий несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с позицией докладчиков.

Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи
Махачкала, ул. Даниялова, 31

Издательский Центр «Мастер»
Махачкала, ул. Даниялова, 43.
Тел.: +7 909 48-28-752, (8722) 68-51-51

Формат 60 х 84/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 10.58. Уч. – изд. л. 10,13.
Электронное издание

Махачкала, ул. Даниялова, 31
Тел. +7 988 292 90 12

www.dagmuzey.ru